

СУРА

ЖУРНАЛ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

3 (127)

МАЙ - ИЮНЬ

*Для создания литературного шедевра одного таланта мало.
Талант должен угадать время.
Талант и время нерасторжимы.*

Мэтью Арнольд

В НОМЕРЕ:

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Ольга ДЕНИСОВА. Невоплощенным замыслам моим. (Из старых тетрадей). Стихи	3
Михаил ФЁДОРОВ. Пусти ме да гинем... (На погибель). Роман. Начало. Продолжение в № 4	8
Владимир СИЛКИН. Донецкий дневник. Стихи	70
Фёдор ОШЕВНЕВ. Верующий батюшка. Рассказ	75
Алексей КУПРИЯНОВ. В борах, озерах и дубравах... Стихи	84
Николай МАХОНИН. Слово другу. Стихи	92

К 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Виктор КЛАДОВ. Война и хлеб: тайны Селиксенского гарнизона	97
Валерий САПУНОВ. Мост. Очерк	104

ПОД ЛЕРМОНТОВСКОЙ ЗВЕЗДОЙ

Пётр ФРОЛОВ. Тарханская легенда о происхождении М.Ю. Лермонтова ...	109
«Светись, светись, далекая звезда...» Стихи современных поэтов о М.Ю. Лермонтове	155
Оксана САХАРОВА. Поэтический феномен М.Ю. Лермонтова: от истоков религиозности к духовному познанию мира	160

КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

Захар ПРИЛЕПИН. «...Я тоже последний поэт той деревни, где вырос Есенин». Разговор о Есенине и не только	174
Алексей СУХОВ. «Мы берем обратно Севастополь». О новой книге Д. Дарина	184
Елена ЧЕБАЛИНА. Путь к истине. О новой книге В. Терентьева	187
Виктор СИДОРЕНКО. Святой родник Германа Карпова	191
Пётр ЛОЩИНIN. Знаки прошедшего времени	194

ДЕБЮТ

Ольга ЖИВАЕВА. Подорожник. Стихи	198
--	-----

ЧИТАЕМ ВСЕЙ СЕМЬЕЙ

Олег КОРНИЕНКО. «Тарзанка». Рассказы для детей младшего школьного возраста	202
---	-----

КЛУБ «ПОЮЩИЕ ПОЭТЫ»

Песни Марины ТЕПЛИЦКОЙ	214
Об авторах	219

Ольга ДЕНИСОВА

**НЕВОПЛОЩЕННЫМ
ЗАМЫСЛАМ МОИМ
(Из старых тетрадей)**

Стихи

* * *

*Дяде Фёдору,
навек двадцатилетнему партизану
Великой Отечественной*

В детстве любила драться,
Мечтала всё видеть и сметь.
Почти невозможно в двадцать
Поверить в какую-то смерть.
Снег под ногами и слякоть,
Я оступалась, скользя.
Очень хотелось плакать,
Но плакать было нельзя.
Фриц на губнушке тренькал,
Мне, ухмыляясь, кивал.
Четыре длинных ступеньки
В низкий бетонный подвал.
Высокой чёрной фуражкой
Лампочку заслоня,
Вставал офицер тяжко
И смотрел на меня.
Секунды падали, рушась,
Кругами шла тишина.
Он торговал душу,
Но душа у меня одна.
Тяжесть росла глухая,
Глаза обжигал песок.
Тускнел, всё чаще мигая,
Лампочки волосок.

...И увидела: молодая
Мама пилит с отцом дрова,
А над мамой — без края
Синева, синева...

И когда, по камням головою,
Меня волокли назад,
Стыло небо родное
В открытых моих глазах.

МАРТЫНОВ

Пугаться каждого раската
И кары ждать за годом год.
Но только старость, как расплата,
Ему на голову падёт.

Две неотступные борзые,
Семейный чай, пасьянс, халат,
Углы мышиные, сырые
Да кислый свет ночных лампад...

И вся отрада — хоть порою,
Как в лето то, у Машука,
Увидеть небо грозное
Из-под прямого козырька,

Спокойное лицо поэта,
Опавший медленно платок,
Петличку в мушке пистолета
И синий ладанный дымок.

Как он дрожал, что промахнулся!
И как не верил, что попал.
А убедившись, ужаснулся,
Вскочил в седло и прочь погнал.

А над горой мятежным эхом
Вдогон ему катился гром.
...Назад, раздавленный успехом,
Он мчал под проливным дождём.

Метались молнии в презрение,
Гром небо гневно сотрясал.
И он, в горячке нетерпенья,
Коня до крови исхлестал.

А завтра — где же перемены?! —
Всё там же солнце поднялось...
Смешно ему так откровенно,
Панически бояться гроз.

Он панихиды служит часто,
В имение в скромности живёт,
И у него на крыше, к счастью,
Стоит большой громоотвод!

* * *

Томительные лики облаков,
Туман и светотень преобразений.
Тревожная растянутасть мгновений
И поезда срывающийся зов.

Ещё вчера весенних вод разлив
Пятнал крахмалы снежных оторочек.
И вот уже проклюнулась из почек
Листва, дымком зелёным проступив.

Чтоб травы из-под гнёта поднялись,
Где силы обновления берутся!
Побеги ожидания развернутся
Вдруг над землей и прорастают ввысь.

И мир в предвосхищении затих
В живительном тепле потоков света,
И, робкий, громче птичьего привета
Звенит, звенит новорождённый стих.

* * *

Во сне я говорила по-монгольски,
Раскатывая камешки согласных,
Я упивалась вкусом их забытым,
Вдыхала воздух радостно и вольно,

И резвые слова, как жеребята,
Вдогонку друг за дружкой к горизонту
Скакали, вздёрнув куцые хвосты.
Степь пахла солью. Утренней прохладой
Чуть веял над травой ветерок.
Над белой юртой плыли струйки дыма.
В высоком небе тихо круг за кругом
Чертил, расправив крылья, белый коршун.
И, перламутром иней зажигая,
Всплывало солнце красным поплавком...

* * *

...И условности чувств распадутся, как цепи,
На прогоны пространств и столетий подставы.

И вернусь я с ветрами в монгольские степи,
И пылинкой паду в сухостойные травы.

Гул пройдёт по земле, нутряной и глубокий,
Холодок ожидания курганы затопит.
Небеса покачнутся, заслышав глухой и далёкий
Табунов нарастающий топот.

И навстречу ему по степному всему непокою
Заволнуются трав переливы.
И накатятся степью, и хлынут, волна за волною,
Проходя надо мной, шелестящие конские гривы.

С небесами сомкнется равнина степная.
И в взметенном дурмане её сухоцветья
Буду слушать, не чувствуя, не созная,
Как от гула копыт содрогаются тысячелетья.

* * *

А я люблю языческих богов,
Всесильных и обидчивых, как дети,
О смертных гневно спорящих в совете
И ждущих от молящихся даров.

Священного Олимпа гулкий зов —
Вовек ему не стихнуть на планете.

О, лики беломраморные эти,
Слепое вдохновенье образцов!

И грозный Зевс, и Посейдон могущий,
И занятый кузнечным ремеслом
Гефест, и Дионис, лозу несущий,
И Афродита в поясе златом,

И Майи сын, проныра вороватый,
И Аполлон, прекрасных муз вожатый...

* * *

Невоплощённым замыслам моим,
Которых, может быть, излишне много;
Которые развеялись, как дым,
Не преступив словесного порога;
Невоплощённым замыслам моим,
Чей недочёт ничем не объясним
Перед лицом взыскательного бога,
Что девятью подругами храним;
Невоплощённым замыслам моим
Не отдадут, конечно, предпочтенья,
Как душам, не узнавшим оперенья,
В мир не рождённым, не клеймённым им;
И там, на Олимпийских крутизнах,
С них ничего не спросится, поскольку
Их лиц не запятнал словесный прах,
Их дух вольнолюбивый не зачах
И полнокровный смысл не высох в дольку.
Но суждено бессмертье только им —
Невоплощённым замыслам моим.

Михаил ФЕДОРОВ

ПУСТИ МЕ ДА ГИНЕМ... **(На погибель)**

Роман

*Большаи сем любви никтоже иметь,
Да кто душу свою положит за други своя.*
от Иоанна, гл. 15, стих 13

*«Пусти ме да гинем» — надпись на башнях
танков сербов во время войны в бывшей Югославии.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ **ПЕРЕЛОМ В СУДЬБЕ ПОГОЖЕВА**

1

Новоиспеченный лейтенант Дмитрий Погожев после окончания военного училища попал служить на Кавказ. Гарнизонный городок, обдуваемый со всех сторон ветрами, разбросал свои финские домики по высокогорному моренному плато, на которое по склонам лезли пихтовые и буковые леса, заканчивавшиеся у проволочного ограждения можжевельным редколесьем.

Первое время Дмитрий никак не мог привыкнуть к сверкающей белизне снежных вершин по окружии горизонта, к матовости известковых скал сразу за бровкой леса, к как бы галечному пляжу в развилке говорливой реки внизу, не мог надышаться настоящим на травах медовым воздухом.

Его армейская жизнь с дежурствами, нарядами, выездами на стрельбы сразу влилась в свою колею, и день за днём, неделя за неделей, месяц за месяцем потянулись знакомые каждому военному пыльные будни. Иногда откуда-то из-за хребтов до городка долетали известия о разворачивающихся на просторах огромной страны событиях: это разламывалась и кроилась на более мелкие куски шестая часть суши. То тут, то там заявляли о суверенитетах говорливые

высочки, почему-то считавшие свою тягу к самостоятельности непреложной истиной для всех остальных.

Вот и их полк охватило брожение. Кто из офицеров задумался о переводе в Россию, кто вообще об увольнении... Городок стал пустеть на глазах... Один за другим уезжали командиры, их жёны. Демобилизовывались солдаты, и на смену им никто не прибывал... Погожев наблюдал за происходящим и думал, что вся эта суматоха временная, скоро всё уляжется и жизнь войдёт в прежнее русло.

Его ротный, седой капитан, почти всю жизнь проскитавшийся по глухим гарнизонам, оставленный и первой, и второй женой (можно было понять женщин, уставших от постоянных переездов и неустроенного быта, когда даже питьевую воду привозят раз в неделю и из реки), пропал.

Поступили сообщения о нападениях на военные склады и о захватах боевой техники и оружия. Дмитрий мог бы тоже оставить полк и податься к родителям, но мысль сменить военное на гражданское сразу охлаждала его: не для этого он заканчивал пехотное училище. Теперь Погожеву приходилось нести наряды даже за солдат.

2

Как он обрадовался, когда в один томительный вечер в дверях своей барачной комнатенки увидел загорелое усатое лицо.

— Касьяныч!.. — узнал ротного.

— Ты жив, лейтенант?

Они, гыгыкая и стуча друг другу по лопаткам, обнялись. Касьяныч потрепал Дмитрия по шевелюре, устроился рядом на табурет, и они забылись в длительном разговоре явно истосковавшихся по общению людей.

Ротный выслушал новости о сослуживцах, поднял с пола комок земли, растёр на пальцах и высыпал.

— А комбат как?

— О нём рассказ особый... Ты со смеху будешь кататься! — оживился Погожев. — Вертолет за амуницией прилетел, а он туда своё барахло пихать. Матрасы, ковры, подушки. Ему говорят: «Товарищ подполковник! Мы за военным снаряжением...» А он, не смущаясь даже: «Я его уже всё сжёг». А сам ведь загнал его местным богатеям. Вот какой наш комбатишко... И ведь куда, в Москву перевёлся... Понятное дело, что не за так...

— Да-а... — глубокомысленно протянул, оттягивая ус, Касьяныч.

Финский домик, где недавно кипела жизнь, теперь гулко хлопал дверьми, звенел раскрытыми окнами — ветер шнырял по пустым помещениям.

— Выходит, ты здесь последний, — заговорил Касьяныч.

— Да... Пост сдан — пост принят! — привстал, приложил руку к голове и сел.

— А я к тебе вот с чем...

Ротный вскинул свою оседлую голову, покусал кончики усов:

— Мне люди нужны...

— Какие ещё люди?.. Зачем?..

— На которых я могу положиться, — продолжал Касьяныч.

— Ничего не понимаю...

— Я теперь в карабахской армии служу...

— А, и ты за долларами погнался? — скривился Погожев.

Он знал о том, что некоторые из их полка подались на заработки в горячие точки бывшей страны, на просторах которой теперь разгорались военные конфликты. Но то, что ему предложат такое и сделает это его ротный, которого уважал, не мог и подумать.

— Нет, не погнался, — на впалых щеках капитана заиграли желваки.

— А тогда чего же ты там? — нахмурился.

— А я не пойму, как можешь ты сидеть сложа руки и на всё по телевизору спокойно смотреть. В сотне километров отсюда мусульмане православных убивают, — ноздри вздулись.

— Не мы всё затеяли, не нам и разгребаться...

— И это говоришь мне ты, пехотный лейтенант?

Погожев смутился.

Ротный рассказал о полыхавшей за хребтом, на арцахской¹ земле, бойне, о бедах и горестях жителей этого ещё недавно мирного края, о том, что побудило его оказаться там.

— Впрочем, я не настаиваю, — уже как-то охладел к лейтенанту ротный.

— Но смотри, как бы потом поздно не было... Переночевать-то мне здесь, надеюсь, позволишь?..

Всю ночь Погожев просидел у окна, не отрывая глаз от синюшного, как бы избитого неба, слушая гул ветра и думая о своём незавидном положении.

А в ушах стояло: «Как бы потом поздно не было...»

Ему предлагали идти воевать, воевать с теми, кого ещё недавно обязан был только защищать. Вот как всё перевернулось...

А что ему остаётся? Прозябать в городке и со дня на день ждать, когда нагрянут бандиты? Оберегать уже несуществующее? Все бежали, как крысы, забыв про присягу, про честь, спасая свои пожитки. О нём, лейтенанте Погожеве, никто и не вспомнил ни разу.

При первых секущих лучах солнца с горба рыжего хребта, поправляя рюкзак за спиной, Погожев сбежал по проломившимся ступенькам барака и заспешил за сутулой спиной капитана.

Проходя под слагаbaumом, дёрнул длиннющую задранную трубу на себя. Слагаbaum заскрипел, звякнул концом о железячку рогатули, а потом снова задрал свой острый нос в небо.

---

¹ Арцах — древнее название Карабаха.

Свернули на тропу, которую знал каждый из их полка, бегавший в селение за чачей. Осветилось низовье, зачернела одна смурная крыша, другая, на пригорках и в обветшалых дворах замелькали ишаки. У крайнего прутастого забора путников ждал тупорылый «уазик».

Затраглись по каменистой дороге, изредка укрываемой от буйства света то тенью скалы, то кронами деревьев.

Погожев думал о своем решении, и чем глубже погружался в мысли, тем все более утверждался в безвыходности своего положения. А что он здесь, в городке? Ноль без палочки. И никому не нужен. А где его ждут? Дома — но туда он не поедет.

Машину трясло от напряжения. Она ревела, тяжело и упрямо лезла по серпантинной ленте, исчертившей склон. Угрюмый бородач вцепился в баранку. Вот поднялись на перевал, откуда открылись снежные вершины, закольцевавшие всё вокруг своими отвесными пиками, ледниковыми цирками, каменистыми моренами.

Скользкий, муторный спуск.

УАЗ, прижимаясь к отвесной стене, вполз в узкое ущелье. За изгибом дороги нависла стена из желтых, белых, дымчатых и коричневых слоев. Своеобразная шкала времени из спрессованных, сжатых в сантиметры тысячелетий. В теснине под дверцей машины пенилась речушка, билась о скалы, перепрыгивала через валуны, кипела в котловинах и выплескивалась водопадами.

— Приехали... Дальше пешком, — растолкал его капитан. — Лачинский коридор перерезан...

— Какой ещё коридор?

— Э, да ты ещё и в географии слабоват. Это дорога такая, в Арцах.

Пожал руку водителю, который ответно ещё и махнул.

— Два марш-броска, и будем у своих, — сказал ротный.

— Чего он такой угрюмый? — спросил Дмитрий, глянув в сторону машины, удалявшейся под густые кроны деревьев.

— У него дом сожгли...

— А чего же он тогда здесь, а не там?

— Всякий помогает тем, чем может...

Вошли в высоченный грабовый лес и по мягкому подстилу направились вдоль склона. Немного погодя оказались в расщелине, которая ещё более сузилась с обеих сторон и вот закрылась сверху от посторонних глаз огромными лиственными метелками. Уже по узкому каньону спустились к бурлящей стремнине.

Капитан балансировал на облизываемых водой камнях, перепрыгивал с одного валуна на другой и кричал:

— Не отставай!

Огибая цепь водопадов, тяжело поднимались в гору. Погожеву дышалось трудно, рюкзак становился тяжелее, и, как только потоки теплого воздуха обдали лицо, он, передыхая, остановился.

Земля подёрнулась туманной, густеющей дымкой, небо в палящем предзакатье налилось заревом.

— Пошли, а то ещё на мушку снайпера попадём! — одёрнул его Касьяныч.

Клонясь к колючему травостоя, продолжили путь.

В холодных сумерках вышли на окраину села.

— Бульба! Бульба! — навстречу вывалила, видимо, только оперившаяся пацанва.

«Вот они его как зовут», — подумал Дмитрий и спросил:

— Это и есть карабахская армия?

— Да, непобедимая...

Погожев пробурчал что-то нечленораздельное.

4

Поспешил за ротным в дом с застекленной верандой. На полу в тусклом свете керосинки видны были разбросанные в беспорядке пустые консервные банки из-под тушенки, в углу валялись сапоги, прочая амуниция, а на столе возвышался короб рации.

— Я ведь по-армянски ни гу-гу... — пробубнил Дмитрий, стягивая рюкзак.

— А тебе и знать-то всего надо «хац» — хлеб, «джу» — вода, «арак» — водка, — оголил свои редкие зубы капитан.

— «Хац» — хлеб, «джу» — вода, «арак» — водка, — повторил Погожев и засмеялся.

На лужайке перед домом собралась галдящая толпа парней.

— Вот вам новый взводный! — Касьяныч представил Погожева. — Обращаться к нему надо — «товарищ лейтенант»! А можно просто Дмитрий.

— Дмитрыч! — подхватили парни.

Погожев хмыкнул, отошёл в сторону и вытянул руку:

— В три шеренги ста-но-вись!

Все затолкались в беспорядке.

— Чего ему нада?..

— Не руками!

Кое-как вытянулись в три шеренги.

— Ты сюда, а ты сюда, — взводный переставил двух детин.

— Это Ашот! — назвал Касьяныч одного армянина. — А это...

Не успел договорить, как его опередили:

— Осколок!

— Прозвище у него такое, как у меня — Бульба! — покрутил ус Касьяныч.

— Он куда нос ни сунет, так обязательно получит. Недавно в лес зашёл по надобности — мина рванула, штаны сорвала и маленькую царапинку на одном месте оставила... — с серьёзным видом произнёс Ашот.

Все засмеялись.

— А что этот здесь делает? — Дмитрич уставился на высоченного негра.

— Это Патрис! — залился и Бульба. — Он христианин. Тоже с мусульманами воюет.

— Петрович! — протягивая руку, представился негр.

Погожеву стало не по себе.

Вокруг все покатывались со смеху. Звонко и заразительно гоготал Касьяныч. Вытирал наворачнувшиеся от смеха слёзы Ашот. Толкая друг друга локтями, веселились остальные.

Взводный тоже схватился за живот.

Когда все вместе уселись с ротным за стол под увитый виноградом решетчатый навес, Погожев дал волю своим чувствам:

— Мало того, что ты мне пацанву безусую втёр, так ещё и негра подсунул...

— А ты чего хотел... Видимо, пришло время им всем за оружие браться...

— Да... Я в армянском ни гу-гу, а тут ещё и на языке какого-нибудь банту или масаи надо изъясняться... Как я с ним в бою буду? Пальцами, что ли, команды подавать?

— Болван! Патрис в Московском университете учился... И русский знает не хуже нас с тобой...

— Ого...

Ротный взялся за бутылку.

— За что пьём?

— За банту, масаи и вообще за наше воинское братство!..

— Я вам вот что скажу, — Касьяныч, видя, что вокруг собираются и самые юные его воины, размашисто поднял стакан, — мы, русские люди, всегда там, где тяжело... Сколько болгар мучали турки, пока наш солдат не топнул ногой на Шипке... Сколько сербского нашего брата теснили недоверки и басурмане, пока русский человек не протянул руку... Сколько фашист топтал Европу...

Погожев покраснел.

— Нет уз святее братства! — продолжал капитан. — Отец любит своё дитя, мать любит своё дитя, дитя любит отца и мать... Но это не то, братья! Любит и зверь своё дитя... Но породниться душою, а не по крови, может только человек. Бывали в других землях товарищи, но таких, какие в Русской земле, не было таких товарищей... Так любить, как русская душа, никто не может!

— Ура, Бульба! — как африканцы, запрыгали от восторга молодые воины.

— Виват! — выбрасывал вверх кулак Патрис.

Касьяныч осушил стакан и занюхал краюхою. Дмитрию от жгучего спирта спёрло дыхание в горле, на глаза выкатили слёзы. Он, задыхаясь, схватил огурец и толкал его, давясь, в рот.

5

Через три дня рота снялась с места и запыхала по бескрайнему взгорью на фронт.

— Я в танке горел, мне броня за шиворот капала!.. — говорил на ходу Ашот.

— А я с самолета без парашюта прыгал... — заливал Осколок.

Проходили селения с редкими жителями, в основном бабками и дедами, которые понуро провожали новобранцев. Ехавшие навстречу тягачи провозили раскуроченные пушки. Скрипели телеги с домашним скарбом.

В полуденный солнцепёк вдали показался серый шлейф, и вот к колонне с громоуханием приблизился грузовик.

Из него, держа руку на баранке, высунулся армянин:

— Где здесь госпиталь?..

— Да был там, — Погожев показал назад, вспомнив про село с белым флагом и красным крестом над палаткой у церкви.

— Сколько километров отсюда?

— Где-то семь.

Машина дёрнулась и остановилась. Заглох двигатель. Водитель нервно поворачивал ключ зажигания. Стартер визжал, но мотор не заводился. В открытую дверь кабины на сиденье был виден ребенок с перевязанною головой.

— Бензина! Бензина! — закричал армянин.

— Слушай, но у нас-то бензина нет... Мы — пешие...

Шофёр спрыгнул на дорогу, кинулся с ведром в одну сторону, потом в другую, вернулся, опустился на колени, обхватил голову руками, и плечи его затряслись.

Колонна двинулась дальше. Погожев оборачивался на растворявшийся в жарком мареве за оголёнными глинистыми пустошами грузовик и думал о той жуткой особенности войны, по которой первыми пострадавшими всегда оказываются дети.

Шли вторые сутки. Кругом зияли ямы от мин и снарядов. Чернели дымившиеся дома с болтавшимися ставнями и выбитыми стёклами. Бесхозно бродил домашний скот. Вдоль обочины лежали обгоревшие человеческие тела, похожие на цыплят табака.

— Что же это? — Погожев подошёл к раскинувшему руки смуглому мужчине с тёмным пятном во всю грудь.

— Это азер, ну мусульманин... — ответил Касьяныч.

— А чего он тут лежит?..

— А кто их убирать-то будет? Это у нас, христиан, тело земле надо предать...

Лейтенант повернулся на хрюканье сзади и увидел свинью в канаве, обгладывающую пятку другого тела.

Передёрнул затвор.

— Патроны побереги! — потянул его за рукав Касьяныч.

Погожева чуть не стошнило, и он на долгое время потерял аппетит.

С вечерней зорькой зазвучала команда:

— Привал!..

Строй посыпался с дороги на выжженный солнцем пустырь. Ашот загремел котелком к видневшемуся на взгорке венцу колодца и вскоре вернулся.

— Что пустой? — спросил его Погожев.

— Туда лошадь скинули...

«Вот она, война-то, какая... А ты всё о боевых действиях думаешь... А ее следы вот — в каждом колодце лежат, из каждой канавы обглоданной пяткой выглядывают...»

6

Рота расположилась в поле на ночлег. Выставили посты. Установили палатки. Погожев устроился на траве под открытым небом: вещевого мешок под голову, автомат рядом. Лежал, и его постепенно уносило от реалий нынешнего дня в воспоминания о детстве, когда жил с родителями на Псковщине (отец тогда служил в ракетной дивизии) и в густых хвойных лесах они с мальчишками находили то противогаз, брошенный во время войны с немцами, то дырявую каску, а однажды в одном заросшем бурьяном доте он извлёк из-под трухи коричневую офицерскую кобуру.

Тогда он мог целыми днями играть в «войнушку», представляя себя то ратником с пикой, то кирасиром с палахом, то пехотинцем с ружьем, но и подумать не мог, что когда-нибудь судьба его столкнёт с совсем другой действительностью, с тем, что на его глазах ногу убитого будет грызть кабаниха, что, ещё не попав на передовую, уже увидит истекающего кровью мальчика, быть может, совсем недавно игравшего в самую распространенную мальчишечью игру.

От нарастающего воя протёр глаза. На него, увеличиваясь, двигался крестик: ближе, ближе, и вот с ревом низко-низко пронеслась «сушка». Он знал, что такие самолеты находятся на вооружении российской армии, и помахал.

«Сушка» ушла вверх, сделала петлю и стала снижаться.

Сощурился и тут в лучах восходящего солнца увидел отделившийся от брюха парашют с бочкой.

Вскочил и заорал:

— Кассетница!

Кинулся в сторону. Заметил, как повскакивали и забегали по полю люди. Скатился в яму между кустов и накрыл голову руками.

А следом пошло:

— Бу-бу-бу-бу...

Пришёл в себя от удара в бок. Глянул — Касьяныч стоит над ним.

— Где твой взвод?

Крестик удалялся к горизонту.

— Вот сука! — Погожев затыкал пальцем в сторону самолёта.

— Всех пересчитать! — поддел его ногу носком ботинка капитан.

Первые потери. Убитых схоронили прямо у дороги — земля оказалась на редкость твердой и каменистой, поэтому копать могилы пришлось по очереди всем; раненых отправили в ближайшее селение.

— Это нам ещё повезло, что он малость промахнулся... А возьми немного левее, вряд ли бы мы с тобой сейчас разговаривали, — сказал ротный.

— Слушай, у меня почему-то сложилось впечатление, что летчик был наш, русский... Он как-то уж очень себя вольно вёл...

На это Бульба ничего не ответил и первым вышел на дорогу:

— Рота!..

Осколок замахал перевязанной рукой:

— В колонну по три...

7

Длиннющие траншеи перехлестнули холмы, надрезали склоны. Между линиями окопов тускло зеленело пустующее пространство, куда нельзя было ни ступить, ни влезть. Там если и не подорвёшься на mine, то уж подстрелят точно.

По всему чувствовалось, что готовится наступление. Бригада, в которую влилась рота Бульбы, пополнилась несколькими танками. Погожев, готовя взвод к бою, гонял парней по поляне за селом:

— Патрис!

Негр убежал вперед и ждал, пока догромыхают до него оружием, вещмешками и прочей амуницией солдаты их взвода. И на новый круг.

— Тяжело в учении, легко в бою! — подбадривал Дмитрич.

Бригаде было приказано через несколько дней прорвать оборону противника и вклиниться к нему в тыл на глубину пять километров. Танки должны были сквозь заранее разминированные проходы первыми выйти к окопам мусульман.

Дмитрий готовил себя к первому бою. Бесчисленное число раз прокручивал в голове возможный ход атаки: как поведет себя в такой ситуации, в иной, что предпримет, если произойдет одно или другое. Не струсит ли сам?.. Не подведут ли его солдаты?.. Главное, не ударить лицом в грязь перед Касьянычем!.. Тревожные мысли одолевали его.

Наступление планировалось на семь утра, а мусульмане прошли по проходу в четыре.

Погожев вскочил от рыка Касьяныча.

— Нас предали! — орал тот в микрофон рации. — Азеры пошли!..

Дмитрий слетел с койки и, натягивая гимнастерку, выскочил во двор. За ним уже стучали сапогами другие. За плетень. В траншею. Гуськом. К амбразурам. Враг под самым носом лез по склону.

Погожев выхватил гранату. Бросил. Еще. Загрели взрывы. Глянул вправо: Осколок ни жив ни мертв обнял автомат и, как суслик, голову из окопа высунет и назад прячет. И дрожит весь.

— Стреляй! — заорал Дмитрич.

Тот снова голову из окопа и снова назад. Мусульмане очухались и полезли опять. Взводный выхватил у Осколка автомат, лёг на бруствер и давай поливать:

— Ну, обрезанные! Получайте...

Застрочили с краёв траншеи. Стали жать вражескую пехоту к земле. А та все равно медленно-медленно, настырно двигалась вперёд. Снизу огнем ее поддерживали танки, хотя и не решавшиеся сами лезть в гору, боясь подорваться на минах. От взрывов взвод Погожева накрывало песчаным дождем.

Оглушительным треском взлетело всё впереди — заработали карабахские танкисты.

— Проснулись!

Противник начал откатываться. И его гусеничная техника, дёргаясь, сдавала назад.

8

— Касьяныч! Что же это за такое: мы готовились, а нас опередили?

— Это же кто кого! Здесь ведь всё так переплетено. Думаю, не удивлю тебя, если скажу, что в бригаде азеров, что пошла на нас, два радиста нашего полка служат...

— Не может быть!

— Всё может, всё... Вот мы с тобой — здесь, а они — там. Эфир слушают и всё про нас знают...

Фронт двинулся с места. Рота устремилась вперёд. На спине противника ворвалась в городок, из которого еще накануне слышались возгласы муллы, прерываемые криками и воплями.

Увидев у высокого минарета сваленные горкой тела забитых камнями людей, Погожев почувствовал, что силы покидают его и всё внутри немеет. Спазматически схватило горло. Он что-то замычал, зарычал, опустился на колени, не в силах стоять. Ведь не предполагал, что столь жестокой окажется война. Столь бесчеловечной. Лежали женщины, деды, девчонки... Что-то могучее подняло его, и уже в следующую минуту он неся в сторону выстрелов.

Выстрелы ближе. Ближе. Вдоль забора. К углу разрушенного дома, от которого остался только один каркас. Внутрь. Мимо огромных брешей длинного коридора. Зигзагами.

Вокруг: фьють, фьють...

Взлетел по маршам лестницы. Как на ладони, перед глазами вытянулась улица, с тупика которой поливала огнём «бээмпэшка», прижимая карабахских бойцов к стенам.

— Ашот, твою мать! — заорал, высовываясь за кирпичную кладку. — Сюда!..

Прибежал Ашот.

— Видишь, какая птаха стоит? — показал на башню «бээмпэшки», которая поворачивалась из стороны в сторону.

— Я Патриса возьму, — сказал Ашот.

— Попробуйте...

В конце коридора задрожало розовое марево.

Что-то горит?

Как ахнет — отвалилось полдома.

Погожев, как из ада, — вниз. Пролетел комнату, усыпанную гильзами, и с разбегу — в брешь, и — в несколько прыжков — в дом напротив.

Дождавшись, пока скрылись за забором Ашот и Патрис, выставил автомат. Отвлекая, дал очередь в сторону «бээмпэшки». Боевая машина выползла из своего лежбища. Стала наводить пушку на стрелка, и тут под её колесами полыхнуло. Патрис выскочил на дорогу и в клубах дыма затанцевал своим гибким африканским телом.

9

Брали улицу за улицей, переулок за переулком. Погожев, захваченный боем, различил сухие хлопки в стороне — в него стреляли из виноградника.

— Ну, с-сука!

К земле. Мимо лозин к сараю. И... вдоль сарая так, чтобы стрелявший уже не увидел его — отсвечивало солнце.

Азер, видимо, почувствовал что-то неладное. Дмитрий прижался к стене у угла в ожидании. Азер ему прямо пуговичкой пиджака в ствол. Побледнел: лицо — сухое молоко. И губа красная отваливается.

Погожев еле сдержался, чтобы не нажать на курок. Провел чего-то бубнящего пленного к Ашоту:

— В мечеть! Там в подвале их всех собирают. Потом в Степанакерт повезут.

Ашот угукнул, ткнул пленному в спину дулом автомата, и тот спешно заковылял по каменистой тропе.

— Лейтенант! Лейтенант! Туда! Туда! — к Погожеву подлетел, махая руками, Патрис, не в силах что-то объяснить.

Погожев кинулся за Патрисом. Издали увидел подвешенного за руки на дереве своего пленного с залитым кровью животом. Тот ворочал головой, истошно орал, а Ашот штык-ножом полосовал извивавшееся тело.

— Стой! Стрелять буду! — заорал на бегу лейтенант, тряся автоматом.

Ашот продолжал. Погожев дал очередь вверх. Ашот развернулся, поднял с земли свой автомат и направил на лейтенанта. Погожев застыл, не решаясь сделать еще шаг вперед.

Чем бы закончилось противостояние взводного и Ашота, трудно сказать. Взводный был предельно возбужден, нервы на пределе были у Ашота. Но подоспел Касьяныч и вырвал из рук Ашота автомат. Ашот зыркнул на ротного, с размаху воткнул по самую рукоять нож в дёрнувшегося мусульманина (тот сразу обмяк головой) и пошёл прочь.

10

— У него всю семью вырезали эти выродки!.. — доказывал ротный Погожеву.

— Всё равно мне не нужен такой солдат! Это зверь!

— Кто здесь командир?! — ударил по столу Касьяныч.

— Ты!

— Так вот тебе мой приказ: Ашот остаётся в твоём взводе! Если я после каждого убитого азера буду сопلي подтирать и воинов тасовать — у меня не рота будет, а похоронная команда!

Погожев, махнув рукой, вышел. На душе было тяжело. В глазах плавали забытые тела у мечети, дергался пленный на ветке, поливал из стороны в сторону пулемет «бээмпэшки», танцевал Патрис. Казалось, что его череп вот-вот лопнет от непомерного давления, а если нет, то он просто сойдёт с ума.

Быть может, он что-нибудь сделал бы с собой, застрелил бы кого; на худой конец, застрелился бы сам, если бы не взяла верх в его сознании уверенность, что надо жить во что бы то ни стало.

— Ты кто? — спрашивал и сам себе отвечал Погожев. — Чего нюни распустил?.. Тебя судьба вывела на этот путь... А ты все объяснения какие-то ищешь, понимание... Здесь нет ни первого, ни второго!.. Выпало драться — надо драться... Приходится убивать — значит, надо убивать... Пока этого с тобой не сделали другие... И не о чем больше жалеть!.. Нечем голову забивать!.. В конце-то концов, чему тебя в военном училище учили? Воевать... Вот и вой — применяй свои знания на деле.

В считанные недели Погожев заматерел, огрубел. На смену мальчишеской обостренности пришла мужская взвешенность. Впечатлительность заросла коростой взрослости. Теперь к нему бежали за советом, а Касьяныч со спокойным сердцем оставлял на лейтенанта роту. Командир бригады при встрече всегда крепко жал руку взводному, корреспонденты заморских телевизионных агентств любили снимать его на башне танка вместе с негром, и репортажи потом облетали мировые телевизионные агентства.

В бригаде кончались боеприпасы. Погожева послали в тыл за минами. Было жарко и солнечно. Хотелось купаться, а надо было везти опасный груз. На «бэтээр» добрались до базы, загрузили сорок ящиков мин в «бэтээр» и тронулись в обратную дорогу.

Погожев сидел на люке и размеренно поглядывал то на буковый лес на склоне, то на стройные сосны на гранитных утёсах, то на лианы в придорожных кустах.

— Красотища!.. Вот так бы ездить, глазеть по сторонам и не думать о том, что где-то кто-то схватился в смертельной схватке за оружие.

Вдруг из-за поворота появилась черная коробка.

Танк.

— Азеры! Назад! — заорал не своим голосом Дмитрий, проваливаясь в люк. — Как они к нам в тыл пробрались?..

Хотя понятие тыла было относительно: мусульманская техника лазила по территории карабахских армян, и карабахская — по мусульманской.

«Бэтээрка» подалась в сторону. Колеса визжат. Развернулась на месте — и ходу. Танк качнуло. С дула сорвало дымок.

Погожев не понял, что его выбросило из люка. Шмякнулся на землю. Растянулся. Тело отбито. В ушах свист. А коробка приближается. Погожеву показалось, что он то ли пополз, то ли заковылял, то ли побежал, каждое мгновение ожидая очередь в спину и машинально представляя, как сначала обожжёт, а лишь потом раздастся треск.

Танк катил сзади — до него метров тридцать, а до кустов все сто...

И:

— Бах!

Скосил голову — сзади взметнулось пламя: ни «бэтээрки», ни танка не видеть — всё окутано дымом. Смердный запах затянул в ложбину.

Дмитрий лежал на земле. Его начало трясти. Сколько это длилось, не помнил. Когда ветром сбило клубы, танка уже не было. Чернела одна раскуроченная «бэтээрка». Дошло: от прямого попадания фугаса в зад «бэтэера» мины не взорвались, а от выстрела рядом сдетонировали!

Кое-как добрался в бригаду.

Рассказал обо всём Касьянычу.

— Вот что я должен тебе сказать: видно, ещё не пришло время нам головы сложить... И хорошо, что люк был открыт, иначе размазало бы тебя по стенкам... — сказал и похлопал лейтенанта по плечам ротный.

Погожев привязывался к ротному, который заменил ему самых близких людей. Ротный отечески опекал Дмитрия, по-братски делился последним, по-дружески выручал. Они даже ели из одной миски. Дмитрий старался платить

Касьянычу тем же, недоумевая, почему таким достойным мужчиной пренебрегали женщины.

Группа карабахской разведки выходила из рейда по тылам мусульман — до своих оставалось не более пяти километров. Погожев шел первым. Ступил на одну из последних перед территорией армян дорог и увидел у камня засаду мусульман. До них было не более десяти шагов. У Дмитрия всегда один палец находился на предохранителе, а другой — на курке. Машинально опустил предохранитель, нажал на курок — заклинило. Две недели не чистил автомат. Все по горам лазил. В стволе гарь, ржавчина образовалась.

Подумалось: «Хана!»

Видимо, поняв, что к чему, азеры решили взять облапошившегося лейтенанта в плен. Дмитрий бросил гранату и скатился в ложбину. Перебежал в другую. Азеры за ним. Стали окружать, стреляя поверху и прижимая к земле. Спина Погожева стала как разжиженная, словно чувствуя, что вот-вот в нее вопьется пуля. Знакомые ощущения, как с танком. Вокруг колючий кустарник. Со лба сбегает струйками пот. В глаза что-то попало с пыльных листьев. Дышать нечем. Но и оставаться в мешке нельзя. Кашляя и задыхаясь, рванул из последних сил к скале.

Со взгорка раздалась стрельба — Касьяныч стал поливать трассерами.

«Отвлекает...»

Пули застучали по камням.

Мусульмане сбились с толку. Дмитрий свалился в овражек перед скалой. Прижался к камню и лежал. Сердце так и выпрыгивало, а самого колотил «кондрат». Слышал, как удалялись выстрелы мусульман. Их уводил Касьяныч.

Вскоре ротный склонился к нему:

— Цел! Братка...

Они обнялись и закатались в кровавых лучах заката по колючему подстилу.

Возвращались в бригаду, держа друг друга за руку. Погожева охватывал такой прилив чувств, что хотелось расцеловать ротного, но этому мешали уже формировавшееся мужское достоинство и щекотливые усы Касьяныча.

Полевая жизнь текла в своих тревогах и хлопотах. Если переставали гавкать собаки, то ждали налёта самолетов. Самолеты прилетали, бомбили и улетали. Если мусульмане выгоняли коров на нейтральную полосу, то готовилось наступление, и тогда часто с треском и трубным ревом взлетали в небо ноги подорвавшихся на минах буренок. Если после автоматной стрельбы наступала тишина, то начинали работать снайперы. Только кто-то показывался на открытом месте, как раздавался щелчок, — и неудачник в лучшем случае попадал в госпиталь, а в худшем отправлялся на другой свет. И после очередного «подранка» возобновлялись инструктажи.

— Если надо куда по голой местности добраться, то сначала дожидаясь выстрела. Услышал «щёлк» — сразу выскакиваешь и бежишь, считаешь на бегу:

«раз, два», и на «три» резко в сторону, чтобы с мушки снайпера соскользнуть. И снова «раз, два» — «три», — вбивал ротный солдатам.

13

На стороне противника всё пришло в движение. Азеры попёрли с поддежкой бронетранспортеров. Взвод Погожева залёг в траншее. Кто за мешком с песком, кто за деревом, кто на бруствере.

Занятый мыслями о бое, Погожев вдруг увидел, как с песчаного холмика соскользнула к ним в окоп жирная медно-красная змея. Видно, не по себе стало чешуйчатой пресмыкающейся на солнцепёке от дрожания земли.

Подняла мыльницу мордочки, заструилась к Осколку.

— Стреляй в неё! — крикнул Погожев.

Осколок дулом автомата поддел змею и швырнул за окоп. Вскоре та снова оказалась на бруствере и теперь завияла к Погожеву. Тот не успел даже передёрнуть затвор, как от змеиного броска взлетел на холмик, а змея проскользила понизу... И тут ногу Погожева дважды обожгло. Одна пуля угодила под коленку, другая — в ляжку.

Сбежались солдаты. Подняли Погожева на плащпалатку и, пряча головы в траншею, понесли.

— Вот видите, Осколок-то, видимо, я, — подсмеивался через боль Погожев.

Санитары наложили тряпичные жгуты. Ротный повез Погожева в госпиталь. Пока ехали, Погожев потерял полтора литра крови. Весь кузов был облит красным. Когда стали снимать с кузова, лейтенант куда-то провалился.

Лежал в полевом госпитале. Врач ему говорил:

— Смотри не двигайся! Чтоб зажило!

Другой:

— Ходи! А то мышца атрофируется!

Прошёл — нога опухла. И снова в лёжку, пока опухоль не спала. Врачи менялись, постоянного не было. Весь медицинский персонал был нарасхват. Раненых с передовой везли и везли, и хорошо было бы им успеть хоть сделать операции. Нога у Погожева не проходила, и его решили отправить глубже в тыл.

Устроили в кузове грузовика вместе с другими эвакуируемыми. Лежа на спине, Дмитрий ощущал каждую дорожную кочку, каждый камень. Смотрел в небо. Оно голубое-голубое, чистое-чистое, и глаза то убаюканно закрывались, то снова открывались. И ему вспоминалась его родная лесистая Псковщина... Он в задранных штанишках вместе с отцом выплыл в лодке на протоку, и отец, рослый мужчина, размахнулся, и с кончика спиннинга заблестела на солнце и с фонтанчиком шлепнулась в воду блесна... Зажужжала катушка.

Отец:

— Греби, сын! Работай вёслами...

Лодка тронулась, и по тому, как тяжело стало грести, он понял, что зацепили большую рыбу... И вот все ближе и ближе к лодке плескание, спиннинг выгнулся, отец расставил ноги. На днище лодки плюхнулась и забилась серебром глазастая щука...

Где-то забухало.

Открыл глаза.

«Сейчас самолеты налетят, и всем хана!»

Скосил голову набок. За бортом все выжжено, сушь и гладь с колючками. Ну ладно, он, может, и за камень успеет уползти, а эти, другие раненные, ведь все недвижимые... Повезло: не прилетели «ясные соколы».

14

В роту Погожев вернулся с палочкой. Обмыл возвращение. И дальше — пить, ведь в бой не пускают.

Касьяныч наехал:

— Когда закладывать бросишь?

— Когда на дело возьмешь, тогда и брошу!

Они вышли из хаты в сад. Легли под деревом на панцирные сетки. Вокруг, обдувая их, гулял по котловине ветер. Трещали кузнечики. А вдали над кромок леса подоблачная каменная гряда. Заговорили о том времени, когда окончится война и они поедут сначала на родину к ротному — на Украину, потом к Погожеву — в Россию.

— Касьяныч! Рация... — раздалось из окна.

Тот вскинулся с сетки и пошёл. Дмитрий свернулся калачиком, стал засыпать.

Вдруг слышит: чпок!

Видит: на крыльцо, держась за живот, вываливается Касьяныч. Кровь сочится между пальцев.

— Где? Кто?... — Погожева сорвало.

— Да он, он, лоханулся, — морщась, выдавил из себя Касьяныч.

Сзади бледный радист залепетал трясущимися губами:

— Крючок автомата задел... Пуля отрикошетила...

Сбежалась вся рота. Все галдят:

— Бульба!

— Бульба!

Погожев уложил Касьяныча, взял голову на руки:

— Держись...

А у самого слёзы на глаза наворачиваются.

Бульба слабеющим голосом:

— Угомонись... Дело гиблое... Я же понимаю, когда можно на что надеяться, а когда нет... Ты только вот что исполни. Поезжай в Задонск. Есть такой городишко в России. Разыщи там моего брата. Он у меня монах в Свято-Тихонов-

ском монастыре... Отцом Гурием зовут... И Расскажи ему, как всё получилось... Пусть молится за меня... Братка...

Холмик на могиле Погожев выкладывал сам. Камень к камню, булыжник к булыжнику. Всю ночь просидел у креста один, пока крошечную тьму не сменила слюдяная бездонность утра.

С этого дня почувствовал, что смерть так и ходит за ним по пятам, но почему-то не берёт его, а чего-то выжидает, и на сердце от всего этого лежит непомерная тяжесть.

Снова запил. Думал, поможет. Тело пьяное, а голова свежохлая. Что делать?.. Почему-то вдруг решил, что должен отомстить за Касьяныча. Причём именно «русам» — русским, за баксы воюющим на стороне мусульман. Выследить непременно их и положить, гадов продажных.

Взял «осу» — это гранатомет — и захромал в тыл противника.

Долго пробирался по лесу, шёл вдоль ручья, подымался с террасы на террасу, лез через завалы камней и непроходимые дебри. Выбрался к дороге, которую заранее приметил на карте.

Устроился на скале и теперь наблюдал за каменистым большаком. Вот прошёл старик с жерёбой кобылицей — их нечего трогать. Прогромыхал грузовик с мешками — пусть водила живёт..

На дороге показался «бэтээр». Ехал нахально, не придерживаясь полосы движения. Знал, что так ездят только русские. Мусульмане — те всегда осторожничают.

Бронемашина ближе. В предзакатном солнце сверкнули ее фары. Вот и голова чья-то в люке видна. Ну! Нацелил «осу». Пш-шик... «Бэтээр» вспыхнул и зацарил едким смрадом. Из него стали выскакивать люди в пятнистом. И к кустам.

Только один приблизился к спасительному бугру — хлоп, и руки вскинулись к небу. Другой в противоположной стороне тоже растянулся на дороге. Третий...

— Ну все, хватит...

Прихромал в бригаду, обнял каждого из своего взвода. Осколок зашмыгал носом на его груди. Патрис, оголив свои меловые зубы, оторвал его от земли и долго держал, сжимая. Только Ашот зыркнул на него колючим взглядом и куда-то скрылся.

— Прощай, Арцах! — Погожев с первым грузовиком уехал в Ереван.

С карабахской землей его отныне больше ничего не связывало. Касьяныча в живых не было. А силы воевать за армян иссякли.

15

В столице Армении сел в чадающий черным дымом поезд. В купе оказался с женщиной и двумя ее девочками. Поезд шёл тихо-тихо, словно крался. Непредусмотренные расписанием остановки следовали одна за другой. Какие-

то вооруженные люди шныряли по коридорам и что-то искали. Когда въехали в Грузию, ворвался наряд полиции, и начали шмонать весь вагон.

У соседки полезли в сумочку — а там целый ствол. Но та какой-то документик достала, и животастый «гамарджобо» вытянулся по стойке смирно. А девочки потом ещё по гранате Дмитрию показали. Они родственниками армянского президента оказались.

С горной цепи сплошным пологом в непроглядную бездну тумана сползал лес. Где-то совсем рядом кипела черноморская вода. Прибой подтачивал железнодорожную насыпь, нависшие отвесные скалы. Скалы грозились похоронить под собой вагоны пассажирского поезда.

Абхазия. Гагры.

— Где-то здесь, в роскошных реликтовых парках, бродят знаменитые гагрские павлины.

Пришли желанные покой и тишина. Нет и признаков войны, не слышно ни стрельбы, ни воя самолётов, ни скрежета танков, ни криков раненых. «И ты уже не лейтенант карабахской армии, — так думал Погожев, — оставил её навсегда. И тем более не лейтенант российской — покинул ее еще раньше! А мирный человек, который хочет скорее к родным в отеческий край».

После суток пути по бескрайнему равнинному простору состав обогнул покатый бугор и клацнул колесами около слепоглазого кирпичного здания недостроенного вокзала белгородской станции Оскол, лезшего своими ступенями-этажами вверх по склону.

На автобусе добрался до разросшегося микрорайона, откуда пять лет назад уехал поступать в военное училище.

Знакомый подъезд. Знакомая, обитая дерматином дверь квартиры, полученной отцом после увольнения и переезда со Псковщины.

— Сынок! — мать обвила его шею.

— Приехал, — высочил из комнаты отец.

— Как видите...

— А это что? — отец показал на палку.

— Глянь сюда! — прихлопнул кончиками пальцев по красной нашивке на груди. — Батя, надеюсь, понимает, что это означает...

— Ранение, — произнёс тот, уже слезящимися глазами разглядывая сына.

Отмылся. Отъелся. Многое рассказывать не стал, а коротко поведал родителям, как попал в Карабах и почему оттуда уехал.

Мать потащила его по знакомым врачам. Ему делали прогревание, уколы. Сама каждый день утром и вечером массировала заживавшую ногу.

Отец тоже куда-то зачастил.

Нахлынули дружки, и понеслось:

— За встречу!

— За победу!

За то, за это. А по ночам не спалось. Словно не отпускало его от себя что-то, вцепилось в грудь и нет-нет да и давало о себе знать. Закроет глаза, а на него самолёт заходит и гоняется по полю, а потом взмлет в небо и сверху катапультрует, а с его алюминиевого брюха ракета своё остриё наводит...

Закричит, и в поту — к спинке койки.

Мать вбегает:

— Сынок! Что с тобой?..

Он снова закрывает глаза, а теперь уже танк за ним гусеницами гремит, раздавить хочет, а ему деться некуда, кругом голая колючая каменистая земля... Вскочит и рукой за воздух хватается, как за гранату... Потом сожмётся и головой под подушку, чтобы его криков не дай Бог не слышала мать.

16

На десятый день отец зашёл к нему в комнату:

— Дмитрий! Мне надо с тобой серьёзно поговорить... Той интересовались... Оказывается, у них на тебя целое досье заведено. Там и письма благодарственные из Армении. И запросы из Азербайджана. И газеты с фотокарточками, где ты на башне танка с каким-то негром...

— Это Патрис!

— Ладно, Патрис, о нём пусть другие думают. А у меня голова о тебе болит.

— Ну, так что?..

— Ты не дослушал... Небезопасно тебе сейчас здесь... Неровен час, нагрянут...

— И что?

— Заберут!

— Но я же не на азербайджанской земле...

— Да и я так считал, пока сам своими глазами не увидел...

— Так что, выходит, я чужак здесь?

— Не знаю, не знаю...

Погожев перестал встречаться с друзьями, до минимума сократил свои выходы на улицу. Когда рассказал отцу про последнюю волю своего ротного, который просил, чтобы навестил брата в монастыре, отец как-то сразу согласился.

— Да, сынок! Давай... А там, может, всё уляжется.

Прощаясь с матерью, Погожев огладил её белые косы:

— Мама! Ты не волнуйся... Вспомни сказки про муромских богатырей, Пересветов, которые мне читала... Сколько на их долю выпало... И ведь стерпели... Вынесли...

Задонск чешуей старых халуп, пузатых купеческих домишек, коврами садов и огородов покрыл пологую гору, которую огибала тиховодная река, вывалившая на пойменные луга из хвойных угодий.

— Где тут у вас монастырь? — спросил Погожев, спускаясь со ступенек автобуса.

— А ты, что, слепой? — водитель показал на медный купол, словно висевший над всею округой.

Дмитрий с еле заметной хромотой зашагал по узкой улочке вдоль кособоких строений. Асфальтовая дорога, взбежав на холм, нацелилась к мощным белёным стенам, откуда булыжниковая мостовая скатывалась к деревянному мосту.

У арочных монастырских ворот его остановил кучерявый юноша в черном подряснике:

— Брат, ты куда?

— Ещё чего, нашёл себе брата!..

Братом он позволял себя называть только ротному.

— Ну, ладно...

— Мне нужен отец Гурий.

— Что-то не припомню такого у нас в монастыре. А тебе куда надо-то?.. Ты невзначай не спутал монастырь?

— А что, у вас в Задонске несколько монастырей?

— В городе-то один... Но есть и в лесу...

— Мне нужен Свято-Нико... Свято-Тихо... — стал вспоминать.

— Видно, тебе, брат, надо вон туда. Видишь, дорога вдоль реки. Там в лесу тоже монастырь, по старинке — скит, и там, кстати, найдёшь батюшку Гурия, — юноша засветился. — Благодетельнейший монах!

— А ты, что, его знаешь?

Юноша смущённо опустил голову, а Погожев перебрросил походный рюкзак с одного плеча на другое и повернул к мосту.

17

Шагал по проселку, тянувшемуся вдоль словно замершей в своем тихом течении реки, смотрел на рыжие взгорки справа, мачтовые сосны слева и вспоминал, как совсем недавно вот так же пылил по карабахским дорогам: многое было таким же, только вот тогда вместо равнинного разворачивался горный ландшафт.

По бревенчатому мостку, устланному грубыми досками, перебежал на другой берег и по торной тропе, вслед за мелькавшими впереди спинами богомолок, углубился в чащу.

Сапоги мягко утопали в мшистом подстиле. Заливаясь, трезвонили невидимые птицы. На душе пело и играло: так бы вот по жизни идти и конца тому пути не видеть.

Богомолки вышли на грунтовку — он следом.

— Садись, подвезу! — рядом затормозила «волжанка».

— Да мне в монастырь!

— По пути, выходит, — распахнул дверцу явно подвыпивший водитель.

— Да ты наотмечался, небось?

Дмитрию не хотелось садиться, но и отказаться от веющего теплом предложения было неудобно.

— А, да поехали!

Машина завилалась по накатанной колее под нависшими лапами величавых сосен.

— У меня только денег, сам понимаешь, — сказал Погожев, постучав по карманам.

— Какие ещё деньги! Ведь к самому Тихону везу!

— А кто это такой, Тихон-то?

— Тихон Задонский... Святитель земли русской... Всё оставил: чины, кафедру епископскую, — ушёл в затвор... И такое почерпнул... А потом людям раздарил... Ну, вот и приехали!

Машина вкатилась на бугор и притормозила перед низенькими воротцами с острым шпилем надвратной церкви. Весельчак подмигнул, выкрутил руль — легковая скрылась в перелесок.

— Людям раздарил... — машинально повторил Погожев и добавил: — Эка невидаль! Касьяныч свою жизнь за армян положил. И я чуть там не остался...

— Закурить есть? — его толкнула в бок худющая тётка в заляпанном больничном халате.

Погожев опешил: «Ну и монашка!»

Порылся в карманах, наскрёб махорки.

— Э, не! Мне сигаретку надо!

Вразвалку пошла прочь.

Огляделся. Увидел выходивших из ворот и направлявшихся к лесу людей, сторожиху, видимо, заметившую маленький инцидент и теперь крутившую пальцем у виска, а потом показавшую на забор вдали, куда семенила тётка.

«Рядом психушка», — дошло до Погожева.

— Браток, вы к кому? — окликнула его охранница.

— Мне отец Гурий нужен.

— Батюшка Гурий, — та горестно изменилась в лице, — его нету...

— А когда будет?

— Ему сегодня нездоровилось... Его в госпиталь увезли...

«Видно, не вовремя я приехал... А если расскажу ему еще и про брата, вообще концы отдаст...» — подумал Погожев и спросил:

— Та-ак, чего же делать-то?

— А ты вон искупнись сходи... На свежую голову, может, Бог мысль какую пошлет, — сторожиха показала вслед мелькавшим за тополями людям.

По крутой тропе спустился в яр к огороженному тесовым забором бассейну.

— Хм, да ведь полотенца-то нет...

Женщина в чёрном платье заметила:

— У нас не вытираются...

Раз не вытираются, то — шагнул за перегородку, закрыл дверцу на крючок, разделся, опустил по шею в купель, в которой вода протекала из одного края в другой.

Наблюдая за новичком, обсыхающий на порожках пузатик погрозил пальцем:

— Не гоже так! Надо с головой.

Нырнул.

А ему:

— Три раза...

Он — три раза.

Вылез. Пообсох. Выбрался из бассейнового закутка. Классно! Тело горит, в голове светло. Только вот небо застлало подушками туч. Схватил рюкзачок и поспешил по крутой тропе. Переждал в монастырских воротах окатный дождь и направился в Задонск.

18

Кучерявый юноша в подряснике оказался на прежнем посту.

— Да, тяжелая судьба у Касьяныча, — выслушал Дмитрия и добавил: — Когда батюшке Гурию полегчает, я непременно все расскажу. Он сам и я будем молиться за его убиенного брата и за всех убиенных там...

— А как тебя звать-величать-то? — спросил напоследок Погожев.

— Роман.

— Роман! Помолись и за меня, Дмитрия, чтобы и у меня все утряслось.

— Помолюсь, братка! Помолюсь... — посмотрел на белесое небо и перекрестился.

Дмитрий уже смирился с тем, что послушник назвал его браткой, прощально глянул на Романа и пошёл в горку к автостанции. Когда он снова оказался на автобусном сиденье, на него нахлынули тяжёлые мысли: куда теперь податься? Были какие-то смутные надежды на помощь отца Гурия, но все теперь рассеялись... Опять он оказывался в подвешенном положении, когда не знаешь, куда деваться, что делать... Но и делать что-то надо...

Сел в поезд. В купе оказались казачки. Они ехали в Абхазию воевать с грузинами. Познакомились, выпили, разговорились. И Погожев не заметил, как проехал родительскую станцию.

В Хосте его представили атаману, и в тот же вечер с казачьим полком он пересёк абхазскую границу. Ехали через Гагры, которые не так давно проезжал в обратном направлении и откуда только что выбили грузин. Улицы своей пустотой создавали впечатление города-призрака: дома сожженные, без крыш, дыры в стенах бывших санаториев, «бэтээр» уткнулся в кусты самшита.

Совсем недавно по дороге из Армении Дмитрий видел эти сказочные места и теперь ужасался переменам. Словно какой-то смерч пронёсся, всё ломая и круша. А вспомнив знаменитых гагрских павлинов, лишь жалостливо сморщился.

От свиста вжал голову в плечи — над ними пронёсся самолет и сел прямо на асфальт.

— Это посадочная полоса, что ли?

— Да есть тут русский аэродром, да на него нас не пускают, — сказал недовольно абхазец-сопровождающий.

В Нижних Эшерах казаки повыпрыгивали из кузова и пошли строем вдоль дороги, все глубже забирая в горы. Где-то за взгорбленными лесными пологими перекатно гремели взрывы, а вокруг, куда ни глянь, словно всем чертям назло буйствовала растительность. Обжигая глаза, росли мандариновые и апельсиновые деревья. Жуй — не хочу!

Взрывы уже ближе. В просветах деревьев показалось лазурное море, выступила панорама города, который предстояло им либо вместе с абхазами взять, либо сложить головы.

Хлебнул Погожев и в Абхазии. Пришлось бежать, задышавшись, на пулемет. Побить в плену. Сносить издевательства грузина, приставившего пистолет к переднему месту — сейчас отстрелю!.. Вжимаясь во влажную землю, напоенную запахами, без единого патрона в стволе ждать своих.

Во время боя за Сухуми от взрыва рухнуло здание. И под обломками оказался казак из степного города. Разбирать завалы было некогда, и поторопились дать телеграмму о его гибели. Из местного казачества за телом погибшего прислали казака по имени Сергей.

А Дмитрий после боя стал разбирать завал. Слышит: там стоны. И давай делать проход.

Вытащил казака живым!

Потом они втроем: откопанный казак Олемской, нарочный Сергей и сам Погожев — отмечали второе рождение спасенного. Неделю братались на лужайке абхазского дворика, и рекой лилось молодое кавказское вино «Изабелла».

Вскоре Сухуми взяли. Казачки стали разъезжаться по домам и пригласили к себе Погожева.

— Вот ещё в «Пээмэрку» съезжу! — ответил тот, почему-то решив побывать и в другой горячей точке бывшего Союза.

19

В Приднестровской Молдавской Республике, известной ещё как «Пээмэрка», бои ослабевали. «Румын» выбили за Днестр, и установилось некоторое затишье. Погожева тянуло и сюда, словно ему хотелось отметить в каждой конфликтной точке, своими глазами увидеть всё, что натворили недалекие по-

литики, пощупать руками, высказаться по-солдатски и по-своему выполнить свой воинский долг.

Приехав в «Пээмэрку», увидел, что там уже полнейшая тишина, и за одну незначительную стычку на грудь казакам вешали кресты, тогда как в Карабахе ему за все бесконечные бои не вручили ни одной медали. Военными действиями и не пахло, оставалось только пить...

Однажды, возвращаясь с вечеринки по Бендерам (он в пятнистой форме, фуражка, нашивка на рукаве, его за казака принять дважды два), получил по голове сзади чем-то тяжелым.

Поднимается, а глаза не видят. Пощупал веко — оттуда кровь. Двое школьников наткнулись на него и помогли добраться до больницы.

Молдавский шрам остался, а на ноге — карабахские.

Что теперь?

Дальше в «Пээмэрке» спиваться?

Нетушки...

А мысли всё больше о другом. Разве для того он родился, чтобы всю жизнь положить на военные схватки?.. На одни кровь и смерть!.. И не создать семьи. Не пустить по земле ребенка. Не найти себя ни в чем мирном...

Можно было назад, в Карабах. Можно и на Памир — там тоже начало разгораться пламя. Можно и домой, где после Абхазии и Приднестровья его ждали, видимо, с ещё большим нетерпением. А можно и снова попробовать в монастырь.

— Нет, только не к святым отцам! В степной город, к спасённому казачку Олемскому...

ГЛАВА ВТОРАЯ

ИЗ ПРИЗЫВНИКОВ — В ПОСЛУШНИКИ

1

Кому армия — дом родной, кому — место постылое. Кого тянет туда, а кого палкой не загнать, и при одном только упоминании о ней знобит и коробит. Во все времена были эти вооруженные отряды людей, объединённые в отделения, роты, полки, бригады, дивизии, во все времена их куда-то посылали, используя в своих целях. И люди дрались, лезли друг на друга с пиками, топорами, стреляли, бились насмерть.

Были армии иные, не по обязанности, а по внутреннему порыву, когда человек сам поднимался и брался за ружьё, идя защищать свой дом, спасать друга, выручать людей. Оказаться в такой армии всегда считалось за честь.

В тени банковской высоты, возведенной в сжатые сроки дешевыми турками, блекло зеленел приземистыми этажами с растопырками антенн на крыше военкомат, окружённый тусклым забором. По его сбитым ступенькам взбегали

молодые люди и пропадали внутри. Некоторые исчезали в распахнутых рядом воротах.

К порожкам этого дома неуверенно подошёл щуплый паренек и, замедляя свои и без того неторопливые движения, потянул на себя качающуюся ручку двери. Увидел, как в узком проходе о чём-то бурно разговаривал с пожилой женщиной майор с нарукавной повязкой «дежурный».

Паренек расправил свои кучери и почему-то сразу вышел назад на улицу. Его прямо столкнула с крыльца выбегавшая следом толпа. Пареньком был Роман, тот самый послушник, который встретил у монастырских ворот Дмитрия Погожева, приехавшего искать брата Касьяныча в Задонск. Но это произойдет только через год, а пока Роман ещё и не помышлял ни о монастыре, ни о послушничестве. Его волновали проблемы, касавшиеся призыва в армию.

Роман зажмурил глаза от колкого солнца и мимо военкоматовских ворот направился к перекрёстку.

— Ромка! Ты куда? — схватил его за рукав курящий толстячок.

— Да ну их...

— Сдрейфил, что ли?

Толстячок смял сигарету, бросил ее на асфальт, растёр носком ботинка и шагнул в ворота.

Роман спешил домой. Его одногодков призывали в армию, а он служить не хотел. В газетах только и писали, по радио только и говорили, что о безобразиях в воинских частях, о проевшей все армейские поры дедовщине, о том, что над молодыми солдатами издеваются и те либо бегут из армии, либо сами стреляются, либо стреляют других и даже офицеров.

От соседа по дому, которому пришлось катать на себе «стариков», отдавать свой паёк, ни за что получать сапогом по голени, вернувшегося со службы инвалидом, он знал всё в ярчайших подробностях.

Взбежав на свой третий этаж, вонзил острие ключа в замочную скважину.

— Ну, куда тебя, сынок? — спросила выглянувшая из кухни мать.

— Да пока никуда, — ответил сухо Роман и схватил за лапы уже кружащую вокруг него пятнистую овчарку. — Линда! Линдочка!..

Присел и уткнулся носом в подшейную собачью меховину. Стал чесать, тербить. Линда блаженно заурчала. Пробежали в комнату — Роман плюхнулся спиной на кровать, собака одним прыжком заскочила ему на грудь и облизнула пушок на мальчишечьем лице.

— Только ты меня и понимаешь... Ну что, гулять хочешь?.. Да?..

Набросил на шею собаки кожаный ремешок, застегнул и, еле поспевая за ней, выбежал во двор.

Линда потянула к одному клену, к другому. Роман отцепил поводок. Линда скрылась в кустах за деревьями. Раздался лай. Оттуда выскочили сержант милиции с бутылкой в руке и молодка.

— Я его счас! Я его... — орал сержант, поднимая руки, как пленный.
— Линда! Фу!..
Собака, оскалившись, продолжала лаять.
Роман подскочил и прицепил поводок.
— Она, лары-наны, у тебя ненормальная, — опустил руку с бутылкой милиционер.
— Она пьяных не любит, — сказал Роман и потянул упиравшуюся и рычащую овчарку.
— Что там? Что? — с балкона уже кричала мать Романа.
— Да ничего, мам...
Роман с собакой пересекли футбольную площадку и скрылись в леске, где виднелись бревна собачьей площадки.
— Линда! Вперёд!..
Собака, преодолев обтёсанный ствол, полезла по ступеням лестницы.

2

— На повестку, — мать опустила сыну на кровать желтоватый листок.
Роман поднял, долго разбирал корявый почерк. Ткнул в жирную цифру настенного календаря с репродукцией крымского пейзажа.
— Завтра... К восьми утра...
Подался к растянувшейся на ковре собаке и стал её тискать. Линда зевала, урчала, потом оскалила зубы и, вырвавшись, гавкнула.
— Ты это на кого?.. На своего хозяина?..
Собака уставилась на глаза Романа непроницаемыми смородиновыми зрачками.
— Мозгов-то у тебя, как у дурачка... — огладил кулачковый, покрытый шерстью лоб. — Вот ты завтра вместо меня и явишься в военкомат: призывник Линда на призывную комиссию прибыла!
— Рома! Сходи в магазин. Дома хлеба нет, — попросила мать.
Когда Роман вошёл в продовольственный отдел, то в очереди увидел толстяка-одноклассника.
— Зря ты слинял... — тот жевал жвачку.
— Да ну их!
— А я открутился...
— Как?
— У меня жирка-то, вишь, сколько! — почесал свою мясистую грудь. — Полковник так сказал: тебе никуда нельзя. В танк — не влезешь; на корабль — потонет; в самолёт — упадет...
— Да, уделал ты его...
— А ты на голову пожалуйся. Скажи, что она у тебя бо-бо... В детстве падал...

- Если бы...
- А что, прикинуться не можешь?..
- Молодой человек! Что вам? — спросила продавщица.
- Мне сальца и пончиков... — толстячок зашуршал в сумке пакетами.
- Нам буханку серого хлеба, — сказал следом Рома.

Весь вечер Роман ломал голову: как ему поступить с призывной комиссией? Его опыт уже кое о чём говорил. У одного его одноклассника отец был судьёй, и того на время призыва упрятали в больницу. У другого — банкиром, — и тот вообще уехал за границу. Ещё у одного мать — полковник милиции, — того даже не вызывали. А у него?.. Отца нет... Он его и не помнил. А мать — тепличница сельхозкомбината, что она может?..

— Сынок! Да и у меня самой голова идет кругом... Я перебыла у всех знакомых. Мне порекомендовали в нервное отделение тебя положить... Но там, знаешь, какие деньги нужны...

- Денег, мама, не надо! — как отрезал Роман.
- А батюшка Георгий говорит: пуцай служит...
- Батюшка Георгий, батюшка Георгий... А сам-то он служил?..
- Ещё как! Даже в Афганистане, говорят, воевал...
- Ну, раз батюшка Георгий так советует... — через силу улыбнулся Роман,
- то мы подумаем.

3

- Здесь Кирпишины живут?

Мать Романа увидела на пороге бородатого военного в черной мичманской форме и перекрестилась.

- Да, здесь...
- А где Роман?
- Вы откуда, можно спросить?
- Из военного комиссариата. Так где сын? Почему по повесткам не является?

Из глубины коридора вылетела Линда — Кирпишина отведённым в сторону коленом преградила ей путь.

- У вас собака? — застыл военный.
- Как видите, — не пропускала прыгающую овчарку женщина.
- Позовите сына...
- Его дома нет.

Мичман помялся, помялся, но проходить в коридор не осмелился.

— Вот ему повестку передайте, чтобы завтра был. Иначе себе неприятностей наживет.

Мать расписалась в корешке и взяла листок. Закрыв дверь на замок, прошла в детскую. Собака кинулась к окну и, задрав лапы на подоконник, кого-то высматривала на улице. Сын пластом лежал на кровати.

- Рома, это из военкомата приходили... — сказала мать.
- Слышал...
- Вот, на... Пойдешь?..

Сын ничего не ответил. Ему казалось, что никакая сила теперь не сможет поднять его с постели, тем более повестка в военкомат. С этого дня он стал редко выходить на улицу, а, оставаясь дома, закрывался на все замки и никого не пускал.

Однажды, когда Роман выносил ведро с мусором на контейнерную площадку, его подозвал к себе участковый.

- Ты будешь Кирпишин?
- Я.
- Пошли со мной!
- Как это — пошли?..
- Молча... Замумукался я вас, малолеток, в армию сгонять...

4

Сзади гулко захлопнулась несмазанная дверь военкомата. Прошли мимо застеклённой стены с дежурным за пультом, по узкой лестнице спустились в застеленный белыми дорожками коридор, где у дверей толпились раздетые, в одних трусах, юноши.

- Мичман! — крикнул участковый. — Принимай!
- Выглянул бородач:
- Фамилия?
- Этот — Кирпишин...
- А, собачник-с... Вон там до трусов-с!.. И сюда-с!..

Роман нехотя разделся и, уже подгоняемый лысым отставником с наградными планками на груди, встал в очередь к врачам.

- Как зрение? — спросила дородная окулист.
- Ничего не вижу! — насутился Роман.
- Смотри, за симуляцию у нас можно и...
- О, е, ш...

Потом были громила-хирург, который жирными пальцами выщупывал живот; щепка-невропатолог — стучал молоточком по коленкам; чихающий терапевт — прослушивал легкие стетоскопом... И вот он уже в конце змейки у кабинета с пурпурной вывеской: «призывная комиссия».

Раздетые парни по одному пропадали за дверью и появлялись с обескураженными лицами.

- Крючконосый качок застыл в напряженном ожидании у двери.
- Куда ты-то хочешь идти служить? — спросили его сзади.
- Как куда? Я же на водительские права сдал.
- Качок зашел в комнату и через минуту так и вывалился.
- Ну, куда?

— Командира подводной лодки по палубе возить! — ошарашенно озирался по сторонам качок.

Все засмеялись.

— Семь футов под килем!

— Попутного ветра под водой!.. — полетело вслед крючконосому.

Скрылся за дверью дистрофик.

— Ну, а тебя? — встретили его вопросом.

— В штраительные чашти... Плиты ташкать... — глаза того налились слезами и вместе с тем играли зайчиками.

Стоящему перед Романом длинноволосому любителю попмузыки сказали басом (это Роман слышал четко): «Если тебя в Кению выбросить, то все антилопы разбегутся!» Следом зазвучал женский тенор: «Будут бежать и передними лапами креститься: «свят, свят!» «Шоколад у вас, молодой человек, будет соленый! Только вот еще надо решить, вас на северную границу Черного моря или поближе к белым медведям?..» — закончил бас, после которого растрёпанный волосатик выскочил с опущенной челюстью.

— Следующий!

Роман ступил на красный коврик и увидел перед собой за столом грудастого полковника, чего-то мусолившего в руках, слева от него мужчину в пиджачке, ковырявшего в носу, справа — женщину с янтарной заколкой на копне волос.

— Докладывай! — бросил мичман, стоящий у окна.

— Роман... прибыл...

— Сколько вас учить! Надо: товарищ полковник! Призывник...

— Т-товарищ п-полковник! П-призывник К-кирпишин... — стал вдруг заикаться Роман.

— А ну, скажи: триста тридцать третий артиллерийский батальон... — пробасил полковник, прихлопывая челюстью.

— Триста тридцать третий артиллерийский....

— Во! А то заик нам еще не хватало...

— Товарищ полковник! Он уклонялся, меня домой не пускал. Пса травил... — сказал мичман.

— Мухтара, говоришь?

— Линду!

— Вот и будешь со своей Линдой вокруг тюрьмы бегать!

— Как вокруг тюрьмы? — спросил Роман.

— Высунув язык!

— Расписывайся, — мичман протянул узкий листочек.

Призывник расписался.

— Это для прокурора! — военком утопил листок в кармашке на задней корочке личного дела. — А будешь нам ещё чудить, тебя твоя Линда и охранять будет...

Узнав, что уже через два дня сына отправляют служить в конвойные войска, Кирпишина захворала.

— Мам! Да не переживай ты. Я ведь с Линдой... Нам вместе веселее будет, — успокаивал ее Роман, разве что только в фильмах видевший тюремный конвой.

Стрелки часов катились по кругу, всё ближе приближая момент расставания. Роман уталкивал вещи в сумку, вынимал и снова запихивал в другой последовательности. Размышлял, что лучше взять для себя, а что для собаки. Встреча с армейской жизнью пугала его, ещё больше волновался за здоровье матери, и каменный холод порой пронизал его при продолжавших проскакивать по радио сообщениях о новых происшествиях в войсках.

Больная мать пошла в церковь, а вернувшись домой и ничего не сказав, легла в постель. Лежала и что-то шептала побелевшими губами.

— Что с тобой, мама?..

— Да ничего... Ничего, сынок...

— Ну, скажи. Тебе, может, воды принести?

Слёзы выступили у неё на глазах, и она отвернулась.

— Боюсь я...

— Да чего бояться!

— Тебе легко говорить...

Роман узнал от материной знакомой, что днём в храме, как раз когда ходила туда его мать, отпевали солдата. Ему стало совсем плохо. В глазах всё поплыло.

— Мама! А если я сбегу?..

— Куда?

— Ну, мало ли мест...

Мать сначала не ответила, а потом повернулась:

— Ведь найдут...

— Мам! Помнишь Пашку с нашей улицы? Что всё сахаром торговал. Его бандиты избили, и потом, сколько его ни искали, всё без толку...

— Припоминаю...

— Так он знаешь, где сейчас?.. В монастыре...

— Ещё чего надумал...

— Мам! А ведь туда сейчас всех берут. Рабочие руки ох как нужны... И не спрашивают, что привело туда...

Они проговорили до полуночи. Мать вспомнила, как трудно дался ей сын, как выкладывалась на вредной работе, изо дня в день выращивая томаты в теплицах, чтобы можно было купить сыну учебники, кроссовки, корм для собаки... И вот с таким трудом скроенная жизнь ползла по швам.

— Я должна благословение у отца Георгия получить, — сказала она, собираясь на утреню.

Вернувшись из церкви, она сама стала собирать сына в монастырь. Пряча в кармашек сумки смоляное Евангелие, произнесла:

— Отец Георгий сказал: пусть лучше Богу послужит!

Долго думали, как поступить с Линдой. Роман хотел взять собаку с собой и убеждал в этом мать, доказывая, что та непременно пригодится в монастыре, а если нет, то он обязательно определит её рядом с обителью в хорошие руки. Мать возражала, но потом согласилась.

Когда Роман с сумкой в руке и с собакой на поводке прощался с матерью на автобусной остановке, то видел, как к ним во двор завернул милицейский «уазик».

— Линда!

Собака впрыгнула на заднюю площадку полупустого автобуса. Сын в оконное стекло замахал матери.

На вокзале сторонился милицейских нарядов, часто снующих по перрону, а Линда при их приближении оскаливалась и рычала. Поставые проходили мимо, косясь на юношу.

Забились с Линдой в последнее купе. Проплыли бетонные блоки. Луговая котловина сползла в пойму реки. За фермами моста потянулись волнистые поля и рощи. Линда что-то высматривала в окно. Роман вглядывался в далёкую линию горизонта и думал о том, что их ждёт за этим поворотом судьбы.

В Задонске, куда окольным путем, словно запутывая следы, приехал Кирпишин с собакой, он сразу нашёл монастырь. Долго ходил невдалеке от ворот, ещё не решаясь к ним подступить и уже подумывая о том, не лучше ли вернуться домой и пойти служить в армию, пока на него не обратил внимание сторож в выцветших галифе и поношенных сандалиях.

— Чего вынохиваешь здесь? — спросил тот.

— Мне Павел нужен.

— Какой ещё Павел? Апостол Павел давно римлянами казнён... Павел, Павел... Да тут их... Впрочем, догадываюсь, кого ты имеешь в виду... Он сейчас песок возит. Но с собакой не пущу. Что, не знаешь, что это богопротивное животное?

— Это почему же?

— А когда Христа на распятие вели, кто ему пятки кусал? Собаки. И с тех пор за ними это грязное дело и тянется...

— Ну, я тогда её здесь оставляю.

— И здесь не надо. Лаять будет.

— Так тогда как же?..

— А вот как же, как же, — пожал плечами сторож. — Ладно, давай её сюда, в сторожку. Выть не будет?

— Не будет, она у меня умница...

Только Роман отошёл от ворот, как собака заметалась в комнате и протяжно заскулила.

— Что здесь происходит? — на вой ходоульно подскакал патлатый мужик в кирзачах гармошкой.

— Филиппыч! Да этот вот ищет Пашку, а собаку-то я во двор не могу пускать...

— И гоже, что не можешь!.. А где псина-то?..

Подошел к окошку, заглянул. Оттуда оскалилась морда овчарки и раздался лай.

— О, злющая-то!.. Мне бы такую на хоздвор... А то алкашня замучила... Через забор лазют и бухают там во дворе, — сказал и обернулся к Роману: — А чего ты хотел от Павла-то?

— Да я... Меня отец Георгий из... послал...

Роману повезло. Расторопный Филиппыч помог ему получить благословение остаться в монастыре наместника обители епископа Льва — монаха мужицкого склада с большими глазами и энергичным выражением лица. Уже через час он раскладывал свои манатки в малюсенькой комнатенке, в которой чудом умещались две рядом стоящие металлические койки.

К стене были приклеены карточки и вырезки из журналов с лицами святых, а на подоконнике, наполовину закрывая окно, высилась стопа книжек в темных обложках.

— Давай живей! А то надо Линду скорее на двор. А там и на трапезу поедем.

Линда, глухо урча, бросилась из сторожки на грудь Романа.

— Соскучилась, сморщенная ты моя! — стянул ей шкуру на морду.

7

Под стеной с теремными башнями по центру и углам прошли монастырь. Романа поразили окружавшие спокойствие и тишина. На пустынных дворах не было ни души, никто без толку не слонялся, только изредка какой-нибудь служка пробегал от собора к келье, поправляя скуфейку.

— Со мной до недавнего жил один паломничек. В библиотеке книжки перекладывал. С грамотёшкой дружил. Чего-то сам пописывал. Но оказался малость того. Увидели, как тот в раковину мочится. Спрашивают: «Это ты во что?» А тот: «Да это же унитаз». А мы же туда руками, лицом...

Роман, морщась, замотал головой.

Через боковые ворота вышли из монастыря и мимо старых каменных построек, где когда-то размещались гостиницы, направились к добротному деревянному забору, опоясывавшему сарай.

— Ты куда его? — спросил дежуривший у вертушки волосатик в очках, штаны которого поддерживал солдатский ремень со сточенной звездой на бляхе.

— Теперь спокуха! — подмигнул Филиппыч. — Алкашню гонять будет...

— Давно пора, давно, — оглядел собаку волосатый.

С внутренней стороны забора за штабелями досок и огромными баками жевала сено кобыла, а из глубины далее черневшего коровника раздалось мычание.

— Это мои буренушки. Чувствуют, что я иду... Во, нюх какой! — обрадовался Филиппыч. — Я ведь не сказал тебе, что ветеринаром в монастыре послушничаяю...

Линда семенила, поджав хвост.

Вдоль штакетника натянули проволоку. В метровом ящике пропилили лаз, постелили овчину: вот тебе и конура. Прицепили Линду.

— А чего ты в монастырь-то? — допытывался Филиппыч, растянувшись на койке.

— Да так, я же сказал, помочь решил... Раньше наши отцы и деды всё ломали, крушили, а мы восстанавливаем...

— Ты мне тут эту ботву не вешай... У тебя нужда была... А то, что отцы, деды, брось... По твоей харе вижу, врешь...

— Я, я от военкомата скрываюсь...

— А, вот это я всем сердцем понимаю... От военкоматов-то бегать — это дело плохое, но раз Бог привел сюда, значит, такому и быть... Я вот и сам в монастырь бежал тоже...

Филиппыч разговорился. И вскоре Роман узнал историю жизни этого норовистого и вместе с тем такого душевного мужика.

Оказывается, тот пришел в монастырь, оставив жену-зануду, разойдясь с ней, как он выразился, «зад об зад». Та всё посмеивалась над его увлечением Богом.

Когда Филиппыч собирался в церковь, всегда встревала:

— На чёрта тебе это надо?

— А ты чёрта не поминай!

Двоих сыновей с ней оставил. Жаль было только младшенького. Тот тоже к святому тянулся. Говорил про храм: «Там красиво» — и по воскресеньям сам будил отца ни свет ни заря. Идти-то им было на службу не ближний свет.

А всё у Филиппыча началось с института, где он учился на ветеринарном отделении.

Ему преподаватель философии сказал:

— Мне лекторы нужны. Будешь у нас с критикой религии выступать.

— А я не знаю, что это такое.

— В храм сходи, посмотри, послушай. Своего противника так лучше узнать можно.

— А если увидят, из института выгонят...

— Скажешь, что я послал. Тебе ничего и не будет...

Принялся Филиппыч посещать церковь. Интересно стало. Не критика, а сама вера захватила его. После распределения его в райком вызывают:

— Будешь комсомольским вожаком на сахарном заводе.

— Вот если в село направите, пойду секретарём!

— Дурак! На ферму захотел. Все бегут с нее как чёрт от ладана. Ему район-центр предлагают. А он на передовую...

— Ах ты паскудыш! Тебя село кормит! Пашет с шести утра и до полуночи! А ты сидишь здесь в белом воротничке с девяти до пяти и еще лясы точишь!

Разругались.

Филиппыч уехал в глубинку, в деревню, на самую ферму. Это было первое, что ошарашило его жену.

Стал председатель колхоза тянуть в партию.

А Филиппыч:

— Да я плохо со своей бабой живу...

Отношения-то натянулись.

Председатель колхоза:

— Ладно тебе... Вот для начала поручение. Беседы по атеизму будешь проводить. Ты и так мало загружен.

— Я мало? Да у меня ненормированный рабочий день. Мне иной раз и два часа за всю ночь не дадут прилечь.

— Ничего, сможешь!

— Да и потом, вы считаете, что это опиум для народа?..

Председатель аж подскочил на стуле.

— Значит, веруешь в Бога?

— Верю!..

— Та-ак...

— А ты, что, чист? У тебя дочери крещены и детей собираются крестить.

— Ну, узнал-таки...

— А я все должен знать про своих братьев по вере...

Сказал, имея в виду председательских дочерей.

Отцепился с тех пор.

В общем, когда у них с женой вышел полный разлад, он подался паломничать по монастырям. В одном за него так и ухватились — ветеринар нужен. Вот и жил он здесь уже пятый год. И если кого и вспоминал с сожалением, так только своего сынишку, который к Богу тянулся.

— Вот епископ Лев обещался меня на недельку отпустить домой, и я тогда младшенького и привезу... — взбодрился Филиппыч.

8

Ранним утром Роман познакомился с рыжим монастырским экономом отцом Мефодием. Отец Мефодий выстроил паломников на дворе в две шеренги.

Те пропели молитву — Роман старался повторять еле понимаемые слова — и разошлись по рабочим местам.

Роману выпало послушание пилить дрова. Идя на пилораму, Роман обернулся на сигнал машины.

— Ты чего тут, ёбть? — из кабины груженного песком «КамАЗа» выглянуло знакомое небритое лицо.

— Павлуха!

— Тс-с!.. Ты меня здесь не видел... Ещё раз спрашиваю, ты чё здесь?

— Да не бойся, не за тобой я... Самого нужна пригнала...

— Какая ещё нужна?

— А тебе всё расскажи...

Павлуха спрыгнул на землю и подошёл к Роме:

— Ты мне лучше скажи: у моих там все нормально?

Роман рассказал о последних новостях на их улице, о том, что про Павла уже и не вспоминают. И что прятаться ему скоро совсем не будет никакой надобности.

— Но-но! — похлопал тот земляка по спине. — Ладно, если что, за помощью обращайся ко мне...

«КамАЗ», подняв облако пыли, поехал за братский корпус.

— Отец Мефодий! — раздалось.

Роман спрыгнул с дороги к сосновым бревнам, которые растаскивал его напарник.

— Чего балду бьёте! Когда будет команда на передых, тогда и лясы точить будете! — шуганул эконома, ударив палкой по столбу. — Здесь надо пилить, а то в топку не влезет...

Роман посмотрел вслед широченной спине эконома, а его напарник шепнул:

— С ним надо быть поосторожней! В один миг из монастыря вышибет...

Солнце выкатывало с востока. Тень звонницы накрыла пыльщиков. Когда их руки занемели, а ноги затекли, напарник Романа опустил ручку пилы:

— Айда трапезничать.

9

Около белёного домика трапезной с завешенными шторами окнами собрались послушники и паломники.

— Знаешь, мне знакомый алкаш письмо прислал. Просит благословения в монастырь. А то сопьюсь, пишет, — говорил парень в галифе и сандалиях, почесывая руку.

— Ну и благослови, только пусть сначала пятьдесят баксов пришлет... — ответил другой, нервно царапнув что-то между лопатками. — Клопы грёбаные!..

— Отряхни штаны, — сказал парень в сандалиях подошедшему Роману.

— Зачем? — спросил тот.
— Ты же паломник Задонского монастыря! А посмотришь на тебя: немый, нечесаный человек! Каким тебя монастырская жизнь за один день сделала...

Все засмеялись.

Роман отряхнул брюки, оббил носком о носок ботинки, поправил пятерней волосы. Толпа сжалась у дверей. Все напряженно ждали, когда пригласят на трапезу.

— Ты где был? — кто-то спрашивал кого-то.

— Да трудился, трудился, благодать испытал и хлоп...

— С голодухи, что ли?

Снова пронесся смешок.

Тут дверь отворилась, и все хлынули в низкий зал с длинными столами и деревянными скамейками. Со сводов смотрели огромные лики святых.

Роману досталось место в конце зала.

— Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ... — запели хором.

Роман мычанием поддержал поющих.

Когда закончили петь, сидящий рядом паломник забубнил:

— Нам каша да жижа, и куска хлеба не выклянчишь... А им свеколка с чесночком, тертая морковка, суп с грибами, кисель, булочка...

— Это ты про кого?..

— Да сегодня на кухне братии картоху чистил и видел.

— Монахов осуждать негоже! — кто-то произнес сбоку.

«У братии небось жизнь послаще нашенской... А ты разве сюда только за едой пожаловал? Что тебе отец Георгий наказал? Богу служить...» — думал, хлебая щи, Кирпишин.

Чтец под шум ложек читал жития святых и крестился.

10

В храме Роману понравилось. Смирненные монахи в черных рясах, ушедшие в себя паломники, поющие прихожане, молящиеся дети. Росписи на стенах. Все дышало совсем иным миром, иной жизнью, в которой, казалось, не было места ни насилию, ни дедовщине... Здесь все перед Богом равны... И только и хотят, как бы угодить Всевышнему...

Роман вспоминал грубое лицо военного комиссара с выпяченной губой, изрекающее: «Будешь со своей Линдой вокруг тюрьмы, высунув язык, бегать», и морозец пробегал у него между лопатками.

— Сатана! Изыди...

Как только ему становилось беспокойно на душе, он уединялся в дальнем притворе церкви, долго стоял там на коленях, бил поклоны, молился. Непередаваемое чувство охватывало его в эти минуты. И ему казалось, что нет

ничего в мире более важного, чем молиться Богу. У алтаря кто-то опускался на колени. Головой касался пола. Руки возносил вверх...

— Тебе завтра причаститься надо, — сказал ему Филиппыч.

— А это зачем?

— Что, крови и тела самого Спасителя не хочешь?

— Я ничьей крови, ничего тела не хочу...

— Глупый ты, несмысленный! Этого жаждет каждый православный. Только сначала исповедаться надо.

Еще исповедоваться? Острой надобности в этом он не испытывал. Но если это надо...

Весь вечер Роман проходил, готовясь к исповеди и размышляя о своей жизни, которая, не успев начаться, уже обнажила колющие углы. Думал о поступках в школе, когда допекал учителей, о матери, которой ни своей учебой, ни поведением не приносил особой радости, о собаке Линде, ради которой был готов на все. О многом передумал в безмолвные томительные часы.

Собравшись с мыслями, встал в одну из очередей, тянувшихся к исповедующим монахам с крестами священников. Увидел, как в другом конце его цепочки батюшка порвал листок и отдал пареньку в подряснике, а стоящий следом высокий мужчина — он уже знал, что это был американец Джордж, с которым также пришлось выполнять послушания, — склонился под руку в облачении.

Джордж сказал одно-два слова, и священник уже перекрестил тому голову.

«Вот это исповедь... Какая краткость — одним словом!»

Роман стоял, мысли его путались, и он уже готов был уйти восвояси, как позвали его. Шагнул вперед и опустился на колени. И сразу начал с самого большого — с того, что скрывается в монастыре от воинской службы, что ни за что не желает служить в армии.

— Всяка душа да будет покорна властям! Ибо нет власти не от Бога... Существующие же власти от Бога установлены...

— Так что же мне делать тогда?

— Ну, из монастыря я тебя не гоню, ты ведь и епископское благословение получил, но уладить свой вопрос с властями надобно...

— Но власти-то какие! Безбожные!

— А сколько наших православных братьев римским недоверкам служило?

«Римским недоверкам...»

— Так что, мне надо снова в военкомат?

— Я не знаю: надо, не надо. Но уладить свои отношения с властями надо...

«Надо, не надо», — невольно передразнивая слова священника, вышел из храма Роман.

Так волновавший его вопрос, приведший в монастырь, снова повисал в воздухе.

11

— Ты чего, братка? — спросил Романа Филиппыч, стоявший под колоннадой у наружной стены храма.

Роман рассказал о словах священника.

— Э... Ты бы знал, что он мне выдал!.. Я ему про аборты моей жены, а он: хватит и хватит!.. А я не могу. Ведь жена сколько абортов сделала! Сколько деток погубила! А он свое гундосит: «Чтобы больше с абортами не приходил... Они давно отмолены». А я ему: «Как отмолены, когда у меня жжёт вот здесь и покоя не даёт!»

Замолчали. Мимо сновали паломники, выходили и заходили монахи, а Филиппыч с Романом молчали. Что-то тяготило одного и другого. Романа — то, что он не мог представить себе, как это можно служить тому, кого не только не уважаешь, но и панически боишься, а Филиппыча — как это можно смириться с грехом, которому меры нет.

— Макарий Египетский всю жизнь слезы проливал за то, что одну смокву ворованную съел... — сокрушался Филиппыч. — А тут столько греха!..

Уже в келье Филиппыч посоветовал Роману:

— Ты вот что, в скит поезжай. Там благочестивый батюшка есть, отец Гурий. Может, он чего тебе важное скажет...

— А где этот скит?

— Ну, ранее там пустынька была. Туда в затвор старцы великие уходили. А теперь там тоже монастырь, Свято-Тихоновский. А как прозвали скитом, так и осталось...

Где-то залаяла собака.

— Снова алкаши Линде покоя не дают, — проговорил Роман.

— Это хорошо! Зато монастырское добро целее будет.

12

Вскоре потребовалось везти в скит дрова. Роман сразу напросился поехать. Качался у наращенного борта в кузове «КамАЗа», пробиравшегося полями, и не мог оторвать взгляд от колосистого покрова, который казался синим от низко опустившихся клубящихся облаков. Создавалось впечатление, что будто пенные морские валы катят и катят по степной равнине.

Из кабины во весь голос орал Павел:

— Христос воскрес из мертвых!..

Вот горизонты открыли сосновые веерные кроны. Кроны вытянулись. Глубоко задышалось. Чисто задумалось. Рыжие стволы сосен поплыли по сторонам. В рамке соснового леса радостно заиграла белёная «скитская» стена.

Заваленный доверху «КамАЗ» не проходил в низкие ворота. Чурки пришлось перетаскивать на себе. Роман взваливал на спину бревно, нёс за монашкой по широкому дворику и складывал в колоду. Сбросит — и за следующим, уже наблюдая за стоящим у каменной церковки молодым монахом в рясе с черным крестом на груди и с проседью в бороде.

«Отец Гурий», — догадался Роман.

А вокруг домики во фруктовых деревьях смотрят весело-весело.

— Живей! Ебть... — навстречу попался согнувшийся под сучкастым чурбаном Павел.

Выбрав минуту для отдыха, Роман подошел к отцу Гурию:

— Батюшка, можно у вас спросить?..

— Спрашивай, спрашивай, милоч...

Вслушав вопрос послушника, отец Гурий произнёс:

— Тебе нужно жития великомучеников почитать. И там обязательно про Фёдора Стратилата...

«И этот от прямого ответа ушёл...»

Роман хотел повторить вопрос, но глаза игумена окатили его таким добрым светом, что у него не мог повернуться язык. Решил не допытываться, а сначала все изучить про святых, и в особенности про Фёдора Стратилата.

Но не преминул спросить о другом:

— Батюшка, а ответьте вот на что. Уходя в монахи, порывают с родителями, близкими, оставляют жизнь мирскую... Но а если у того, кто идёт на постриг, собака есть, как с ней быть?..

Отец Гурий снова облил его тёплым взглядом:

— И про мученика Христофора почитай...

Всю обратную дорогу Роман вспоминал плавную игуменскую речь и никак не мог ею удовлетвориться. Уже в монастырской библиотеке нашёл жития святых отцов и принялся за их чтение. Перед ним открылся неведомый ему мир жизни старцев, мир, полный драматизма и возвышенных поступков, веры и надежды, без которых — как теперь казалось Роману — и не стоило жить.

Прочитал про Фёдора Стратилата, доблестного воина, верою и правдою служившего римскому императору. Федор глубоко верил в Бога, а император поклонялся идолам. Служил императору до тех пор, пока служба не вошла в возражение с верой. И тогда он предпочел мученическую смерть карьере военачальника.

Вот оно что: надо служить, пока служба не становится поперёк веры!

И про мученика Христофора. У того было очень красивое лицо, и тот молил Господа Бога изменить ему внешность, чтобы его красота не привлекала людей и не соблазняла женщин. И вот Господь услышал его мольбы и сподобил его лицо морде собаки.

Когда Христофор выходил из кельи, его лицо отпугивало людей. Таким он изображен на древних православных иконах — с песьей мордой. А когда Христофор возвращался к себе в келью, его лицо снова становилось прежним.

Выходило: собака — двуликое животное. В одном месте она — друг, в другом — недруг, может обляять, укусить, даже загрызть.

Вроде про службу что-то прояснилось в сознании Романа, а вот в отношении собаки — нет. Какая-то заумь. С одной стороны, собака грызла ноги самому сыну Бога. Хотя, может, это только внешне — грызла, а по сути, только показывала, что грызет. То есть у нее было иное, скрываемое от всех содержание. Вот, как Линда: только для воров и пьянчужек враг, а для остальных — друг. И зачем тогда было задавать вопрос: брать ли собаку с собой, уходя в монастырь?

13

Что бы ни читал Роман про собак, он бы Линду никому не отдал ни при каких обстоятельствах, не позволил бы ее и тронуть. Да и она порой обители была нужнее любого самого незаменимого послушника, когда прогоняла шатающихся вокруг монастыря бродяг.

Роман теперь не упускал случая, чтобы не наведаться в скит к отцу Гурию, который стал привечать этого ранее ему незнакомого дотошного паренька. С присущим молодости упорством он окунулся в духовный мир старцев. Ему порой казалось, что нет и не может быть более захватывающего занятия, чем постигать необъятный, веками собранный и столетиями спрессованный опыт духовных отцов... Он мог неделями корпеть, не отрывая головы от томов с пожелтевшими страницами, не выходя из монастырской библиотеки, забывая о сне, трапезе, даже молитвах.

В один из теплых июньских дней, когда Роман выполнял послушание на монастырских воротах, и приехал в Задонск Дмитрий Погожев, искавший встречи с отцом Гурием. И потом, уже уезжая, попросил послушника рассказать историю гибели капитана его брату — отцу Гурию.

Роман с каким-то поручением снова оказался в скиту. Узнав, что игумен не выходит из кельи, выяснил, где находится та, и, взбежав по скрипучей лесенке на крыльцо второго этажа, постучал:

— Молитвами святых...

Дверь распахнула чернобровая девушка со смоляными волосами и милым, еле тронутым морщинками лицом, в черном платье и платке.

«Вот это келейница», — поразился женской красоте Роман.

— Скажите, как можно с отцом Гурием поговорить? Я ему одно очень важное известие хотел сообщить.

— Благое известие аль нет? — спросила келейница. — Вы же знаете, что он только выздоровел.

— Вообще-то...

Тут из-за спины келейницы раздалось:

— Матушка Корнелия! Кто там?..

— Да хотят к вам, батюшка...

— Пусти, пусти...

Покрестившись на образок в прихожей, Роман прошел через прибранную светелку в комнату побольше. За столом, заваленным книгами с ветхими обложками, не было видно хозяина кельи. Но вот вычертилось его ясное, с острыми глазами, лицо.

Кругом стопроцентная, вековая тишина. Не шелохнется даже веточка цветка на подоконнике.

— Спаси Господи! — отец протянул руку Роману.

Тот, взяв её в сложенные ладони, поцеловал.

— Я помешал вам?..

— Помешал... Да, тут моя постоянная работа, но с живым человеком иной раз лучше, чем с книгой.

Когда Роман пересказал отцу Гурию услышанное от Погожева, тот часто задышал. Его глаза увлажнились. Щеки дрогнули. Ничего не говоря, опираясь рукой о подлокотник стула, монах поднялся и, держась за стену, отказываясь от помощи послушника, прошел за штору в соседнюю комнату, где сверкал золотистыми подсвечниками келейный иконостас.

Назад Роман брёл.

Что он наделал?..

Что?..

А если с отцом Гурием сейчас случится непоправимое...

Что тогда?..

Шёл, как слепой... Ему рассказывали, что можно через лес пройти к городу. Тропа потянулась по сосновому бору. Висела какая-то дремотная прохлада. Сосны тесно придвинулись с обеих сторон. Кое-где на стволах были прибиты кресты из слоившихся досок. Стволы покрылись тысячами морщин. На позеленевших крестах пушился мох. Вековые сосны невольно говорили о чем-то вневременном, о давних иноках, богомольцах, кто, невзирая ни на страх, ни на погоду, ни на что, бродил по этим дрёмам в поиске истины и, наколачивая кресты, клал и клал поклоны.

Бор сменился осинником. Стало гуще. И опять кресты. А вершины деревьев тихо шелестели над ними. И стоял какой-то гул, не нарушавший тишины. Тропа пошла рядом с топью. Под ногами засочилась вода. Свежая трава склонилась вокруг. Закурился ароматный душок.

Рой видений охватил Романа... Воображение понесло его в то время, когда, возможно, в этой лесной чащобе жил уединившийся пустынник... Вот сгорбленная фигура отшельника с клюкой в костлявой руке... Потрескавшееся лицо с нависшими бровями и отяжелевшими веками веками... Вот чёрный покосившийся крест...

Житница души.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ГОРОДСКИЕ МЫТАРСТВА ПОГОЖЕВА

1

После поездки в «Пээмэрку» Дмитрий Погожев решил податься на родину к спасенному им в Сухуми казаку Олемскому. Лежа на верхней полке плацкартного вагона, Дмитрий любовался перевалистыми лесостепными просторами, проваливался в сон, снова открывал глаза, высматривая что-то для себя особо значимое и важное, но еще не определившееся каким-то конкретным образом.

Погожев зажмурил глаза от неожиданного ярко-красного сияния. Все впереди на мгновение погрузилось во мрак. Черное полотно перрона слилось с серым фронтоном вокзала, полоса деревьев в пристанционном парке смазалась. Вот солнечный шар оторвался от горизонтной линии, и зрение вернулось. Лязгнули сцепки вагонов; состав, скрежеща, замирал.

— Столица черноземья...

Ещё ёжась ото сна, Дмитрий выбрался на привокзальную площадь, где на остановке топтались люди, ожидая первого троллейбуса.

— Скажите, а как доехать до....

Закачался на задней площадке, оглядывая протяжённые улицы незнакомого города с прячущимися за тополиные стены домами. Троллейбус нырнул в узкий желоб спуска, взобрался на горку с геометрически правильными строениями.

Без труда нашел нужный дом. В пахнущем собаками лифте поднялся на предпоследний этаж.

— А Сергея нет, — не открывая дверь, ответил ему женский голос. — Он дежурит в казачестве.

Узнав, где находится казачество, снова в полупустом троллейбусе поехал в центр. С горечью подумал о том, что, видимо, раньше в такие утренние часы транспорт всегда был полон людьми — спешили на работу, жизнь была ключом, а теперь выходило, что и ездить-то почти некому, незачем или не на что.

По аллее с памятником сидящего в раздумье мужчины с бородкой прошёл к двухэтажному особнячку с высокими ампирными окнами.

Дверь открыл молодой человек в гимнастёрке с белыми погонами.

— Митька! — воскликнул тот, протирая глаза. — Какими судьбами?

— Ты же приглашал меня!

— Конечно...

Погожев, держась за металлические поручни, поднялся за говорливым Сергеем в комнату с дубовым столом, кушеткой и портретом последнего российского императора на голой стене.

— А я вот дежурю в казачестве...

Рассказав о своей поездке в Приднестровье, Погожев окончил на высокой ноте:

— Теперь вот хотел на якорь в вашем казачестве простым казаком стать...

Сергей прихлопнул руками:

— Вот радости-то будет! Атаман скоро придёт, всё и обсудим.

Обсуждать особо ничего и не пришлось. Узнав о приезде, кто он и что у него за спиной, атаман — громила в полковничьей форме — сразу послал Сергея в магазин.

И понеслось... Погожев, ещё не веря в возможность такого радушно-го приема, чокаясь и опустошая одну рюмку за другой, рассказывал про бои в Карабахе, про стычки в Абхазии, про удар по затылку в Приднестровье...

Атаман слушал, одобрительно кивал головой и, причмокивая, хрумкал пупырчатые огурчики, глотал алые помидорчики, зажёвывал ломтиками сала и колбасными колечками.

Потом к их столу подсел извлеченный когда-то из-под камней в Абхазии Олемской и полез к Погожеву целоваться:

— Братуха! Как ты меня с того света...

Гремя саблями, появлялись другие. Галдели. Речь прерывал звон стаканов и бутылок.

Так прошла неделя.

— Атаман, надо с новобранцем что-то решать, — обратился Олемской к полковнику. — Жить-то ему где-то и на что-то надо...

— Он кого спас-то? — сощурил полковник маленькие глазки.

— Ну, меня...

— Вот и займись... Долг платежом красен...

Олемской долго думал, куда пристроить Погожева. Ведь не звать же его к себе домой, где жена и дети, хотя это была бы в некотором смысле равноценная плата за спасенную жизнь. Наконец, вспомнив про одного казачка из их сотни, сказал:

— У меня есть корешок. Он сейчас ещё и фермерствует. Как-то мне жаловался, что ему без помощника трудно. Хочешь, к нему устрою?

— А куда мне ещё, — протянул Дмитрий, морщась от боли в раскалывающейся после попок голове.

2

Все решилось быстро. Корешок Олемского был вне себя от радости — такого подарка никак не ожидал и тем более от казачества. За один прокорм идти к нему на ферму никто не соглашался.

Погожев, увидев хозяйство фермера-казачка, многому удивился. Всё сельское ему в некоторой степени было в новинку. Коров видел разве что на приличном расстоянии, на линии фронта, когда тех использовали для проверки

разминированных ходов. А если говорить о свиньях, то его после карабахских впечатлений от них вообще мутило.

Настороженно подошёл к коровнику, где в стойлах махали хвостами пузатые буренки.

— Вот! Этих красавиц будешь пасти, — сказал фермер, глядя по спине корову. — Это Катя... А это Маня...

— Хм, пасти... (А что ему оставалось!) Слухаю! Хорошо хоть оказался не в душевой литейке, а на свежем воздухе...

— Вот видишь! Какие у тебя завидные условия труда! Курорт...

Вокруг фермерского хуторка с одного взгорка на другой тянулись луга, которые с одного края упирались в березовую рощу, с другого — в яблоневый сад.

В первый день Погожев проснулся рано. После кружки чая со старой, заплесневелой заваркой и куском черствого хлеба с трудом выгнал заторможенных коров на лужайку. Опустился на траву, бросил под спину куртку и растянулся.

— Да, товарищ лейтенант! Думал ли ты, что когда-то командовать будешь мумукающим войском... Низко же ты пал...

Зевнул, веки его сомкнулись. В глазах замелькали пьяное лицо атамана, чмокающие губы Олемского, сабли, бутылки, огурцы, краяха хлеба.

Кто-то лизнул его щеку.

Открыл глаза:

— А, это ты, Маня!

Так звали самую крупную корову с огромным волочащимся выменем. Маня выдохнула и повернулась к зеленеющему на кочке травянистому пучку.

— Вот Маня жует себе и жует. И больше ничего ей не надо... А тебе одной этой жрачки с ломтем черного мало... Тебе другая ещё пища нужна... Эх, лейтенант скотоводческих войск, влип же ты!

Повернулся на бок, посмотрел на бровку яблоневого сада и, глуша голодное бурление в животе, пригреваемый солнышком, смачно зевнул.

Его разбудил крик:

— А ну, пшла прочь!

Раздался выстрел.

Погожев вскочил. Увидел, как из сада, паля из ружья вверх, выгоняли коров. Те, задирая морды, на ходу сдирали яблоки с веток. Заметил Маню, прыгнувшую в какую-то низину, потом выскочившую на ровное место и путившуюся наутёк по высокому репейнику. Кинулся в сад.

— Ты чё за ними не смотришь! — замахнулся на него ружьем сторож.

— Да ладно тебе...

— Чё ладно! Чё ладно!..

— Ну, прям обокрали сад...

Фермер-казачок налетел на Погожева:

— Ты где коров пас?! Маня себе всё вымя подрала...

Дмитрий хотел было что-то ответить, но смолчал.

— Учти, ещё... ещё... — брызгал слюной фермер.

— Понял... Понял, — только успевал отвечать Погожев.

Не желая продолжать разговор, Дмитрий пошёл в свою подперевшую стог сена каморку. Несмотря на убаюкивающий мятный воздух, долго не мог уснуть на расстеленном у стены на досках матрасе. То ли слова фермера так подействовали, то ли выстрелы из ружья, то ли вся эта скотоводческая обстановка. Но постепенно веки слиплись.

Ему приснилось, что он лежит в поле, а над ним приветливое, лазурное, как при смене погоды, небо. И вот с неба на него заходит самолёт... Самолёт ближе, ближе... Вот уже и шлем видно, и лицо летчика, и глаза бесстрастные, и палец гашетку нажимает...

В крике въехал на стенку каморки — вокруг никого, лишь в отсветах фермерских хором мерцал паутинный потолок и где-то рядом хрумкали свиньи.

Теперь смотрел за буренками в оба, бегал по полю и отгонял их от злополучных репейных зарослей и яблоневого сада. Когда стал справляться с коровами, фермер предложил ему ещё заняться другим.

— Свиней кормить будешь! Надо три раза в день делать, — сказал, не спрашивая согласия Погожева.

У Погожева всё поднялось внутри. Приглушив всплеск возмущения, только кивнул головой. После увиденных в Арцахе кабаних, обгладывающих человеческие ноги, он не мог и подумать, что когда-то сможет приблизиться к парнокопытным уродцам.

Приблизился. И кормёжку освоил. Ещё петухи не пропели — а Погожев уже свиньям из ведер выливал в корыто сваренную накануне жижу, до обеда пас коров, потом снова оказывался в свинарнике. И так изо дня в день: со свиньями, с коровами, со свиньями...

В душе накапливалось:

«Ты, можно сказать, герой войны, тебе почести положены, а ты из дерьма носа не кажешь...»

Как ни выкладывался Погожев, как ни старался везде поспеть, но всё-таки дал ляпу. Не заметил, как опоросилась свиноматка и придавила четверых поросят из десяти.

— У, мразь! — с пеной у рта наскочил фермер.

И стал подтаскивать оставшихся ещё живыми поросят к соскам лежащей самки.

— У...

Погожев стоял, переступая с ноги на ногу, кусал губы и вдруг схватил вилы и кинулся на фермера.

— Я те покажу, как лейтенанта карабахской армии!..

Фермера выдуло на двор. Погожев за ним. Фермер дал дёру. Дмитрий на бегу споткнулся о корыто, перевернул его и растянулся, заливаемый сзади белой жижей. Вилы уплыли вперед.

— Ну, только вернись! — заорал уже прыгнувшему в «Ниву» фермеру. — По тебе давно кулаки ноют!..

4

В штабе атамана карабахца выслушали.

— Буянить-то не надо было... — сказал полковник.

— Да как я мог такое дальше терпеть!

— Ладно, ладно, угомонись!.. Может, снова в Приднестровье поедешь?

— А чего там делать?

— Караул нести...

— Э, не... Сопли подтирать — не моё дело...

— Ладно, поищем тебе что-нибудь другое... Наши батюшки в последнее время всё чего-то боятся, охраны просят. Эй, Олемской! Кто у тебя из священников на примете имеется, кому совсем невмоготу? — крикнул полковник.

— Отец Кирилл. Настоятель Пятницкой церкви... Если мы туда своего молодца воткнём, то сразу ухлопаем двух зайцев: ему — койка и прокорм, а нам — пост круглосуточный.

— Дельно говоришь, — сказал атаман, смотрясь в зеркало и поправляя свисший погон.

Пятницкий храм находился на взгорке над самым мостом через реку. С него открывался вид на водохранилище, косу к противоположному берегу, жилые дома разных геометрических форм, пеналы ангаров авиазавода с казавшимися детскими самолётиками — пузатыми авиалайнерами на взлётной полосе, закопчённые трубы теплостанции.

С этого высокого берега еще в стародавние времена служилые люди следили за бескрайними степями, откуда могли появиться татарские орды. Но отсюда же и немцы в отечественную войну поливали огнем вцепившихся в приречную пойму советских солдат.

У ворот перед храмом желтела низенькая сторожка, а в стороне на метроном фундаменте красовался дом батюшки Кирилла.

— Вот твоя почивальня, — толкнул дверь сторожки суматошный батюшка.

Там стояли койка, стол, два стула, и в углу было еще навалено разное барахло.

— Лучшего предложить не могу...

Дмитрий ступил на обшарпанный пол, сел на ушедшую глубоко вниз панцирную сетку кровати. Закачался.

— А нам всё равно! А нам всё равно... — запел.

Ему хотелось иметь свой дом, своё пристанище, где он мог бы развалиться, почувствовать себя пусть и не полным, но хозяином. Хозяином, а не холуём, как у фермера.

Обязанности у Погожева были простые: утром ворота открыть, на ночь закрыть; если батюшка или кто к нему придёт, пропустить. За храмом приглядывать, где велись отделочные работы и проводилась служба. Если что матушка Нина, супруга батюшки, попросит, исполнить.

— А ты крещеный? — как-то поинтересовался отец Кирилл.

— Да нет, батя военным был, а у них, сами знаете...

— Креститься надо!

Погожев давно подумывал об этом. Ещё на карабахской войне заглядывался на армянские храмы, даже невольно искал подходящего священника, но выполнение желания всё откладывал. И вот перед ним открылась реальная возможность заполнить это белое пятно своей биографии.

— А что для этого нужно сделать?

— Исповедаться...

— Исповедаться?... А когда?

— Чем скорее, тем лучше...

5

Дмитрий постирал на ночь рубаху. Утром ее погладил утюгом, принесенным бабой Верой, старушкой, помогавшей в храме. Побрился. И пошел на службу.

Встал в сторонке от прихожан, слушал хор, который почему-то казался ему чуть ли не звуками откуда-то свыше, вдыхал упоительный запах лада-на. Видел впереди пухлую жену батюшки, матушку Нину, с двумя дочерьми, штукатура Виктора, который накануне закончил обмазывать левый придел.

Хор. Ладан. Все так и стелилось на душу.

Отец Кирилл вышел из алтаря и стал рассказывать про бедствия, постигшие какой-то народ. Чужое горе было созвучно настроению Погожева, который недавно видел и сам на себе ощутил несчастья, постигшие армян, абхазов, приднестровцев.

Уже готов был чуть ли не расплакаться, как его обожгло одно слово. Батюшка Кирилл назвал какой-то народ «обрезанными».

А батюшка продолжал:

— Этот народ еще Моисей называл народом с обрезанными сердцами. Грубый народ...

Снова «обрезанные»!

Реакция на когда-то слышанное и, можно сказать, навечно застрявшее в ушах слово была немедленной: обрезанные, мусульмане, обрезанные... Те, против кого он проливал свою кровь... Кто забрал у него Касьяныча... Кто пус-

тил его по миру... Все его несчастья стали ассоциироваться с этим народом — обрезанных.

Едва перехватив дух, он вылетел из храма. Порылся в карманах — ни махры, ни папиросы.

— Эй! Дай закурить! — крикнул проходившему мимо ворот мужику. — Благодарствую!

Глубоко затаился. Долго стоял у обрыва, смотря на пойму реки, по которой сновали катерки, на небо с толкущимися облаками, на вертолет, зависший над мостом.

— Об-ре-зан-ные... Об-ре-зан-ные... Я, видимо, и умру с этим словом на устах...

Скомкал папиросу и направился в сторожку.

Баба Вера вбежала, хлопнув дверью:

— На мени грех за теби упал!

— Это какой еще грех-то? — уставился на нее Погожев.

— А ты почто не пошел исповедаться?

«Знала бы ты всех этих «обрезанных», посмотрел бы я на тебя, как бы ты себя повела...»

Та стояла, выпялив глаза, с поднятыми и готовыми опуститься на него кулаками.

— Ладно, завтра исповедуюсь.

6

Вечером Погожев, звякая цепью, открыл ворота перед «вольвой» с отцом Кириллом за рулём.

Тот опустил стекло:

— Чего же ты так сегодня?

— Батюшка! А можно хотя бы при мне про обрезанный народ не говорить...

— А, понимаю, понимаю... — расплылся тот в улыбке.

Машина проехала в глубь двора и остановилась около дома. На крыльцо выбежали две девочки, выставив ладошки, и каждая получила по конфетке.

«Вот у кого не жизнь — везуха...» — подумал Погожев.

На следующий день он выстоял службу от начала до конца. И уже потом подошёл к батюшке.

— Грехов на мне, что блох на дворняге, — начал, склонив голову. — Я попал на карабахскую войну...

Отец Кирилл сосредоточенно слушал бывшего лейтенанта, еле заметно переминался с ноги на ногу, потом поднял глаза к образам на потолке, громко пропел молитву и, набросив на голову Дмитрию епитрахиль, перекрестил.

— Так что, война мне в грех не идет? Там ведь я братьев своих защищал единомерных...

Отец Кирилл утвердительно махнул крестом. Далее он подозвал его к уже парящему водой сосуду. Сзади Погожева стали крестная мать (баба Вера) и крестный отец (штукатур Виктор). У Дмитрия по телу побежали мурашки. Занес руки над купелью. Побевашшее щекотание исчезало по мере опускания рук в воду: с кончиков пальцев, с запястий, локтей, вот покинуло предплечья...

Непередаваемое успокоение охватило его. Словно убаюкиваемый матерью, оказался в детской кровати.

Да взаправду ли всё это?.. Неужели все грехи сняты и впереди ничем не омраченная жизнь?..

— Это мой тебе подарок в честь крестин! — Виктор сунул Дмитрию пачку киселя.

Раз все так удачно сложилось, то и всё другое в его жизни не должно быть более омрачено. У него будет свой дом, своё дело, достойное его умений и заслуг, своя семья, дети... Все как у людей. И то, что он пока при храме сторожем, — это временно. Найдёт себе приличную работу, и изменится всё!

Из казачьего штаба звонили и обещали ему в этом помочь. А с отцом Кириллом договорился о том, что жить пока остается в сторожке.

— Езжай завтра на холодильный комбинат! Там рабсила требуется... — вечером позвонил Олемской.

7

Плохо зная город, передвигался по нему пешком.

— Вон до тех тополей дойдете и налево, — показала Погожеву дорогу девушка с сумочкой-сундучком на плечике.

«Вот бы какую мне в жены...»

Проходная комбината оказалась разделённой надвое железной перегородкой с вертушками.

— Мне в отдел кадров надо бы, — сказал Погожев.

— Это туда, — большуха-контролёр посмотрела в узкий коридор.

— А, да-да, мне с казачества звонили, — глянул из-под очков лысый дедок.

— А документы ваши можно?

— Вот, у меня разве что военный билет...

Кадровик слюнявым пальцем полистал странички в разводах и спросил:

— А паспорт?

Погожев пожал плечами.

— Ладно, где прописан?

— У меня нет прописки... Я при храме живу...

Дмитрий полдня просидел около кабинета кадровика, который куда-то уходил, возвращался, снова пропадал, а под вечер поманил к себе пальцем:

— Нет, никак не могу!.. У нас с паспортным режимом строго...

«Вот деляги! — всё поднялось внутри Погожева. — Посмотрел бы я на вас, если бы к вам в город обрезанные на танках сунулись... О какой прописке вы бы тогда заговорили...»

— Но я ни при чём... — оправдывался очкарик, провожая базедовым взглядом бывшего карабахца.

Ночью Дмитрия трясло. Он никак не мог уснуть. В глаза лезли картины его военного прошлого с танками, обстрелами, самолетами, кассетницами... Все забытое, словно смытое в никуда, снова давало о себе знать. И злили, так и выворачивали душу вездесущие чиновники, которым главное не человек, а штамп в документе.

Ох, уж эта невезуха!

— Ты что, и с кадровиком не поладил? — заорал на него по телефону Олемской. — Что, не мог бутылку сунуть?..

— А я знал, что ему водка главное...

— Эх, да у нас ничего без магарыча не делается! Ладно, скажи, батюшка Кирилл дома?

— Нет, уехал в соседнюю епархию...

— Выходит, ты один в храме?

— Да...

— Ну, тогда жди гостей!

8

Такой попойки Дмитрий не мог припомнить. Олемской нагрязнул с казаками из его сотни. Не было только фермера — побоялся. С собой они принесли две трехлитровые бутылки самогонки. Сначала выпили за день рождения Олемского, потом — за его день ангела.

Уже подпив, Олемской стал рассказывать про свою недавнюю поездку в Приднестровье.

— Представляешь, выпороли меня! — трясся от смеха. — У одного молдована литруху вина хотел стырить... Так меня на бревно. С «же» всё содрали и... Я таращу глаза на казака: «Ну, бей! Своих! Свинья!» И знаете, братцы, устрошил... Подействовало... Он меня лишь для виду хлысть, хлысть...

— Второй раз спасся! — со слезами от смеха на глазах поднял полный стакан Погожев.

— А, да, да... раз — из-под камней, и вот — от хлыста.

— А ты знаешь, что один наш казачок на днях учудил? — уставился на Дмитрия Олемской.

— Откуда же мне знать? Все при храме, и радио-то не всегда послушаешь, — показал на репродуктор на стене. — Отец Кирилл: не гоже, не гоже...

— Так он из «осы» по памятнику вождя — жжик. И промахнулся. За ним погнались. А он до того нализался, что и бежать не может.

— Как мы!..

— Но мы-то стрелять ни в кого не собираемся... Разве что... — Олемской увидел пробежавшую по забору кошку. Вытащил пистолет и выстрелил.

Кошка:

— Вяк!..

С забора — шмяк.

— Брось! — схватил руку Олемского Погожев.

Тот спрятал пистолет и недовольно продолжил:

— Теперь вот меня в ментовку завтра тянут, форму нашего бедолаги забирать...

Уже ночью Погожев пошел провожать Олемского.

— Мы с тобой, Димка, всех покрошим, кто не наш! — орал на всю улицу Олемской.

— Да тише ты!.. — тот зажимал ему рукой рот.

— Куда идти-то?

— Туды... Нет, сюды...

— Так куда надо-то?...

Пришлось Олемского тащить назад на церковный двор и уложить у себя на кровати.

— Это что за такое? — батюшка стучал ногой в сапог лежащего Олемского.

Тот заворочался, сдернул с лица портянку, протер глаза.

— О Боже, ещё и обмочился...

Погожев стоял в стороне и качался.

— Алкаши несчастные!.. — бросал гневные взгляды на Дмитрия. — Ворота нараспашку... Заходи любой... Бери, чего хочешь...

— Да мы охраняем-с вас-с... — забурчал Олемской, влезая в сапоги.

— Оставь ты этих срамников, — заглянула матушка Нина.

Тот, ругаясь, пошел к своему дому.

— Линяем-с, — Олемской мягко выскользнул из сторожки.

9

— Ну что, работу не нашел себе? — спросил отец Кирилл.

— Нет, — Дмитрий потупил глаза.

— Ищи, иди ищи!..

А на работу все не брали: ни на одном предприятии, ни на другом, ни в ЖЭКе, ни в киоске. Обещания казачков тоже оставались невыполненными.

Погожев осунулся. Стал злиться. Мог ни с того ни с сего кого угодно обругать. Поэтому никто к нему и не подходил.

А если утром с него сдёрнут одеяло («Вставай!»), тот к спинке съедет и руками по-боксерски машинально закрывает лицо, а глаза пронзительные, напуганные.

Придет в себя:

— А, это ты...

Видно было: творится с ним что-то неладное. Или сбросит ноги с койки, прилежит волос на макушке и все равно как не свой, мыслями где-то далеко-далеко. А если психоз на него найдёт, то по двору начинает метаться, и все в сторону — ещё ножом пырнёт!

Видя такое состояние крестника, маляр Виктор предложил Погожеву:

— Ты бы к отцу Гурию поехал. Он от такой кручины, какая мучит тебя, лечит. Бесов изгоняет.

— Каких ещё бесов?..

— А ты, что, не знаешь?.. Ну и зря...

— Да постой, Расскажи...

— Только если слушать будешь меня, твоего крёстного... Я ведь за тебя тоже ответ перед Всевышним держать буду...

Они прошли в сторожку, и Виктор продолжил:

— Я ведь раньше, как ты, был заражён ими... Всё бил, крушил, рвал на себе рубахи... Думаешь, я не хлебнул?.. Нас в Афганистан с первым эшелоном выкинули... Потом за разные партии травкинские бегал... Листовки расклеивал... Мне чекисты всю голову продолбили... Все уши прожужжали... А я упёртый был... В общем, наглотался по самое никуда... И только отец Гурий мне глаза на все раскрыл, что все это не то, что все это суета сует... Чего тарачишься?

— Продолжай, продолжай!

— Всё это бытоулучшательство!.. Это в лучшем случае, а в худшем — бесовство... И теперь я ни в какую политику не лезу. Вот выборы были, моё дело сторона. Это что — Бог одобрял их? На улице слякоть, грязь непролазная... Бог против... А ты, ты же убивал. В тебе бес еще глубже сидит. Езжай к Гурию, проси выгнать беса из себя. Вот видишь, я говорю быстро, это он — бес — снова в меня проник, просто я вот с тобой вспомнил прошлое, и пошло... А надо ведь мягко говорить, тянуть как бы... Подумай над тем, что я тебе сказал...

10

Чего думать-то? Ехать так ехать. Тем более, что отец Гурий — брат его Касьяныча.

— Благословите, отец Кирилл, на поездку в Свято-Тихоновский монастырь к отцу Гурию.

Священник посмотрел пристально на Погожева — взгляд Дмитрия светился — и перекрестил карабахца.

У Виктора приспела надобность встретиться со своим духовным отцом Гурием, и Погожев поехал с ним. Сидели на заднем сиденье чадающего «лаза», направлявшегося в Задонск. Виктор тихо рассказывал про то, как сам пришел к вере:

— Я сплю, а знаешь, небо такое ясное-ясное, ну вот как сейчас. И идут по нему облака. А под ними море бушует. Волны накатываются. И мне голос с облаков:

— Спаси!..

Я оглянулся: никого не видно.

А мне повторяет:

— Спаси...

Вижу, в море человек тонет.

Я боюсь его спасти, ведь сам не умею плавать.

А голос:

— Ну, живей!..

Я повиновался. В воду! А она меня держит. Поплыл. Доплыл до тонущего, а тот уже ко дну пошёл. Я его ухватил. И вытаскивать! Так и вытащил на берег. И тут с облаков такой свет лучезарный и рука. Взяла меня за кисть и с собой на небо...

Проснулся и понял, что отныне меня Бог к себе зовёт...

— А я, что, как утопленник? — спросил Дмитрий.

— Понимай как хочешь... Или ещё, слушай! Я на огромной вышке, как вавилонская башня, и строю её выше. Я же строитель, на все руки мастер. Двадцать пять этажей сложил, тридцать этажей. И вижу: горизонт запылял.

И мне:

— Слезь!

Я понял, что столб скоро рухнет. И стал спускаться. И вижу: другие строители тоже стали спускаться. Спускаюсь по приставленным лесам, а ниже — пожарный желоб, по которому можно съехать. Я на него ногу заносу, но думаю: а что там внизу? Ведь неизвестно...

И не ступил. А спускаюсь дальше. Тут сполохи пошли, участились. Я скорее. Слетел, выбегаю за забор. И эта башня как полыхнет, и из нее ни с того ни сего люди стали выпрыгивать. И падают, разбиваются, другие валяются на них, думают — уцелеют, сами бьются, встают и снова падают, переломанные.

Я бежать. Бегу — храм на пути. Я в него. Там батюшка, ну наш, православный, и прихожанам ересь несет. Я оттуда. Только выбегаю — дождь как ливает! И волны на меня катятся, катятся, потоп... И бултыхаюсь... Спасся...

— Фу... — выдохнул Погожев, кутаясь от озноба в шинель.

Автобус бежал по укатанной дороге, отстреливаясь клубами солярного дыма. Двое пассажиров на заднем сиденье продолжали горячо разговаривать.

Перед тем как из Задонска держать путь в Свято-Тихоновский монастырь к отцу Гурию, решили приложиться в местном монастыре к мощам знамени-

того старца. Погожев следом за Виктором поднялся по огромным ступеням в полетный храм, повернул к золочёной раке. Посмотрел, как Виктор приник к стеклу, под которым зеленели накрытые покрывалом мощи, как приблизилась на коленках к массивному ящику молодая женщина и порывисто поцеловала стекло, и сам задумчиво коснулся лбом меченого места.

— Это сам Тихон Задонский... А теперь к его келье, в скит...

На попутке добрались до лесного Свято-Тихоновского монастыря. Виктор сбегал куда-то, получил благословение, и они вдоль трёхэтажного корпуса из красного кирпича, слепо смотрящего вокруг незастекленными глазницами-окнами, прошли к приземистой гостинице.

Поставили вещи у пустой койки.

— Куда? — откуда-то появилась опрятная, в длинном платье монахиня Рафаила.

— Но ведь тут же свободно, — сказал Погожев.

— Мало ли что свободно. А работать будете хорошо?..

— Матушка Рафаила, — заговорил Виктор, — как же без этого... Мы ведь к матушке Гурию...

— Ладно, посмотрю я, какие из вас работнички! У нас, видите, сколько ещё нестрою...

— Видели, видели...

Утро началось с послушания. Дали засаленную робу.

— Да от неё задохнешься! — воскликнул Дмитрий.

— Браток, ты никак забыл, на какой земле находишься!

Стали искать сапоги — нужного размера не нашли. Пришлось остаться в своей обуви. Дмитрий сходил на склад, где обменял свою шинель на фуфайку. Послушница Елена — молодая, прячущая глаза дивчина — подарила ему перчатки:

— На, солдатик...

И потом уже:

— Идите кирпич носить.

Дмитрий и Виктор два часа без передышки таскали кирпичи на стройку. Обитель помогали восстанавливать многие заводы, фабрики, поставляя строительные материалы, при этом забывая, что монастырь женский и по-мужски там работать почти некому.

Погожев не выдержал и забурчал:

— Грыжу не заработаем тут? На пустой желудок так пахать... Слышишь, как урчит...

Вспомнил, что так постоянно бурлило у него в животе, когда батрачил у фермера.

Виктор ничего не ответил. А увидев благообразного священника, бросил носилки и кинулся к тому. Припал к его рукам:

— Благословите, отче!..

Тот:
— Благословляю...
Перекрестил.
Погожев тоже подскочил к батюшке:
— Вы отец Гурий?
— Да, я...
— Выздоровели, выходит...
— Да, милоч, в последнее время хвор стал... Хвор.
— А я вашего брата знал...
— Это не ты ли приезжал и хотел мне кое-что рассказать? — глаза монаха осветились.
— Да, я это был, я...
— Приходи ко мне вечером, я хочу с тобой поговорить. Виктор, ты ему покажешь...
Когда отец Гурий пошел дальше, Погожев спросил Виктора:
— А на что ты благословение просил?
— Чтобы в источнике искупаться. Здесь правило такое заведено.

12

Закончив перетаскивать кирпичи, паломники показали матушке Рафиле сложенные ими пакеты, и та осталась довольной. Перед трапезой поспешили к источнику. Солнце уже скрылось за кроны. Туманная прохлада затянула низину. Вот и купель. Быстро разделись. Не разговаривая, нырнули. Виктору ничего, он крепкий. А Дмитрию... худ, тощ — сразу засопел. Оттуда к игумену.

Весь вечер Дмитрий провел в келье батюшки Гурия. Его келейница принесла им чай из липы, и простудная хворь у гостя вскоре выветрилась. Батюшка, сдвинув книги в сторону, выспрашивал у гостя мельчайшие подробности из жизни своего брата, часто бросал взгляды на образа и крестился.

Оказалось, что они оба из семьи офицера, который сам в Бога не веровал, и вот только недавно он, Гурий, замолил перед Богом своего отца, уже почти замолил и брата, по крайней мере, ему так казалось.

Дмитрий смотрел на этого внешне крепкого, а внутренне очень болезненного мужчину и думал: «Хватит ли мне сил отомлить перед Всевышним свои дела?..»

Что-то ему не очень-то и верилось, что так вот одним махом, как об этом ему говорил отец Кирилл, можно избавиться от скопившейся за карабахскую, абхазскую и приднестровскую войны боли.

— Всегда буду рад тебя видеть у меня, — протянул, прощаясь, бледную руку батюшка. — Поживешь в монастыре малость, и мы с тобой еще не раз обстоятельно побеседуем...

После прогремевшей и просверкавшей ночью грозы, которая резво уползла за горизонт, паломники снова собрались на источник. Спускаясь по тропе, говорили о девственной природе вокруг, о старце, который жил когда-то в этих местах и оставил после себя такое богатое духовное наследие, об отце Гурии, из руин поднимавшем обитель.

За разговором не заметили, как вошли за деревянную ограду, и принялись раздеваться.

Вдруг раздалось:

— Чего там мелешь, монашек гребаный!

На скамье лежал, накрывшись полотенцем, здоровенный детина.

— Я не монах и не гребаный! — Погожев повернулся к тому.

— Да хватит вам! — встрял Виктор. — Здесь же монастырь. И выражения выбирать надо бы...

Детина, сморкаясь, поднялся и заковылял к выходу.

— Я бы ему хавло расквасил, не посмотрел бы на то, что здесь монастырь! — выругался Погожев.

— Охолонь!

Виктор прыгнул в купель. Погожев следом.

— Фр-р!..

— А чего это отец Гурий благословляет всех купаться и купаться?

— Он у нас такой, закаляться понуждает. Поговаривают, во флоте служил. И до сих пор тельняшку носит.

— По его нынешнему виду я бы этого не сказал...

Золотистая колокольня в форме адмиралтейского шпиля перстом протыкала небо. С нее лился переливчатый звон. Все спешили в храм, покрытый медными, лаковыми куполами. Вzbегали по мраморным лестницам к затянутому тюлем входу в притвор. Замирали под недавно отделанными приезжими сербами сводами в лепнине и с люстрами, как бы сталактитными сосульками.

Отец Гурий, оглядев благоговейно замерших монахинь, прижал к груди крест с распятием и заговорил:

— В те часы, когда родился Христос от девы Марии и над всей землей засиял... Правда, да?.. Сын Божий, смертью смерть поправ... Да?..

В зале вздыхали.

Многое для Погожева походило на некую лекцию, после которой ты либо что-то поймешь, либо ничего не поймешь и выйдешь с затуманенными мозгами. Виктору проповедь понравилась, он чуть не плакал. А Дмитрий стоял и ничего не мог себе вразумить.

— Завтра отчитка, — произнес Виктор, выходя из храма.

«Во, — подумал Погожев, — может, из меня всех бесов повыгонят, и я тогда...»

В маленькой комнатенке собрались паломники и паломницы. Заняли шесть кроватей, стоявших рядом друг с другом. Сидели недвижимо и молча ждали.

Появился отец Гурий и, сосредоточенно оглядев всех, открыл черную книжку. Стал тихо, всё повышая голос и ускоряя темп, читать. Одна молитва. Другая...

От мужского крика рядом — «Я-йя!.. А-йя!..» — Погожев вздрогнул. И все словно проснулись.

Бабка у окна стала нервно креститься и заорала:

— Горю!.. Дым пошел!..

«Какой дым?.. Кто горит?..»

Погожев почувствовал, как запахло не то палёным, не то копчёным. Бабка растянулась на кровати, и её стало трясти. Другая старушка слушала, слушала и вдруг кинулась на лежащую. Они сцепились.

— Э, бабульки! — хотел было разнять Погожев, но, увидев выступивший на лбу у Виктора пот, сжал руки в кулак.

Его самого начинало трясти.

— Горю! — запрыгал старик. — Я — дьявол! Я — сатана!

Потом забился в угол, замолчал, притих, как после припадка. Виктор сидел, сидел, и вдруг его как пошло ломать. Он скривился, прижал ноги к животу, правую руку поднял вверх, левую задрал за спину...

В глазах Погожева запрыгали зайчики, уши заложило, как при резкой смене атмосферного давления.

Голос отца Гурия колокольно бухал.

Присев, как от удара кувалдой по голове, Погожев открыл глаза. Смотрит, а это отец Гурий бьёт каждого чётками...

Вышел из комнаты совсем чумной. Будь у него что-то стреляющее, поднял бы пальбу, а окажись граната, не преминул бы вырвать чеку и бросить.

Сзади вываливали старухи:

— Ой! Насилу беса прогнал...

— Ой и тяжело ведь...

А Виктор сказал:

— Теперь на год хватит!

— Чего? — спросил Дмитрий.

— Бесов на целый год повыгнали...

— А из меня его и молотом не вышибешь! — удручённо произнес Погожев.

Когда ехали назад, он всё поглядывал на внешне изменившегося Виктора, лицо которого сделалось мягким, потеряло прежнюю сосредоточенность, и спрашивал:

— Зачем он чётками бил по голове?

— Чётки промоленные, их бес как огня боится...

— Зачем молитвы читал?
— Где молитва, там бесу жаровня...
Мало чего понимая, Погожев только сильнее жался в угол заднего сиденья и бубнил:
— Сущий обезьянник!

15

Погожев вернулся к Пятницкой церкви, перелез через забор, постучал в дверь сторожки:

— Открывай!
Оттуда раздался голос бабы Веры:
— Ой! Кто?
— Паломник приехал.
— Какой?

Погожев промолчал, желая получше проучить бабку, чтобы к нему не шастала. Баба Вера с перепугу схватилась за телефон звонить в милицию. Потом разглядела в окно Дмитрия и открыла:

— Мени за теби уже в сторожа определили... Но ты оставайся, а я до дому пойду...

Отец Кирилл, узнав о возвращении Дмитрия, куда-то сразу уехал, а потом посыпались звонки из казачества:

«Что, и с монастырем не получилось? Что, снова тебе работу искать?»
— Если мне деться куда-то надо, я уйду! — Погожев поймал батюшку.
Кисло улыбнувшись, тот проговорил:
— Тебя казачество охранять храм определило... Вот и охраняй...

Дмитрия взяло зло. Но что ему остается? Терпеть, да и только. Собрался сходить в епархию, может, его в другой храм определят, где он будет более угоден. Но зная, что секретарём в епархии брат отца Кирилла — отец Лаврентий, который обязательно расскажет о его визите, решил испросить на это благословение.

Подошел к отцу Кириллу. Тот выслушал и протянул:
— Конечно же...

Но с такой миной, словно только что литр кислого выпил.

«Что он за князёк такой, что меня за раба здесь держит?..»

В епархию не пошел, а весь день чистил двор от первого снега. Потом ввалился в сторожку, плюхнулся на койку с одним лишь желанием — напиться. Так и сосало всё внутри. А пить-то и нечего... Хоть вой, хоть рычи...

Позвонить, что ли, в казачество, так мигом принесут...

16

Что за судьба?.. Ведь как с войны пришел — никакой жизни. Сплошь одни неудачи. И слабость такая — ломотная. Был бы ствол — так давно б застрелился и точка. Ведь живой, а жить не хочется, не дают. Ни работы. Ни дела.

Что остается?

Воровать? Он не умеет.

К мафии податься? Тоже не по нутру.

Слезы накатываются и накатываются. Нет, надо напиться. Иначе — хана!

На этот раз с казаками пили в казачестве. Водка через силу лезла в горло. Потом Погожев пошёл в храм. Сунул руки от холода в карманы, а в одном из них что-то металлическое. Вытащил — часы. Как могли они туда попасть? Ведь у него их не было.

Первому попавшемуся бродяге:

— На котлы!

Ведь душа-то родственная, гонимая.

Радости в глазах бомжачка...

В парке к нему прицепились сержанты-милиционеры.

— Датый, замерзнешь, — говорят.

Привезли в медицинский вытрезвитель.

А фельдшер:

— Коснись-ка, братец, кончика носа!

Коснулся.

— Присядь-ка на одной ноге!

Присел и не качнулся. Сказывалась закалка, полученная в «горячих точках».

— Не-е... Не гож... Средней степени опьянения нету...

Сержанты потолковали между собой и отвезли в отдел милиции, где написали на Погожева рапорт: матом ругался.

Дежурный майор, зевая, составил протокол.

— Я не выражался! — доказывал Погожев.

— Подписывай! А то хуже будет...

— Куда же ещё хуже... — простонал и подписал.

Судья, даже не подняв на Погожева глаза, влепил ему десять суток ареста.

Суточников заставили ломami выбивать камни на даче милицейского полковника. Без перчаток. В мороз!

И потом еще:

— Носите железо...

— Так ведь кожу сдерет!

— Ничаго...

Что ж, мент есть мент! Раньше Погожев относился к милиционерам безразличнее, но с этих пор, попадись ему такой где-нибудь в глухом месте или «горячей точке», он бы его не пожалел.

Когда отпахал десять суток и вновь появился на церковном дворе с руками, перевязанными тряпками, батюшка аж побелел. Снова умчал куда-то, после чего Погожева вызвали в казачество:

— Слушай, у нас от твоих проделок голова уже кругом идёт!
— Каких это проделок?
— Не время и не место их обсуждать... В Сербию поедешь?
— Зачем?
— А ты, что, не знаешь, что там нашего православного брата со всех сторон жмут? И католики. И мусульмане...
— Обрезанные?
— Обрезанные!
— Поеду!
Выдал, а подумав, ещё кивнул головой.
— Сначала немного в лагере пооботрёшься, а там на войну...
И последние перед отъездом дни не прошли гладко.
Отец Кирилл цеплялся за каждую мелочь. Заглянет в сторожку:
— Выключи радио, пост!
Погожев выключит, а сам в окно видит, как в доме батюшки «видик» смотрят, и снова врубит на полную мощность. А оттуда только и сообщений, что в Хорватии католики прут, а в Боснии — мусульмане...
Батюшка снова нахохлился в дверях и ножницами провод к радио чик!
Погожев снег чистить — батюшка подходит:
— Почто много ругаешься?
— Ничего подобного...
— Да я как мимо сторожки не пройду, такой мат-перемат стоит!
— Ёбть! — стукнул лопатой по асфальту.
У отца Кирилла руки затряслись, брови запрыгали.

17

Дёрнуло же его за язык сказать сотнику Сергею:
— Ты знаешь, пили-пили, а у меня в кармане котлы оказались...
— Так это же Олемского часы!
Сказал с намеком, чтобы он их вернул.
— Но у меня их нет...
— А где они?
— Бродяжке отдал...
Тот хмыкнул, а говорить стал, что Погожев их утаил. Со всех сторон одни оплеухи! Пошел в штаб к казакам, чтобы выяснить, в чём дело, так его даже на порог не пустили. А Сергей, его абхазский побратим, говорит:
— На тебя бабки жалуются, что ты затрахал их. И отец Кирилл валерьянку пьет...
Сказал как бы мельком.
Дмитрий не нашелся, что и ответить в оправдание.
А тот тут же:
— Может, ты атамана хотел увидеть?

— Да, хотел...

— Он в кафедральном соборе на службе.

Сшибая камни, заспешил в собор. Надо все расставить по своим местам! Всё!.. Чтобы не осталась о нём плохая память...

Из кафедрального собора толпой валили люди. Разглядел одного в полковничьей форме — атамана, а рядом, в фуражке и башлыке, сотника Олемского. Направился прямо к ним, а те прошли мимо, делая вид, что его не замечают.

«Вот это да! Даже заговорить не пожелали!»

Так и застыл. Решил пойти в Пятницкую церковь и во всем там разобраться: откуда на него такие обвинения? За что?..

На ледяном спуске чуть не поскользнулся и не угодил в канализационный люк.

«Броситься?.. Не-ет, глупой смерти ждете от меня? Не дождетесь... Меня пуля не брала, мина... А вы, паства засаленная...»

Взлетел на малый храмовый взгорок. В сторожке нащупал выключатель. Включил — баба Вера на скамье отдыхает. С порога:

— Баба Вера! Вы на меня кому-нибудь жаловались?

— Не-нет, — та оторвала голову от скамейки.

— Поклянись Христом Богом!

— Зачем я буду клясться...

— С тобой всё ясно!

— Ничего я не жалилась, и клясться я не буду. Грех это — клясться Христом.

Плюхнулся на койку, сложил руки на животе, пальцами закрутил:

— Идиоты! Казачество — дрянное козлячество! Хоть бы под пулями побыли... Каждой сексотке верите... Ладно, Дмитрий — бомж и есть бомж! Тебя жизнь била и бить будет. Лобызаться лезли и на ферму послали... Говно месить... А сами в башлыках шастают и себя за воинов выдают... Сраная команда... Тебя церкву, пузо батюшкино охранять... Баба Вера, стоять!

Та застыла ни жива ни мертва.

— Грязь к чистому не прилипает, правильно я говорю?

— Правильно, правильно, детка!

— Значит, Бог все рассудит?

— Рассудит, рассудит, лапок...

Дмитрий поднялся с кровати и, выставив пальцы, ткнул в плечо старухе:

— Я так убивал. Раз, два и точка.

Та побелела, как простынь.

Развернулся — и за бабу, и за шею ей одной рукой, а другой — под левую печень кулаком:

— Так!

— Убива-ють!..

Бабка, как ошпаренная, вылетела из сторожки и закружила вокруг храма.

В алтарном закутке Погожев наткнулся на Виктора.

— Кто на меня ложит?

— Да не я... — у того затряслась губа, вот-вот снова начнется нервный тик.

— Не трезвонь, балаболка... А то тебе и отчитка уже не понадобится никогда...

На крыльцо к батюшке.

— Отец Кирилл!

Тот выглянул в одном нижнем белье. Погожев взял его за пижаму и потянул к себе.

— Ты на меня в штаб капал, что я... Что я...

— Почто слухам верить? — залепетал тот.

«Ну, Иуда!»

Заглянул в глаза священнику и дважды ткнул в ключицу косточками сжатого кулака:

— Если посильнее, ничего уже не спасёт... Запомни! И если кому пожалуешься либо какая тварь с твоего подворья, я вернусь...

Видел, как за шторой пряталась матушка Нина и к ней жались дочери.

Под частое сопение перепуганного отца Кирилла сошёл со ступенек, собрал в сторожке свои шмотки и, толкнув ногой заскрипевшие ворота, навсегда покинул двор Пятницкой церкви.

Продолжение следует

Владимир СИЛКИН

ДОНЕЦКИЙ ДНЕВНИК

Стихи

ДОНЕЦК

Я не бывал там и вот, наконец-то,
С другом безмолвно стою,
Слушаю, как по слепому Донецку
«Грады» бессонные бьют.

Наверняка искалечат кого-то,
В землю загонят по грудь.
И бесконечная эта работа
Нам не даёт отдохнуть.

Зябко в подъезде разбитого дома,
Воет волчицей метель.
Это оттуда, с аэродрома,
Двери срывает с петель.

Вот и опять загорается крыша,
Мечутся тени в огне.
Кожею чувствую, кожей слышу:
Лупят снаряды по мне.

Что ты забыл тут из прошлого века?
Вон из Донецка домой!
Это последнее, что человеку
Враг оставляет зимой.

Битые стёкла и затхлость подвала,
Серые лица впотьмах.

Как же, Европа, ты сукою стала?
Спишь в своих сытых домах...

Знаю, Европа, аукнется вскоре
Страшное это кино,
Ведь не бывает соседского горя,
Горе на свете одно.

Не оставайся сейчас без ответа,
Чтоб никогда не узнать,

Как это страшно без хлеба и света
И без воды выживать.

ПОД ДОНЕЦКОМ

У меня тут ни кума, ни свата.
Тут ни голоса нет, ни огня.
И когда-то белённые хаты
Исподлобья глядят на меня.

И несносно от этого взгляда —
В нём ни капли людского тепла.
По-хозяйски заходят снаряды
В эту хату, где радость жила.

Ни собаки, ни кошки у тына!
Чёрный снег и снаряд на снегу.
Как же будешь ты жить, Украина,
Перед этою хатой в долгу?!

ДВОЕ

Эти двое не стали ругаться,
Для других сохранили свинец.
И не стало бойца из Луганска.
Ну, не стало, и делу — конец.

Но на этом не кончилось дело.
Тяжело улыбаясь в усы,
Сняли двое с остывшего тела
Вместе с тёплой курткой часы,

Отыскали потрёпанный паспорт,
Развели из газет костерок.
И лежал чей-то сын, чей-то папа
Там, где весело пел котелок.

И хрустели галеты, хрустели,
Словно кости хрустели они.
Двое молча сидели и ели,
Оставаясь всё время в тени.

Догорели в квартире газеты,
Опустел, отзвенел котелок.
И ушли, прикрываясь от света,
Эти двое опять на восток.

* * *

Никому не будет спаса
От свинца и от огня.
Флаги мирного Донбасса
Хмуро смотрят на меня.

Что, Россия, облажалась?!
Что ж ты бросила своих?
— Это только показалось,
Я одна молюсь за них!

Я одна рыдаю ночью,
Я одна дарю им кров,
Чтоб не видели их очи,
Как течёт родная кровь...

ВОРОНКА 2015 ГОДА

Под Луганском зияет воронка,
Догорает чужое жильё...
Ах ты, светлого света сторонка,
Ах ты, горькое горе моё...

Пахнет свежей кровью и гарью,
Вдоль обочины встали кресты.
И кричит изувеченный парень,
И срывает, как кожу, бинты.

Навалились такие напасти!
Но суровой, чем в прошлом году,
В бой идут регулярные части,
На своих же, по сути, идут.

А повязка у парня намокла,
Снег под ним словно маковый луг,
И зияют ослепшие окна,
Безразлично взирая вокруг.

А уже подступают морозы,
И такие спешат холода!
Не простятся бездомные слёзы
Никому на земле, никогда.

* * *

Живёшь, никому не нужен,
Ни слова не говоришь,
Один коротаешь ужин,
Один беспокойно спишь.

Не лезешь к соседям в душу,
Не ходишь в ближайший лес,
Не видишь, как звёзды тушат
И сбрасывают с небес.

Не слышишь, как стонет вьюга,
Нахлынув с дворовых лип,
И весточку ждёшь от друга,
Забыв, что и он погиб.

ПРИДОРОЖНЫЙ КУСТ

Придорожный куст качается
В эту ночь и в этот час,
В человека превращается
Заплутавшего сейчас.

Наседал безумный ветер,
Создавал опасный хруст,
Обращал во всё на свете
Ветер придорожный куст.

На кусте вздымалась холка,
Гордая, как у коня,
Превращался даже в волка
Придорожный куст, в меня.

И качался до рассвета,
Русских песен не тая,
Куст, посаженный в то лето,
Где на свет явился я.

* * *

На русскую землю не плюйте,
Любите её и целуйте.
Не золотом и серебром —
Она вам отплатит добром.
Она, как родимая мать,
Вас будет всегда принимать.

СВЕТ

Светятся лес и поле,
Хрупкие облака.
И отступают боли,
И не берёт тоска.

Птица светло запела
В зарослях у реки,
Стайкой во ржи неспелой
Плавают васильки.

Светятся счастьем рыбы,
Светом полна ветла.
Всем и за всё спасибо,
Всем на земле тепла!

Пусть никогда не будет
Зла на чужих устах.
Не осуждайте, люди,
Ежели что не так.

Федор ОШЕВНЕВ

ВЕРУЮЩИЙ БАТЮШКА

Рассказ

Плох тот диакон, который не мечтает стать священником, хотя упоминать и даже думать об этом среди церковников считается греховным. Мол, подобное самообольщение отнимает время, отпущенное Господом для спасения души.

Однако сын протоиерея одного из соборов южного российского города Владислав Кураков в глубине сердца мечтал. Собственно, будучи потомком духовного лица, он попросту не мыслил себе иной жизненной дороги. И еще характерно, что с раннего детства мальчик отличался глубокой рассудительностью.

В первый раз в первый класс — в семьдесят восьмом году — он пришел, ведомый за руку не только матерью, но и отцом, тогда еще совсем молодым батюшкой, облаченным в рясу. И, разумеется, уже потому обратил на себя особое внимание — как своей учительницы, так и директора школы.

Миновал месяц, и однажды она задержала Владика после занятий.

— Вот ты говоришь, что Бог есть, а наши космонавты, сколько ни летали, никогда его не видели, — авторитетно заявила она. — И почему?

— А для Бога космический корабль — это только малю-усенький из многих-многих коридорчик. Потому они Всевышнего из него и не видят. И никогда не увидят, если еще и не веруют, — был неожиданный ответ.

Учительница сразу не нашлась как возразить и сухо произнесла: «Иди...»

С ровесниками мальчик держался несколько обособленно, полагая, что среди них он по-своему избранный. Но, когда требовалось постоять за себя, стоял, и до конца. Лишь изначально обя-

зательно крестился. И одноклассники быстро усвоили: если уж он это сделал, быть битве серьезной...

После школы — учеба в Ставропольской духовной семинарии. А перед самым поступлением в нее — так было угодно свыше — Владислав потерял мать. Она еще с детства страдала сердечной недостаточностью. И за год так и не смогла оправиться от обширного инфаркта, случившегося, когда сыну исполнилось шестнадцать.

В двадцать один год Кураков был рукоположен в диаконы. И во славу Господа начал путь служителя алтаря в старинном храме — небольшом и уютном, окрашенном в голубые тона, с шатровой звонницей и протяженным притвором, отделанным настенными росписями. Сам храм когда-то возвели на краю основанного задолго до революции кладбища. В середине тридцатых его полностью снесли и похоронили под масштабными производственными строениями. С тех пор об уничтоженном погосте напоминало лишь несколько давних могил, волею случая оказавшихся внутри церковного двора.

Прошло немало лет, пока к ним неожиданно прибавилась еще одна.

Тогда по заданию настоятеля углубляли подвал под храмом (там новые шкафы по высоте не помещались) и случайно пробили внутреннюю каменную кладку, оказавшуюся перегородкой. За ней открылась потайная комната, на глаз три на три метра. Посреди нее лежали два скелета с простреленными черепами и в полуистлевшей казачьей форме. С погонами сотника и подъесаула — голубые просветы на серебряном поле, указывающем на принадлежность к войску Донскому. Убиенных перезахоронили в одной могиле и отпели.

Случай этот произвел на Куракова весьма гнетущее впечатление: насколько же сугубо бесчеловечным надо быть, чтобы вершить казнь в святылице, под сенью креста! А семьи погибших явно остались в полном неведении их ужасной судьбы.

Однако сравнительно молодой еще на тот момент диакон в углу тайника углядел обрывки плотного картона: это оказались остатки паспарту — специальной картонной рамки под снимок. Куски его за без малого век сильно выцвели, приобретя коричневатый оттенок. Аккуратно склеив полосками скотча фото и вооружившись лупой, Владислав разглядел на нем семейный портрет. Сидящий, закинув ногу на ногу, моложавый мужчина в казачьей повседневной форме имел ярко выраженные надбровья, крупный подбородок и широкие усы стиля «шеvron». Рядом, с ребенком полутора-двух лет на руках, наряженным в матросский костюмчик, стояла приглядная женщина. С овальным лицом, прямым пробором на идеально гладких волосах и косой, уложенной на затылке корзиночкой; одетая в светлую юбку и блузку с богатой отделкой.

На обороте снимка трудно прочитывалась чернильная надпись: «Дорогому супругу и батеньке Платону Акимычу от жены Настасьи и сына Димит-

рия. Станица Новойдарская 1914-го года 16-го ноября». Здесь же имелось мастичное клеймо мастера, заключенное в прямоугольник: «Фото В. Квасова».

Пытаясь установить личность хотя бы одного из казненных, Кураков с благословения настоятеля обратился в епархиальный отдел по работе с казачеством. Сотрудники его связались с Новойдарской, и вскоре Владислав выехал туда на автобусе. Атаман тамошнего казачьего общества — дорожный мужчина с погонами есаула — привел дьякона к старейшему из жителей станицы. Владислав предъявил иссохшему древнему деду улучшенный фотошоп-снимок.

Долгожитель нацепил очки, подслеповато прищурился.

— Да это же... Это Дмитрий Забазнов, друг детства мой, и с родителями, перед тем как отцу его на империалистическую отправляться. Говорили, приезжал он, кажись, в шестнадцатом в отпуск. Уже в чине подьесаула, с двумя «георгиями». А потом без следа сгинул. Ну, я о ту пору мал был, сам его не помню. Вот фотография у тетки Настасьи точь-в-точь такая же под образами в рамочке висела. Упокоились они давно — и мать дружка моего, и он сам. С отечественной-то с большими легкими вернулся. Все кашлял, кровью харкал, потом исходил и едва за полста лет перевалил. Еле успел послевоенную дочку в техникуме выучить. Она сама, как на пенсию вышла, сразу к сыну в область и перебралась...

Дед взглянул еще раз на снимок, совсем по-детски шмыгнув носом.

— Чую, свидимся мы скоро, вышло и мое времечко. Эхх! Как и не жил...

Спустя несколько дней Кураков принимал в храме гостей: интересную пожилую женщину с прической а-ля Маргарет Тэтчер и розовощекого полнеющего мужчину лет тридцати.

Возложив на казачью могилу охапку редких черных калл, таинственных и элегантных, потомки подьесаула отстояли панихиду, поставили заупокойные свечи, пожертвовали храму круглую сумму. И всё душевно благодарили дьякона за разгадку тайны их рода и обретение могилы предка.

А имя павшего за Россию его сослуживца так и осталось неизвестным...

Кому-то из диаконов счастливится подняться рангом выше и стать священником чуть ли не на следующий день после первого рукоположения, а кому-то предстоит надолго задержаться на уровне низшего духовного сана. На всё воля Божия. Ну и людская тоже.

Когда-то, в самом начале приснопамятной перестройки, несколько прихожан обратились к отцу Владислава: а не согласится ли батюшка баллотироваться депутатом в районный орган местного самоуправления, так сказать, самовыдвиженцем? Паства же, мол, и поддержит, и разрекламирует. Тогда протоиерей — скажем так, не очень продуманно — письменно испросил разрешения на это чуждое действо у каждого из постоянных членов Святейшего Синода.

Официального ответа ни от кого из них он не получил, но этот вопрос на заседании Синода разбирался, и в итоге священника едва не лишили сана (с перевесом в его пользу лишь в два голоса). Посчитали, что гордыня обуяла, раз в мирские дела ввязаться восхотел. А чтобы впредь всяк сверчок знал свой шесток, покарали, услав в далекий райцентр, в маломощный и скудный приход.

«Сын за отца не отвечает», — сказал еще до войны, на совещании передовых комбайнеров, товарищ Сталин, и эту знаменитую фразу немедленно и широко растиражировали советские газеты. Но последовавшие репрессии, увы, ее не подтвердили: в серпастом обществе ответ за родителя держать приходилось практически всегда. А священнослужителям — пусть даже и высокого сана — ничто общечеловеческое не чуждо. Вот потому-то, когда, не единожды за многие лета, на епархиальном уровне обсуждался вопрос рукоположения диакона Владислава, кто-то обязательно вспоминал: «Это ведь у него отца за малым не расстригли?»

И — общее резюме: «Пока подождем-с...»

К слову: хотя всякое сравнение и хромает, однако подобное поведение служителей культа отчасти походило на детскую склонность переносить личную неприязнь к какому-то учителю на его предмет.

«Всякая власть от Бога». Знаменитейшие слова апостола Павла. Библейская аксиома. Так что неупустительно исполнявшему свои, согласно сану, обязанности диакону оставалось только смиряться и терпеливо ждать... ждать... ждать...

«Летят года неуловимо, куда-то быстро вдаль спешат, торопят нас не удержи́мо законы Божии познать...» Отец Владислав даже и не помнил, где и когда прочел он эти бесхитростные строки, глубоко врезавшиеся в память. А года действительно летели... И вот уже минуло более двадцати лет церковной службы, близилась дата серебряной свадьбы — «окольцевался» Кураков, еще будучи семинаристом, — и дочь, окончив вуз, невестилась, а младшенькие, мальчишки-близнецы, доросли до старшеклассников, постаревший же отец теперь часто прихварывал. Сам склонный к полноте, служитель подобрел, широкоскулое лицо его совсем округлилось, а вдоль развитого лба обозначились короткие морщины. Появились и вертикальные складки — над основанием крупного, с маленькой горбинкой носа — симптом зарождающейся аритмии сердца: у матери Владислава они после инфаркта были выражены особенно сильно.

К этому времени засидевшийся в диаконах человек устал безропотно ожидать рукоположения, и его матовые глаза минорно взирали на белый свет. Нет, бунтовать он вовсе не собирался. Он просто устал...

И вдруг — исполнение давней, еще детской мечты, с которой человек с дошкольных лет следовал по жизни, произошло не во сне, а наяву!

Хотя, конечно, «вдруг» — сказано неточно: этому предшествовала беседа с архиереем, объявившим Куракову об избрании его для хиротонии, затем

«ставленническая исповедь» у духовника духовенства, в заключение которой отец Владислав смиренно просил о даровании ему непорочного священства, последующее говение...

Августовским воскресным днем, на литургии святого Иоанна Златоуста, церемония рукоположения, внушительная и торжественная, наконец содеялась.

«Аксиус!» (с греческого: «достойн») — произнес в завершение ее архиерей, а преклонивший колени теперь уже бывший дьякон ощутил прикосновение благословляющей его десницы и под торжественное пение хора, трижды повторившего это восклицание, получил из рук владыки атрибуты служения священника: епитрахиль¹, пояс, фелонь², наперсный крест и Служебник³, отныне став иереем. Трепетно и с непередаваемыми словами чувствами поцеловал он каждый из этих символических предметов и невольно прослезился. Совершилось!

По окончании таинства не обошлось, конечно, без традиционного в таких случаях основательного застолья.

Впрочем, всё это было вчера. А сегодня утром новоявленный батюшка — пока еще в гражданском облачении — сошел с маршрутки и без четверти десяти шагнул на столь знакомый церковный двор. Перед центральным входом в храм привычно осенил себя крестом и прошествовал в отведенную ему келью, располагавшуюся в отдельно стоящем здании хозяйственных построек.

Там вновь перекрестился: теперь на иконы, двумя рядами висевшие на дальней стене довольно просторной комнаты на три небольших окна, облачился в песочный подрясник и черные туфли и взглянул на часы — близилось время приема прихожан и других лиц. Попутно отец Владислав отметил: хотя отныне обязанности его стали иными, чего-то особенного, подспудно ожидаемого им в первый день своей службы Господу в новой ипостаси, вовсе не происходило.

Но, собственно говоря, а что именно следовало бы ожидать?

Ранее Куракову в подобных приемах напрямую участвовать не приходилось: не диаконовский это ранг. Вот молча слушать, как первый его настоятель ведет беседы с людьми, мудрости набираться да стараться таковую перенимать — это, конечно, куда легче. А тут — за всё и вся в ответе сам. Поэтому и волновался иерей: а вдруг да с каким необычным вопросом обратится

---

¹ Епитрахиль — длинная раздвоенная лента, огибающая шею священника и соединенными концами спускающаяся на грудь.

² Фелонь — длинное широкое одеяние священника без рукавов, с отверстием для головы, вырезками спереди для рук и украшенное крестами (крестчатая риза). Своим видом напоминает ту багряницу, в которую был облечен надругавшимися над ним воинами страждущий Спаситель.

³ Служебник — книга, содержащая основные богослужебные тексты, произносимые священником, и непреременный атрибут для совершения литургии.

кто-либо? Впрочем, на крайний случай всегда можно посоветоваться с опытным батюшкой — именно он сегодня по графику был дежурным священником в храме и вел богослужения.

Но никаких сюрпризов нынешний день пока не обещал. Прихожане испрашивали благословения на рождение отрока (ребенка) или на сдачу вступительных экзаменов в вуз, кто-то желал освятить квартиру, другой — икону, договаривались по времени о крестинах младенца, а пожилая супружеская пара наконец-то надумала венчаться. Однако вот и трагический случай: «Батюшка, у меня сын двадцатилетний разбился на машине, сейчас в реанимации в тяжелейшем состоянии. Умоляю: научите, что делать дальше?»

И каждому надлежало разъяснить, дать совет, успокоить...

Когда все просители наконец разошлись, отец Владислав вышел на церковный двор проветриться и обозреть, всё ли на храмовой территории в надлежащем порядке. Вскоре ноги привели его в маленький садик, в глубине которого располагались пять сохранившихся вековых могил и казачья, недавняя.

На одном из старых захоронений высился исполненный в неординарном, масонском стиле гранитный памятник в виде толстого ствола дерева с двумя отпиленными по бокам суками. Венчался он четырехконечным, из того же вечного камня, крестом. На срезах суков выбиты надписи: «Спаси, Господи, душу раба твоего» и «Мир праху твоему», а в центре ствола — вырубленная ниша со стеклянной, в металлической рамке дверкой: под лампадку. Под нишей же красовалась ритуальная и опять-таки сработанная из гранита табличка, внешне походившая на старинную грамоту со слегка заворачивающимися краями. Текст на ней гласил: «Здесь покоится прах коллежского асессора И.А. Кафтановского, скончавшагося 25 апреля 1890 на 51 году».

— Здравствуйте, батюшка...

Отец Владислав повернулся влево: перед ним стоял маленький тощенький мужчина неопределенного возраста: то ли тридцать, то ли за сорок. Смущало сильно морщинистое и осунувшееся, плохо выбритое лицо. Но седина, даже на висках, вовсе не проглядывала. Серая рубаха, похоже, специально наполовину расстегнута, чтобы на хилой, но выпяченной груди хорошо был виден простенький нательный крестик. Очередной прихожанин? И следом мелькнула мысль: вот именно таких невзрачных мелкотравчатых мужичков на Руси издавна прозывали фуфлыгами.

— Здравствуй.

— Можно ли к вам обратиться?

— Обращайся, пожалуйста.

— Помогите, батюшка, чем можете, материально. Жена очень больная, после сильного инфаркта почти не ходит, только, пардон, до горшка. На лекарства бы...

Обычно священники денег прихожанам не дают, а советуют молиться, и Бог, мол, тебе поможет. Но сегодня иерей без раздумий решил сделать исключение: ведь послезавтра исполнялось двадцать пять лет со дня кончины его матери, слишком рано ушедшей в лучший мир, и от той же самой «летально-ноисходчивой» сердечной болезни, которой хворала жена просителя.

Отец Владислав молча достал бумажник и вынул из него единственную тысячную, оставив лишь три или четыре медно-стальных десятирублевика — чисто на проезд. Нет, дома-то еще деньги наличествовали. Но именно на эту имеющуюся при себе «штуку» Кураков сегодня вечером рассчитывал приобрести колбасы-ветчины-сыра-селедки на поминки.

«Ладно, как-нибудь обойдемся. На благое дело ведь. Такой же страдалице, как и матушка была. А продукты... Что ж, в конце концов, еще завтра день будет, успеем закупиться», — подумал он.

— Спаси Господи, батюшка, за вашу доброту и помощь, — жадно цапнул крупную купюру тощенький. — Благословите на покупку лекарств.

— Бог благословит, — отвечал иерей, и даже обещание-то не стал брать, что не на предосудительные дела благоподаяние употребится.

Проситель быстренько упрятал деньги во внутренний карман пиджака, для надежности еще и застегнув его на булавку. И вдруг, сверх всякого чаяния, произнес, указуя на гранитное «суковатое» надгробие:

— Батюшка, а ведь здесь мой родственник лежит.

— Откуда ведомо?

— У меня прабабка почти век протянула — и чудное дело: все на своих ногах, — так уверяла, что это дед ее был. Только не родной, а двоюродный, родному-то он почти в отцы годился. Совсем пацаном меня сюда в церковь приводила и могилку предъявляла. Я это «дерево недеревянное» с «закидонами», — кивнул тощенький на монумент, — по его кошмарности враз упомянул... — и неожиданно подытожил: — А прабабка до чего набожна была — прямо страсть!

— Уважения достойно, — заключил отец Владислав, изумившись: надо же, насколько тесен оказался мир поднебесный! Насчет «недеревянного дерева» и «кошмарности» он выговаривать не стал, памятуя, что горбатого могила исправит.

Удовлетворенный проситель для приличия потоптался еще с полминуты.

— Ну, я пойду?

— Иди с миром...

Тощенький скорым шагом удалился. А священник вновь воззрился на столь необычной формы памятник.

«Видать, не из бедных покойный-то был, коль ему на этакую вычурность расстарались, — подумалось иерею. — Интересно, коллежский асессор — это высокий считался чин? Надо бы в Интернете глянуть... Полвека жизни... Немного, однако, он намерил. Удалось ли детей переженить? А, собственно,

были они у него? Одному Господу нынче ведомо... И сколь нагрешить успел и успел ли исповедоваться... Эх, жизнь наша скоротечная! Зато гранит второй век незыблем стоит. Но тоже: от всеобщего кладбищенского порушения лишь чудом уцелел...»

Кураков повернулся к соседствующей казачьей могиле: на деревянном кресте её теперь была установлена пластиковая, с окантовкой табличка серебряного оттенка и с черным текстом: «Подъесаул войска Донского Забазнов Платон Акимович. 1889 — 19??» и ниже: «Сотник войска Донского. Фамилия неизвестна».

«Обидно: так второй офицер безымянным и лежит, — оформилась у отца Владислава новая мысль. — Тут атаман ничем не помог: видать, этот убиенный из другой станицы был родом. А из какой — опять только Господу известно. Но хотя бы останки теперь в земле покоятся, родственники же подъесаула уход за последним пристанищем воинов блюдут. Вот совсем недавно опять каллы на могилу возлагали, панихиду заказывали».

Тут к размышляющему о телесной брэнности и долговечности монументов подошла пожилая свечница, которая лет десять уж как работала в церкви.

— Батюшка, извиняюсь, у вас спросить можно?

— Спрашивай.

— Вот к вам сейчас мужчина такой мелковатый подходил. Он денег просил?

— Да.

— И вы дали?

— Да.

— Ох, не на доброе дело он их у вас выцганил.

— «*Не судите, да не судимы будете*». Он для больной жены, на лекарства.

— Батюшка, да он сроду никогда женат не был! Я ж его как облупленного знаю! По соседству живет. Бездельник и горький пьяница, креста на нем нет!

— Так имелся ведь.

— Значит, для блезиру нацепил. Он в церковь-то и носу никогда не кажет! А тут — сподобился. Видать, узнал откуда-то про ваше рукоположение и момент выигрышный подгадал. В свою пользу. Ну а когда со двора-то поспешал, увидел меня у ворот, приостановился да и заявляет: мол, батюшка-то новый ваш сильно верующий оказался. Я ему: «Окстись, охальник, а каким же ему еще быть?» А этот алкоголик ухмыляется и ответно: «Да я в том плане, что всякому встречному-поперечному сразу-то верить не след». И помчался — небось до ближайшего гастронома, побыстрее зенки залить.

— Что ж... Бог ему судья, — только и вымолвил священник, разом ощутивший душевный дискомфорт: ведь на чем удалось сыграть грешнику! На святом, на памяти о самом близком и родном человеке!

...Спустя двое суток, аккурат в день поминовения матери, свечница с утра вновь подошла к отцу Владиславу.

— Батюшка, можно обратиться?

— Пожалуйста.

— Помните, у вас позавчера мой сосед неблагополучный денег выпросил?

— Помню, конечно, — поморщился иерей: придумала же баба опять на большую мозоль наступить! И к чему?

— Ну так вот: не пошли они ему на пользу. Он в тот же день какой-то дрянни паленой опился и к ночи помер. Сегодня похороны.

— Да-а-а, — поразился отец Владислав. — Надо же, насколько быстро его Божий гнев настиг. Господь ведь всё видит и никогда не бывает поруган.

Про себя же он подумал, что поскольку не признающих Бога и Он не может спасти, а в их числе и опочившего, то пусть останется это на Его воле. Другое дело, что дающий не во благо грех берущего разделяет. Посему помолиться за новопреставленного, в гибели которого, сам того не желая, оказался повинен, в любом случае необходимо. И хотя не дано понять, за что именно столь тяжко наказан, а с этим трагичным уроком как-то и дальше по жизни идти надобно.

Алексей КУПРИЯНОВ

**В БОРАХ,
ОЗЁРАХ
И ДУБРАВАХ...**

Стихи

СОНЕТ

Высоты в жарах.
Знахарей-шмелей
гудок полдневный.
Коршуновы бденья.
Муравным склоном, с жертвой, на раденье
Взбираюсь, волхв дубрав, холмов, полей.

Алатырь-камень, там, где травы ближе
к небесным ветрам,
где желанней вздох...
К нему! Пока в полях не стало тише,
Пока боров-дубрав разброд не плох.

Плесну хранящим зарево напитком
по маковке холма.
Раскрою свиток
и начертаю пять заветных рун:

«Восстань, гряди, союз дождей и зноя!»
И даст добро повременить с войною
Суровый несговорчивый Перун.

ОТБОЯЛАСЬ

Снизошёл на дворы и небо
грозовой ураганный мрак.
Острым краем ветлы расщепя
прободило избе чердак.

Уж не видящим оком окон
робко выдавила слезу...
Бьются ветры, грозятся громы.
Вопли во поле, стон в лесу.

Отбоялась.
Уже не смутят
душу призраки непогод.
Достоять до ста лет (эх, ну ты!)
оставался от силы год.
Оставалось от силы лето
нас донянчить и дотерпеть.
Завтра ясного солнца света
её окнам не рассмотреть.

...Ты уедешь,
не наигравшись
вволю
цветом медвяных трав.
Опустеют луга и чащи.
Потускнеют огни дубрав.

Буду нервно бродить вдоль дола
(не до песен и ворожбы!),
вдоль ползущего в бор угора,
мимо канувшей в хлам избы.

ПРОЗРАЧНЕЙ ОЗЁР..

Не дальней тайгой, не вдоль Карского моря
Иду с невеликой заплечной сумою...
По вздыбленным на междуречьях лесам!
По их необжитым суглинкам-подзолам.
Ищу хоронящиеся в них озёра,
Упрямо внимая воды голосам.

Покуда в ключах меж сосновых окраин
Соблюл неприметный озёрный хозяин
Капризных форелей заветный табун;
Пока плёсы долги и лезут в лощины;
Пока не затянуты окна сплавиной;
Пока не родился коварный зыбун —
Брожу по распадкам бугров и в долинах...

Дотошно и долго смотрюсь в седловины.
В их светлое око смотрюсь. Стерегу.
И верую: есть за холмом позабытым
Заветная тройка очей нераскрытых
И пара в затерянном в дебрях лугу.

Прозрачные очи сторонки былинной,
Вам многие лета и долгие зимы!
Да плещут вам полдни и светит заря!..

Озёра — как горы: и манят, и строги.
Прозрачней озёр разве только озёра.
И буйней озёр — разве только моря.

ТАРХАНСКИЙ ВАЛЬС

В стены строгого тёрна, в чащи яблонь шершавых
позапрошлого века,
В близцветущую рожь,
в тополя над прудами, в буйный цвет склонов жарких,
в сны старушки-дубравы
окунаюсь, как в дождь.

Нынче знойно не в меру над тарханской поляной.
Чуть печалются травы, и немного марит.
Быть грозе.
Ну и что же? На сей раз мудрый славный
вяз
не рухнет под ветром;
ничего не сгорит.

Оттремит, отгрохочет. Дождь умчится к востоку.
День с утроенной силой обоймёт всё окрест.
Заиграют под солнцем крыши, кроны, дороги,
плёсы тихонькой речки и над маковкой крест.

Вновь исполнится площадь перед храмом поэта
вереницами верных зову пламенных строк.
Вновь исполнятся тропы в благодатное лето,
за околицу сада, за осоковый лог.

Здравствуй, Долгая роща! Здравствуй, милая роща,
пережившая время изобилий и бед...

Что-то шепчет бродяга с рюкзаком и в штормовке
пред останками древа, что садил сам поэт.

Будут новые грозы.
Да щадят они славу,
что явил миру русский девятнадцатый век!
Да не лягут под штормом нивы, сад и дубравы.
В меру бурь-испытаний.
В меру ласки и нег.

* * *

В пору ягодных прорв
Наша пустынь красна и утла,
То угрюма, то весела.
Я пойду по ягоду клюкву
За десяток вёрст от села,
Лишь найдёт прохладный багрянец
На листву и отаву пойм...

Но и летом едва ль не ранец
Костяники за час-другой!
Не сказать, мол, щедры — не плохи
Урожаи, что лес распростёр.
В меру пряной-пьяной черёмухи
Над рекой, за шатром шатёр.

Лишь одно смущало немножко
Мой покой в пору ягодных прорв:
Почему не цветёт морошка
На болотах Сурских боров?

Эх, по локоть в ягоде дикой,
В сизом соке обе руки!..
До чего хороши с черникой
бабы Лизины пироги!
И полян земляничных ветрам —
Не иссякнуть! Хоть нам рекли.
И брусничные километры —
Терпкий сахар строгой земли.

Наготове в сенцах лукошко.
По малину! В Радищев грот.
...Но опять не взойдёт морошка
Средь калужин Сурских болот.

Возвращусь на пороге ночи.
Не пустой всё ж, не без даров...
Отдых дам исстёганной плоти.
Поутру не совсем здоров
Вторгнусь снова в просеки-стёжки.
Пропаду до закатных часов.
Но, хоть плачь, не найду морошки
На болотах моих лесов.

ПРОХЛАДА В СЕРДЦЕ ЛЕТА

Мой город на равнине,
Меж песчаных
Холмов
И рощиц редких, невысоких.
Изведавшему виды гостю странны
Мои по скромным зрелищам восторги.

Мне снилось:
Над холмами, над простором
Восстал утёс — высокий и могутный;
С полночной стороны укрытый бором,
С полдневной — всё алмазы да корунды...

Он вздохом кедров, елей и гранитов
Изъял от нас невзгоды и обиды,
Дыхнул прохладой, прямо в сердце лета.
Он тронул и утешил наши мощи,
Он осиял и улицы, и рощи
Невиданным доселе самоцветом!

ПОХВАЛА ЧЕТЫРЁХГЛАЗОМУ

«Чтоб дух твой не извергся через рану,
Успей заткнуть её мхом иль травой!» —
Хранит хунхуз¹ закон старинный, странный,
Спеша в тайгу на промысел-разбой.

«Женьшень, лутай², медвежья лапа, панты,
«Струя» и желчь — всё выйдет золотым!

---

¹ «Хунхуз», кор., кит. — «бандит», «браконьер».

² Лутай, кит. «Лу тай» — «эмбрион самки пятнистого оленя». Высоко ценится на черном рынке Юго-Восточной Азии как лекарственное средство. Клинически его «панacea», видимо, не доказана, как и «всесильность» рога носорога.

А плоть забитых дотерзает амба!³
А грех развеют вёрсты, ветры, дым»...

Не вышло!! За искромсанные жилы
Тайги,
За битый, стонущий в бессилье
Кедровник,
За поруганный женшень,
За братьев-удэге в болячках-язвах
Вступился Нэнунни-Четырёхглазый⁴.
Хунхуз наказан.
Нэнунни — блажен!

КУЛИК И РУСАЛКА

Не отпускает, дразнит, водит
дней знойных блажь.
Над плёсом ржавого болота —
никак, мираж?!
...Слепит лазурный блеск,
И плещет,
Поёт прибор.
И горизонт — далёкий, вечный
И голубой.
И гибкий стан русоволосой
глубин морских
Прекрасной девы.
Не тверёз я,
Должно, с тоски?..
Мираж и есть!..

...Но льются речи
под моря песнь:
— Зуёк мой! Знаю, мною бредишь.
Исчахнешь весь.
Истлеешь, коль не буду рядом.
И потому
Иду к тебе сама!..
Уж я-то
не потону!

---

³ «Амба» — на языках народов Дальнего Востока «тигр».

⁴ Стихотворение посвящено Юрию Янковскому, которого корейцы прозвали за храбрость и снайперское мастерство Четырёхглазым (Нэнунни). Его сын Валерий Янковский впоследствии стал известным в России писателем, мастером жанра «охотничьи приключения».

— Смешная, добрая... Но как там —
где нет воды?

— Я обернусь лиловой чайкой
(знать должен ты).

А ты — псалми лугам!..

Болота —
не покидай!..

Я возлюблю твой тихий омут,
твой хмурый край.

ЛОДКА

Всё те же ивы в сырых лугах.
И небо сине, и омут тёмный,
и ключ прозрачен.

Лес, берега...

Бросает песнью — что сыплет зёрна
из наднебесья на берега
полдnevный пташек,
живой, игривый.

...Ты помнишь, лодку несла река
неторопливо?
Неторопливо.

Был пьян от лета, от счастья бодр
я, твой возникший, слуга покорный.

...Хоть нашей речки и мал простор,
Чтоб шквалом ветер да валом волны, —
смотри! Да в оба! Не прободи
дно старой лодки о хлам подводный.

...Нас, ранних, юных, тогда в пути
Соблюл Всевышний от бед-препонов.

Я только правил да подгребал —
несло течение, само течение
Несло. Я силы приберегал
на возвращенье, для возвращенья.

Ты ж говорила о городах,
что там, в далёких степных низовьях.

Я был несведущ в твоих трудах,
с тобой не спорил, совсем не спорил.
К чему полемик сучки-дрова
в такой, желанной, от вётел тени?!

...Ещё немного, и нам пора —
назад, к верховьям! Назад — в деревню!..

Ого! Как гневно твои глаза
в тот миг сверкнули!
А всё ж прекрасно
и дивно было всё, что уста
твои
вещали в тот полдень ясный.

Как это было давно... Река
И нервный призрак разлуки горькой.
Разлуки вечной...
Больны луга...
Нет больше лодки. Разбилась лодка.

ЛЕСНЫЕ ВОЛХВЫ

Зверькам, псалмившим Солнцу, пташкам —
в ночные гайна. На покой.
Над мглой поляны поздний вальдшнеп
трубит отбой.

Вот вкралась тьма в лесные недра.
Из сгустков мрака жуткий крик.
И стынет всё...
Но верь, что это —
всего лишь миг!

Умолкнут филины, едва лишь
глухарь, чащоб наследный волхв,
раскроет тайные скрижали
волхвов отцов.

И — забормочет, заиграет!..
И Хорс испустит песнь-привет
земле апрельской.
Мрак истаёт.
Да будет свет!

Николай МАХОНИН

СЛОВО ДРУГУ

Стихи

* * *

Всё начиналось с крутых дорог,
И завершится всё дорогой...
Страна, с винтовкой котелок
Вручая мне, сказала: «Трогай».

И я по прихоти судьбы
Шагал вперед неумоимо.
Как телеграфные столбы,
Мелькали годы в клубах дыма.

Вот ветер странствий приутих.
Но на душе живёт тревога:
А с чем приду я для других,
Когда окончится дорога?

Я с неба звёзд не доставал
И не тонул в угаре пьяном,
Я лишь с натуры рисовал
Лицо России крупным планом.

И всё ж, взойдя на перевал,
Солдатской чести не нарушил.
Я буду рад, что согрел
Своим стихом людские души.

СРЕДИ БЕРЁЗ

Видно, это больше, чем привычка, —
Навещать знакомые края.

Снова я у чёрта на куличках.
А кулички — родина моя.

Здесь, в гостях, уютнее, чем дома,
Ждёт всегда гостеприимный двор.
Пахнет огородом и соломой,
А под вечер — с рощей разговор.

Пусть не наделён я красноречьем
(В мир шагнул я прямо от сохи),
Я берёзам на лесном наречье
Прочитаю новые стихи.

Среди них я снова будто в храме.
Долго ждал я часа своего.
В этот час на свете между нами
Кроме Бога больше никого.

Проникаясь важностью момента,
Ветками берёзки шелестят.
На меня, как шум аплодисментов,
Листья пожелтевшие летят.

А ЖУРАВЛИ ЛЕТЯТ

Ночь так тиха...
Глаза на миг закрою...
Опять над лесом вижу журавлей.
А птица-память вьётся надо мною,
Роняя перья пролетевших дней.

В моём лесу теперь светло и грустно,
Лишь листья, опадая, шелестят.
Пейзаж по-левитановски искусно
Рисует ночь...
А журавли летят.

Летят. Им так завещано от Бога.
Летят туда, где не бывает зим.
Как нелегка, длинна туда дорога,
По-настоящему известно только им.

И всё ж летят. Ночами и в ненастье.
Приободряя криком сыновей.

И не в отлётах видят они счастье,
А в новых встречах с родиной своей.

Там, где берёт своё начало
Приток Суры от родника,
Позаросла и заскучала
Осиротевшая река.

И все безлюдней год от года
Край обитанья глухарей.
И ни мостка, ни перехода
На берег юности моей.

Всё, даже детская беспечность,
На том осталось берегу.
Близка черта: здесь — жизнь, там — вечность,
И мы у вечности в долгу

За то, что есть на этом свете
Поля, леса и родники
И листья шепчутся, как дети,
С восходом солнца у реки.

Всё чаще при осенней дрожи
Я начинаю понимать:
К закату родина дороже
И пишется со словом «Мать».

СЛОВО ДРУГУ

Ну, что сказать тебе, мой друг?
Попали в разные мы страны.
По нашей дружбе ржавый плуг
Пустить собрались «атаманы».

Святую Русь напополам
Они кривую бороздою
Рассечь решили, чтобы нам
Расстаться с истиной простою

О том, что мы — один народ,
С единым горем и судьбою,
Что, разделив российский флот,
Сильней не станем мы с тобою.

Скажи мне, друг, а как нам быть,
Когда державные «светилы»,
Войдя во вкус, начнут делить
Святые братские могилы?

А там в обнимку полегли
И под Москвой, и на Волыни
Отборный щит родной земли —
Сыны Руси и Украины.

И как разделишь их? Они
Переплелись навек корнями.
Слова у всех были одни:
«Ребята, не Москва ль за нами?»

Сухарь последний и табак
Между собой они делили.
Но чтобы родину вот так!..
С ума мы, видно, посходили.

В ТИШИНЕ АЛЕКСАНДРОВСКОГО САДА

Там, где Вечный огонь
Тишину согревает,
Ночью бронзовый конь
По аллеям шагает.

Вспоминая свой путь
И российские беды,
Дал коню отдохнуть
Бравый маршал Победы.

Помнят маршал и конь
Все былые сраженья,
И тоску под гармонь,
И триумф, и забвенья.

Помнит он, как в огне
Закалялась Держава,
Как упала в цене
Им добытая слава.

Помнит цену утрат
И, конечно же, знает:

Неизвестных солдат
На войне не бывает.

Спят они вечным сном
С сорок первого года.
А под Вечным огнем —
Символ скорби народа.

УСЛЫШЬ, РОССИЯ

Довольно кривляться, Россия,
Гримасами мир не смеши.
Ведь ты и умна, и красива
Открытостью русской души.

Куда ж без упряжки несутся
В испуге твои рысаки?
А там, на ухабах, трясутся,
Вожжей не сдержав, седоки.

Для тройки лихой не пора ли
Других подобрать седоков?
Чтоб чести твоей не марали,
Отправь на покой дураков.

Запасы подземных сокровищ
От новых воров береги.
Нельзя, чтоб за этих чудовищ
Потомки платили долги.

Не делай калек и бездомных,
Зачем тебе столько сирот?
Гони «мудрецов» вероломных,
Спаси и помилуй народ.

От гор Теберды до Тунгуски
Свой суд сгоряча не верши
И матерью будь всем нерусским
С открытостью русской души.

Виктор К. ЛАДОВ

ВОЙНА И ХЛЕБ: ТАЙНЫ СЕЛИКСЕНСКОГО ГАРНИЗОНА

Осенью 1941 г. на территории, прилегающей к железнодорожной станции Селикса, что под Пензой, была сформирована 37-я запасная стрелковая бригада (с 1944 г. — дивизия). Прибывающие из разных уголков страны новобранцы проходили здесь ускоренную боевую подготовку и отправлялись на фронт в составе маршевых команд и новых воинских частей. За период Великой Отечественной войны данное соединение отправило на фронт свыше 400 тыс. обученных бойцов^[1].

Одной из главных проблем военного руководства 37 ЗСБ было обеспечение солдат продовольствием согласно нормам красноармейского пайка. К сожалению, далеко не всегда эта задача выполнялась успешно и в срок. Народная память донесла до нас воспоминания очевидцев, рисующие страшную картину голода и массовой смертности в Селиксенском гарнизоне. Возникает закономерный вопрос: что явилось причиной хронического недоедания бойцов?

Ответственность за случившееся традиционно принято возлагать на командование бригады. Основой данного подхода стала публикация Г.П. Тамбовцева и В.Г. Волкова, в которой авторы заявили: «Командование селиксенских частей на протяжении временного отрезка с осени 1941 г. по конец зимы 1941 — 1942 годов занималось растранижением и разворовыванием имущества и денежного довольствия своих частей. Пользуясь полной бесконтрольностью со стороны местной гражданской администрации и бесправием молодого пополнения, ответственные за беззакония и нарушение присяги лица присваивали дорогостоящие продукты»^[2]. Но в указанной работе пензенских краеведов были выделены и другие, не менее серьезные причины описываемых событий: территориальная удаленность лагерей, слабая инфраструктура и т. д.^[3]

В основу тезиса о преступных действиях командования 37 ЗСБ были положены воспоминания ряда очевидцев. Например, житель пристанционного поселка В.П. Охин указывал на то, что «офицеры... распродавали из-под полы продукты, пользуясь смутным временем»^[4]. Но далеко не все свидетели едины в оценке действий местных военачальников. Большинство из них подтверждает наличие голода в частях гарнизона, но указывает на иные причины его распространения.

Медсестра полкового стационара Н.С. Лобанова сформулировала их наиболее ясно: «Это все ложь, что воровали. Продуктов в Селиксу поступало до такой степени мало, что воруй не воруй, а голод все равно был бы. Народу в дивизии было много. Продуктов — мало. Вот в чем причина. Это не командование дивизии виновато, а те, кто стоял выше, кто отвечал за поставки продовольствия и транспорт. А командование дивизии сделали крайним»^[5].

Формирование бригады происходило ускоренными темпами и в крайне сложных условиях. Действующая армия нуждалась в подготовленных резервах, поэтому количество прибывающих для военного обучения новобранцев значительно превышало штатную численность подразделений. В донесении о боевом составе 29-го запасного арtpолка от 30 сентября 1941 г. указано, что «по штату в нем предусмотрено 2954 военнослужащих, а по списку числится 3437 человек»^[6]. Понятно, что интендантам воинских частей было крайне сложно обеспечить личный состав продовольственным пайком, который очень часто выписывался исходя из штатной численности подразделений, а не по факту наличия в них бойцов. К тому же поступавшие в бригаду продукты изначально было негде хранить. Из материалов обследования имущества, произведенного 11 сентября 1941 г., следует, что «на разгрузочной площадке вся мука промокла и превратилась в тесто»^[7]. Прибывающее на станцию продовольствие вынужденно складировалось под открытым небом, что в условиях распутицы неизбежно приводило к его быстрой порче.

С течением времени жизнь лагеря улучшалась, в бригаде появлялась необходимая инфраструктура. Силами красноармейцев были возведены овощехранилище и склады для хранения зерна, построены и утеплены кухонные очаги, сооружены хлебопекарни и столовые. Была налажена связь с тыловыми складами в г. Пензе, отработаны «деловые контакты» с местными жителями, появилось свое подсобное хозяйство. Казалось, что основные продовольственные трудности должны были остаться позади. Однако голод по-прежнему сопровождал новобранцев с момента их прибытия в часть и до отправки на фронт. Суровые условия проживания в совокупности с тяжелыми физическими нагрузками и стрессами провоцировали обострение имеющихся хронических болезней, а также распространение дистрофии. Общее ослабление организма, наступавшее в условиях хронического недостатка питания, приводило к росту смертности. В пояснительной записке за IV квартал 1941 г. врач 103-го запасного стрелкового полка указывал на «резкое истощение организ-

ма» умерших бойцов^[8]. Мрачная слава об учебном лагере под Пензой разнеслась по всей стране.

В воспоминаниях участника Великой Отечественной войны В.И. Попова приведен характерный разговор бойцов, состоявшийся по пути на фронт: «В госпитале и в поезде мы немало рассказов наслушались о порядках в запасных полках. Занятия от зари до зари. Кормежка — ноги вытянешь. Не знаю, как этот, смоленский, — говорил сержант Иткин, — а вот о запасном в Селиксе под Пензой я наслушался. Туда, говорят, сам Ворошилов приезжал порядок наводить. Командира, некоторых его заместителей, голодом моривших солдат, по его приказу расстреляли»^[9].

На фронте солдаты рассказывали не менее страшные истории о жизни в запасной бригаде. Один из ветеранов вспоминал: «Попал я в лагерь, в запасной полк. Есть такое местечко — Селикса называется: там был очень большой военный городок. И в нем нам пришлось сильно голодать. Те, у кого жили рядом родственники, еще как-то держались, а я вообще превратился в голодного дистрофика. Дело доходило до того, что, когда офицеры ужинали, я ходил и собирал головы от селедок, продал всю верхнюю гражданскую одежду! Однажды врачи сказали, что жить мне осталось не больше двух недель... Прежде чем отправиться на фронт, мы должны были пройти медицинскую комиссию. Когда я разделся и предстал перед комиссией, врачи просто ужаснулись: такой я был худой. Поэтому сразу на фронт меня не отправили. Я оказался в роте оголодавших с такими же, как я, и там нас откармливали месяца полтора»^[10].

Архивные документы свидетельствуют о крайне неблагоприятной ситуации в области снабжения бригады продовольствием. Степень остроты продовольственной проблемы, сложившейся в 37 ЗСБ осенью 1941 г., характеризует арест начальника продснабжения гарнизона. Согласно документам, капитан Д. ежедневно направлял закупщиков в г. Пензу и другие населенные пункты, а они возвращались обратно без продуктов, что в военное время было совершенно недопустимо^[11]. Несмотря на то что самым голодным для лагеря временем можно считать 1941 — 1942 гг., вопрос организации питания остро стоял на всем протяжении существования 37 ЗСБ. Это подтверждают материалы проверок гарнизона военным руководством. Так, 10 июня 1943 г. командир бригады подполковник Соловьев отмечал, что на протяжении многих недель в бригаде питаются одним пшеном, а на кухнях и в столовых нет даже овощей. В его же приказе от 16 декабря 1943 г. отмечено, что красноармейцы массово употребляют в пищу хлопковые жмыхи, что приводит к возникновению болезней. Комиссия Главупроформа, посетившая бригаду в феврале 1944 г., отмечала, что «супы готовятся очень жидкие. До 50% картофеля идет в расход. Блюда готовятся вкусные, но мало по количеству»^[12].

Более конкретными в своих формулировках были командиры воинских частей. В приказе от 18 марта 1944 г. командир 98-го запасного стрелкового

полка открыто заявлял о том, что из-за неудовлетворительной организации питания среди личного состава распространяется дистрофия^[13].

Предельно ясно выражали свое отношение к происходящему сами бойцы. Приведем наиболее типичные выдержки из цензурных донесений, цитируя-щих тексты солдатских писем:

«...Питание скверное, очень похудел, и здоровье стало ухудшаться...»;

«...Насчет питания очень плохо, варят суп из мерзлой капусты, сладкий, как мед. Я как покушаю, так начинает рвать...»;

«...Садись за стол — есть хочешь, из-за стола выйдешь — еще хуже есть хочешь. Теперь бы плохую тыкву и гнилой картофель, и то стал бы есть»;

«...Голодно сильно... От меня остались одни кости, ходить не могу»;

«...Все время очень хочется есть. Уже многие лежат на койках, опухли. Вы меня не узнаете, какой я плохой»;

«...Пойдешь в столовую — не дождешься, когда дадут крошку, а как дадут, два раза откусишь и ложки 4 хлебнешь — и все. И то был бы суп, а то одна водичка и мерзлые 1 — 2 картофелины...»^[14].

В чем же была главная причина жизни впроголодь? Конечно, вслед за очевидцами, велик соблазн указать на расхищение продуктов офицерами, и подобные факты действительно находят свое подтверждение в архивных документах.

В приказе командира 37 ЗСБ от 19 ноября 1942 г. отмечалось, что в 85-м запасном стрелковом полку «систематически недодаются продукты на кухню или не полностью закладываются в котел, имеют место случаи хищения продуктов на складе и в столовых».

В августе 1943 г. по приказанию политрука Р. начальником подсобного хозяйства сержантом О. было продано на рынке 100 кг картофеля и 45 кг огурцов за 2500 рублей, на которые были куплены часы для Р.

Расследование военной прокуратуры 37 ЗСБ показало, что майор Д. незаконно получил на продовольственном складе 30 кг свинины^[15].

Очевидно, что случаи хищений продовольствия не являлись редкостью в Селиксенском гарнизоне.

Однако простой арифметический подсчет показывает, что для организации питания запасной бригады численностью примерно в 20 тыс. человек ежедневно требовалось более 13 тонн хлеба, 2 тонны крупы, 1,5 тонны мяса и 2,4 тонны рыбы. С учетом столь значительного расхода продуктов размеры хищений, приведенные выше, представляются несущественными и, значит, не могут быть определяющим фактором голода среди новобранцев.

К тому же многие действия командования 37 ЗСБ, наоборот, были направлены на устранение негативных явлений в сфере продовольственного снабжения. Для профилактики различных хищений всем офицерам предписывалось «строжайше следить, чтобы продукты, положенные к отпуску на питание, полностью, до одного грамма, выдавались бойцам». Для исключения недоуеса все

имеющиеся веса требовалось проверить и проклеить. Хлеб и сахар предписывалось взвешивать только на малых (более точных) весах. Устанавливалось непрерывное дежурство в хлеборезках и на кухнях, а также строгий контроль за раздачей хлеба. В бригадном лазарете отпуск продуктов на кухню осуществлялся дважды в день: утром для дневного рациона и вечером для утреннего приема пищи. Даже вольнонаемному персоналу хлебный паек выдавался строго в определенное время — с 16.00 до 18.00. Для постоянного контроля за расходом продовольствия создавались ревизионные комиссии ^[16].

Делались попытки разнообразить солдатское меню с помощью включения в него дикорастущих трав, произраставших рядом с лагерем. Так, летом 1943 г. командующий гарнизоном отдал приказ «первое блюдо обеда не менее 3-х раз в неделю готовить из дикорастущей зелени: крапива, щавель, кислица и т. п., ежедневно во время обеда подавать на стол не менее 25-30 грамм на человека зеленого лука с подсобных хозяйств, дикорастущего лука, чеснока и щавеля». Приказом от 14 января 1944 г. частям бригады предписывалось «организовать под непосредственным контролем врачей по опыту прошлого года во всех частях производство настоев витамина С из хвои с расчетом выдачи его не менее 200 граммов в сутки на бойца ^[17].

Поварскому составу и заведующим столовыми рекомендовалось готовить пищу не только своевременно, но и вкусно, хорошего качества. Предписывалось развернуть между поварами соревнование на лучшее приготовление пищи, а отличившихся — награждать.

Однако, несмотря на предпринимаемые командованием усилия, даже в 1945 г. голод в селиксенских лагерях был вполне обычным явлением. В своих донесениях Военному Совету ПРИВО командир 37 ЗСД генерал-майор В.П. Брынзов отмечал, что калорийность пищи в подразделениях занижена. Интересно, что объяснялся этот факт следующим образом: «поставщики не соблюдают стандарт поставок Красной Армии. Особенно это касается овощей, круп; мясо зимой было ниже средней упитанности — истощенное, а также рыба, которая шла навалом; практиковалась замена жиров животных растительными, в силу чего со стороны бойцов имели место жалобы на малый объем пищи в завтрак и ужин. Этот недостаток можно устранить и довести калорийность до нормы, если прибавить на день 30 — 40 грамм круп» ^[18].

И все же, в чем заключалась истинная причина голода среди новобранцев запасных и учебных частей? Несомненно, главным фактором была малая пищевая ценность красноармейского продпайка.

В самом начале войны советским государством были потеряны крупные запасы продовольствия, оказавшиеся на оккупированных районах. За несколько месяцев ожесточенных боев страна лишилась половины от всех посевных площадей. Из западных областей не удалось вывезти свыше 70 процентов мобилизационных запасов. В 1942 г. валовой сбор зерна сократился по сравнению с 1940 г. с 95,6 млн до 29,6 млн тонн, картофеля — с 76,1 млн

до 23,6 млн тонн.^[19] Экономический кризис сделал реальной угрозой массового голода. Уже в июле 1941 г. была введена карточная система на продукты питания в Москве и Ленинграде. Немногим позже продуктовые карточки были введены на всей территории страны^[20]. Несмотря на то что главной задачей государства по-прежнему являлось обеспечение бесперебойного снабжения фронта, осенью 1941 г. были сокращены и нормы довольствия в армии.

Приказом НКО № 312 от 22 сентября 1941 г. для РККА были утверждены 4 категории довольствия и 14 продовольственных норм. Пищевая ценность новых пайков измерялась в пределах от 2528 до 4712 калорий. Красноармейцы запасных частей, не входившие в состав действующей армии, относились к третьей категории военнослужащих. Их суточный рацион варьировался в зависимости от времени года и формировался в основном из следующих компонентов: хлеб из ржаной и обойной муки — 650 — 750 г, крупа разная — 100 г, мясо — 75 г, рыба — 100 г, овощи — 920 г (из них картофель — 600 г), жиры — 40 г, сахар — 25 г, соль — 30 г^[21]. Набор продуктов по калорийности составлял 2880/2690 калорий — зимой и летом соответственно^[22].

Ситуацию с питанием несколько выправляла шефская помощь, оказываемая 37 ЗСБ пензенским колхозам. Так, с 28 сентября по 2 октября 1942 г. 5500 красноармейцев, сержантов и офицеров принимали участие в помощи колхозам и совхозам Пензенской области по уборке хлебов^[23]. За счет использования труда бойцов склады бригады пополнялись мясом и овощами, но привлеченных запасов продовольствия было недостаточно.

И в тылу, и на фронте армейское командование постоянно искало способы улучшить питание солдат. Однако энергетическая ценность норм питания военнослужащих не соответствовала объему и характеру нагрузки в запасных частях. Неудивительно, что в памяти многих ветеранов голодное время, проведенное в учебных лагерях, занимает едва ли не главное место, заслоня собой даже самые яркие воспоминания о фронтовых событиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Данные приведены за период с сентября 1941 г. по июль 1945 г. Подсчитано по: Центральный архив Министерства обороны РФ (далее ЦАМО). Ф. 37 ЗСД. Оп. 544695. Д. 1. Лл. 10 — 17.

2. Тамбовцев Г.П., Волков В.Г. Селиксенские лагеря РККА в годы Великой Отечественной войны // Записки краеведов. Сборник материалов. Вып. 1. П., 2003. С. 139.

3. Там же. С. 138.

4. Охин В.П. Воспоминания // Память сердца. Заречный. 2005. С. 50.

5. Малышев Е. Раскрывая секреты Селиксы // Улица Московская. 2008. 17 октября.

6. ЦАМО. Ф. 29 ЗАП. Оп. 1. Д. 5. Л. 49.

7. Там же. Ф. 37 ЗСД. Оп. 538313. Д. 2. Л. 1.

8. Там же. Оп. 432113. Д. 29. Л. 18.

9. <http://history.milportal.ru/2014/05/my-vzrosleli-v-boyax-ot-proni-do-nareva/> (Дата обращения: 01.02.2015).

10. <http://vcourse.ru/article/6536301/> (Дата обращения: 01.02.2015).
11. ЦАМО. Ф. 37 ЗСД. Оп. 538313. Д. 2. Л. 22.
12. Там же. Оп. 432120. Д. 1. Лл. 5, 45 — 46; Ф. 20 ОШБ. Оп. 432107. Д. 1. Л. 30.
13. Там же. Ф. 98 ЗСП. Оп. 549077. Д. 1. Л. 152.
14. Там же. Ф. 37 ЗСД. Оп. 432119. Д. 23. Лл. 38 — 42.
15. ЦАМО. Ф. 37 ЗСД. Оп. 432113. Д. 1. Л. 170; Оп. 432120. Д. 1. Л. 10; Оп. 538307. Д. 2. Л. 13; Оп. 538309. Д. 1. Л. 93; Оп. 538337. Д. 1. Л. 23; Ф. 20 ОШБ. Оп. 432105. Д. 1. Л. 77.
16. Там же. Ф. 37 ЗСД. Оп. 538340. Д. 2. Лл. 48 — 48 об.; Ф. ВЛ 141. Оп. 544685. Д. 1. Л. 4.
17. Там же. Ф. 37 ЗСД. Оп. 432120. Д. 1. Л. 5.
18. Там же. Оп. 432119. Д. 17. Лл. 3, 55 — 56.
19. Тыл советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг. М., 1977. С. 186 — 187.
20. Смирнова Л.В. Карточная система и нормированное снабжение гражданского населения г. Ленинграда и Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 3. С. 63.
21. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 13 (2 — 2). Приказы народного комиссара обороны СССР 22.06.1941 — 1942. М., 1997. С. 98.
22. Кольга Г.И. Военная повседневность: продовольственное обеспечение Красной Армии и германского вермахта в ходе второй мировой войны: сравнительный анализ // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 19. С. 90.
23. ЦАМО. Ф. 37 ЗСД. Оп. 544695. Д. 1. Л. 22 об.

Валерий САПУНОВ

МОСТ

Очерк

На живописных берегах реки Березины стоит городок Борисов, в течение многих веков служивший опорным пунктом Российского государства. Здесь проходил самый короткий маршрут с запада на Москву. И обратно. В октябре 1812 года именно тут была окончательно разгромлена армия Наполеона.

В июне 1941 года по единственной асфальтированной дороге через Борисов (Орша — Смоленск) моторизованные фашистские дивизии рвались к столице Советской России. Поэт Константин Симонов, случайно оказавшийся в эти дни в Борисове, вспоминал: «Ничего нельзя было понять. По дорогам потоком шли войска и машины — одни в одну сторону, другие — в другую (на запад возвращались военные из отпусков, а также шла на свои призывные пункты гражданская молодежь). Страшная жара и пыль. Никто ничего не знал. Накаляли обстановку действия многочисленных диверсионных групп, переодетых в советскую военную форму, форму НКВД и милиции. Их задача была провоцировать панику, вести разведку, а в ночное время нападать на наши части с тыла».

Роте курсантов Борисовского танкового училища была поставлена задача — не допустить переправы немецкой пехоты через городской деревянный мост. Рота заняла позицию, и командир послал старшину с двумя бойцами добыть продовольствия «где сможет». Но, раздобыв кое-какую провизию и вернувшись к мосту, они уже не застали на месте ни командира роты, ни его заместителя. Те ушли на рекогносцировку, да так и не вернулись. Командование принял на себя ротный старшина Борис Сапунов, неполных двадцати лет от роду.

Окопавшись и оборудовав огневые позиции перед мостом, рота курсантов с пятью пулемётами в течение двух суток отражала атаки

передовых подразделений наступающей мотопехоты противника. С воздуха бойцов обильно поливали свинцом фашистские самолеты. Связи не было, а вернувшиеся разведчики доложили, что по большому каменному мосту немецкие танки входят в Борисов, и противник уже за спиной. Оборона деревянного моста потеряла смысл, и он был взорван. Теперь роте предстояло выжить и вырваться из захваченного фашистами города. Маневрируя между домами, почти на глазах у немцев, рота курсантов, возглавляемая старшиной Борисом Сапуновым, с минимальными потерями вышла к своим.

— Теперь долго жить будешь, — похлопал старшину по плечу корпусной комиссар Сусайков. — Мне уже доложили, что вы все погибли. Это не везение, это — чудо.

За долгие страшные годы войны чудеса случались с Борисом Сапуновым не раз, но лишь много лет спустя он вложил в них нерациональный смысл, а именно, что он выжил благодаря молитвам своей матери. Навестив родное село Алексеевка Хвалынского района Саратовской области, он встретился там с тётёй Верой, арестованной и сидевшей в ГУЛАГе вместе с его матерью Натальей. Тётя Вера рассказала, что даже в невыносимых условиях зоны, работая на лесоповале, все мысли матери, все её духовные силы были сосредоточены на судьбах детей. И мать, по словам тёти Веры, буквально сгорела в этом душевном огне.

Каким образом любовь матери спасла сына? Какие силы, убажанные материнской молитвой, охраняли его? Наконец, существуют ли у сына какие-то обязательства перед матерью и своими ангелами-хранителями? Если у него есть эти «обязательства», то мост через Березину, за который он дрался и который взорвал, — это также мистический мост между нацистской чумой и русским духом. И тогда долг его, Бориса Сапунова, перед своей матерью состоит в том, чтобы восстанавливать в людях разрушенные «мосты», соединяющие души. (Термин «религия» происходит от латинского глагола religare, означающего «соединять» (миры), «связывать».)

Эта мысль, пришедшая в голову советского офицера, более того — политрука, позволила ему переосмыслить многие события войны, над расшифровкой которых до сих пор бьются историки.

Господь Бог не нарушает законов природы, и если что-то представляется людям чудом как нарушением этих законов, то лишь от человеческого неведения истинной связи действующих причин. Великая Отечественная война началась с борьбы за человеческие души, ужасная материальная война — только внешняя ее форма.

Изучая стенограммы заседаний суда в Нюрнберге, политрук Борис Сапунов поражался тому, что судьи порой никак не могли наладить диалог с подсудимыми. Возможно, потому, что судили не первых лиц рейха, не «посвященных» (большинство из которых исчезли), а исполнителей. Но, как бы там ни было, подсудимые и судьи не понимали друг друга. Например:

Вопрос: Почему Гитлер не позаботился о соответствующей экипировке армии для ведения боевых действий в зимних условиях?

Ответ: Гитлер сказал, что в зимнем обмундировании нет необходимости, потому что фюрер будет лично отодвигать русский лёд по мере наступления дивизий вермахта.

???

Нюрнбергские судьи не заметили, что столкнулись с иной реальностью. Судьи оперировали фактами. Они не вникали в нечто глубинное, порождающее факты. Нюрнбергский трибунал не стал разбираться в том, что написал Геббельс после поражения в Сталинграде: «Поймите! Вся идейная сущность, вся концепция Вселенной потерпела роковое поражение. Духовные силы раздавлены, близится час Страшного суда!»

Этими словами Геббельс возвещал о крахе «божественного» дела: создания иной цивилизации — человекобогов — на основе биологической мутации потомков первонарода — ариев (то есть «благородных»). Это была вновь созданная религия магического социализма, а по существу — неоязычество.

На многих советских официальных историков не произвёл впечатления тот факт, что среди руин Сталинграда единственным уцелевшим зданием оставалась церковь в честь Казанской иконы Божией Матери с приделом Преподобного Сергия Радонежского. Историки прошли мимо этого мистического события, явившего священное лицо «Битвы Богов». Между тем подобных чудес свершилось за годы войны великое множество. И все они вписались в духовный ток поколений, главной связью которых применительно к России было православие.

С момента нападения фашистской Германии на Советский Союз «Вождь и Учитель» товарищ Сталин в течение десяти дней не сказал своему народу ни слова. Может быть, товарищ Сталин заболел? Может быть, он никак не может поверить в вероломство Гитлера? Может быть, помощники товарища Сталина ещё не выработали стратегию отпора врагу? Сотни «может быть» метались в воспалённых мозгах людей, не находя ответа.

3 июля 1941 года Председатель Государственного Комитета Обороны Иосиф Сталин выступил по радио с долгожданным обращением к народу. «Товарищи, граждане! Братья и сестры!..» И десятидневное молчание вождя было прощено ему, забыто, вошло в число исторических курьёзов.

Однако обращение «Братья и сестры!» обозначило и другое знаменательное событие: возрождение (почти из пепла) Русской православной церкви. С этими словами обращается священник к своей пастве, и именно их произнёс Сталин.

Обращение Сталина всколыхнуло все стеснённые и дремавшие религиозные силы народа, отозвалось в каждом колоколе уцелевших храмов, призвало православную веру на мистическую битву с нацистской магией.

Иосиф Сталин не был религиозным человеком, но обладал развитой интуицией и тонким политическим чутьём. В своих политических симпатиях Сталин выше всех ставил царя Иоанна Грозного. Русский царь воспринимался как первый слуга Отечества и ревнитель Православной веры. Русские государи порой бывали суровы, но также суровы они были в первую очередь к себе, к своей семье и к своим близким. Таким был Грозный, таким был и Сталин. Он и обратился к своему народу, как пастырь, со словами: «Братья и сестры!».

Борис Сапунов любил свою малую родину — село Алексеевка, стоящее на берегу великой реки Волги, и живо интересовался его историей. Он знал, что село обязано своим названием необыкновенной личности — митрополиту Московскому святителю Алексию, бывавшему в здешних краях и совершившему чудо на Сосновом острове (ныне г. Хвалынский).

Святителю Алексию не раз приходилось путешествовать в Золотую Орду для налаживания отношений с ордынскими ханами. В 1357 году хан потребовал у великого князя Иоанна, чтобы святитель прибыл к нему и исцелил его слепую супругу — Тайдулу. «Прошение и дело превышает меру сил моих, — сказал святой Алексей, — но я верю Тому, который дал прозреть слепому, — не презрит Он молитвы веры». И действительно, по его молитве, окропленная святой водой супруга хана исцелилась. Чудотворной силой обладают слова Св. Писания в устах того, кто всем своим существом приблизился к Богу.

Когда скончался великий князь Иоанн, святитель Алексей взял под свою опеку малолетнего его сына Дмитрия (будущего Дмитрия Донского).

Другая сторона деятельности святителя Алексея и его сподвижника — преподобного Сергия Радонежского — была посвящена воспитательной и духовной роли церкви. Опираясь на своих соратников, святитель призвал православную братию идти в «пустынь» — лесные малонаселённые места — для основания монастырей и возведения церквей с целью решения насущных освободительных и духовно-просветительских задач. Здесь возникали новые формы специфического русского характера. Создаются братства жаждущих спасения и духовного совершенствования, где имущество становится общим, а монашество не отделяет себя от мирян. Большинство монастырей по инициативе Сергия Радонежского принимало общежительный устав «киновий» («киновия» (греч.) переводится как «коммуна»). И таких монастырей только преподобный Сергий и его последователи основали по России более 50. Не случайно Н.В. Гоголь писал: «Монастырь ваш — Россия».

Воспитанный в православной вере и получивший благословение преподобного Сергия, московский князь Дмитрий Донской разбил ордынское вой-

ско. И уже во времена царя Иоанна Грозного Россия превратилась в огромную державу, включившую земли Казанского и Астраханского ханств, Западной Сибири, от Ледовитого океана до Каспийского моря. По молитвам Грозного царя в России явилась Казанская «Божия Матерь», которая стала главной покровительницей русской государственности и русского воинства.

— О Владычице, Царице Небесная! Ты мне упование и прибежище, покров и заступление и помощь. Царице моя Преблагая и скорая Заступнице, покрый Твоим ходатайством моя прегрешения, защити мене от враг видимых и невидимых; умягчи сердца злых человек, возстающих на мя, — перед иконой Казанской Богоматери молится сейчас Борис Сапунов — солдат, политрук, философ. Молится во спасение своей души и Родины своей, и кто осмелится упрекнуть защитника Отечества за веру его?

Р. С.: Сапунов Борис Михайлович родом из села Алексеевка Хвалынского района Саратовской области. В 1938 году был призван в Советскую армию. Участвовал в боях с фашистами на Западном фронте. Был ранен. После излечения окончил Саратовское танковое училище. Служил в войсках, заочно закончил Военно-политическую академию, аспирантуру, и был оставлен преподавателем. Работал начальником кафедры культуры и искусства. Поньше работает профессором в Институте повышения квалификации работников телевидения и радиовещания. Организатор и участник созданного по благословению Патриарха Алексия II семинара «Православие на телевидении».

Р. Р. С.: Пророчество корпусного комиссара Сусайкова исполнилось: участник ВОВ, полковник в отставке, доктор философских наук Сапунов Борис Михайлович 70-летие Победы встречает в почтенном возрасте 94 лет.

Пётр ФРОЛОВ

**ТАРХАНСКАЯ
ЛЕГЕНДА
О ПРОИСХОЖДЕНИИ
М.Ю. ЛЕРМОНТОВА**

ТРОПОЙ ЛЕРМОНТОВЕДА

Работа, предлагаемая вниманию читателя, принадлежит перу уникального человека: педагога, литератора, историка, краеведа, лермонтоведа Петра Андреевича Фролова. Перечень его научных интересов легко было бы продолжить — мы имеем дело с личностью разносторонней, но главным делом его жизни стали лермонтовские Тарханы — и в аспекте творчества, и со стороны повседневного быта и бытия.

П.А. Фролов давно и успешно занимается исследованием духовно-нравственных взаимовлияний Тархан и Лермонтова, его имя занимает почетное место в отечественном и зарубежном лермонтоведении. Оно являет пример неугасимого интереса к теме, которую он сделал ведущей. И вот теперь — новый поиск и новые результаты, добытые при условиях, когда в руках исследователя — единственная нить, казалось бы, ведущая в никуда. Но истинный исследователь не останавливается перед трудностями: он ищет косвенные факты при отсутствии прямых; его гипотетические построения становятся все более тонкими и правдоподобными, а методики начинают действовать как взаимодополняющие. Печально, но так нередко бывает, что, казалось бы, логически безупречное построение, уже принятое и признанное в определенных кругах научного сообщества, вдруг рушится под тяжестью одного-единственного упрямого факта. Должно ли это дискредитировать науку? Конечно, нет! Это лишь повод для того, чтобы дать рассудку и разуму больше свободы в поиске и апробации новых методов и методологий научного исследования. Нельзя сбра-

---

* Редакция журнала «Сура» поздравляет Петра Андреевича Фролова с 85-летием, желает здоровья, счастья, творческих успехов.

ПОД ЛЕРМОНТОВСКОЙ ЗВЕЗДОЙ

совать со счетов и интуицию, и неявное или скрытое знание. Вот этими последними двумя в полной мере обладает наш автор. Само заглавие статьи способно вызвать сильное удивление и даже замешательство, особенно у тех, кто привык к установившемуся каноническому взгляду на биографию Лермонтова. Но каноны оказываются не вечными: беспрестанный поиск лермонтоведов приводит к приращению знаний об эпохе, окружении, жизни и творчестве поэта. А это, в свою очередь, ведет к пересмотру позиций, к переоценке устоявшихся стереотипов и клише. Так и в истории с лермонтовским «отцовством»: спорадически (и по сей день) возникали инициативы в подыскании поэту «отца» помимо Юрия Петровича Лермонтова. На первый взгляд, ничего особенного: вот у Герцена, у Жуковского... Но здесь исследовательская задача, которая в своем идеальном плане не имеет никакой иной цели, кроме установления истины, сталкивается с понятиями нравственными. Да и в целом далеко не праздный вопрос: может ли истина быть свободной от этических оснований? Иными словами: есть ли моральные границы у научных исследований? Здесь абстрактно можно выделить две позиции. Одна из них трактует жизнь гения, в том числе и сугубо личную, как непрменный предмет исследовательского интереса, вплоть до деталей, в том числе и таких, о которых гений, будь он жив, сумел бы заставить умолчать или ответить через суд или дуэль, наконец. Другая — заявляет о наличии моральной ответственности ученого, о принципе добросовестности, но не бессовестности. А право на доброе имя при жизни или после смерти рассматривается в числе первых человеческих прав.

Предоставим слово человеку, который в полной мере отпил из горькой чаши прижизненной и посмертной славы, — М.А. Шолохову.

«Однажды, — писал М.М. Шолохов, — зайдя в кабинет отца, я застал его перелистывающим какую-то книгу в «фирменной» обложке серии «Жизнь замечательных людей», по поводу чего он сказал: «Это свершение Алексея Максимовича (эта серия была основана в 1890 году Ф. Павленковым и продолжена в 1933 году А.М. Горьким) я бы особо замечательным не назвал. Серийное производство замечательных людей... Ну вот, скажем, замечательный ученый. Вот его труды, изобретения. Только благодаря им его и заметили, стал он замечательным. Так что еще нужно?

Читайте, изучайте, ругайте, коли считаете нужным, восхищайтесь, если уж так хочется. Чем это отличается от примитивной слежки, от бессовестного подглядывания, подслушивания? По-моему, даже хуже, потому что судачат о покойнике, который уже не может ни на место поставить, ни по морде дать, пытаются к нему всюду влезть, начиная от души и кончая постелью. И кому это может быть интересно, кроме определенного сорта людишек, падких до «клубнички», да еще с гнильцой, с душком.

И ведь какой-то чертов круг замыкается: писатель воспитывает бессовестного читателя, а тот в ответ начинает требовать все более бессовестного писателя. Какой-то культ беспардонности, амиокошнства, бесстыдства. И все

под видом благородных восторгов, бескорыстного преклонения перед величием человека... Одни имена низвергаются, другие ни с того ни с сего возвеличиваются. Подлинные ценности рушатся, подменяются новомодными, отсюда-отсюда заимствованными суррогатами». [Шолохов М.М. Слово об отце. // Шолоховская энциклопедия. М.: Издат. дом «Синергия», 2012. С. 13.].

Кажется, здесь приведена исчерпывающая характеристика нездорового интереса нашего времени. Ну а Лермонтов, его славное имя? Разве не страдает оно от таких вот доброхотов, которые желают во что бы то ни стало «оформить» то кучера, то садовника и т. д. в его отцы? П.А. Фролов ставит свое «расследование» на строго научную почву. Он ведет нас к истокам легенды о происхождении М.Ю. Лермонтова. Но в принципе «легендой» это может называться только с точки зрения «классовой идеологии»: пришедший к власти пролетариат пытался построить и новую, «пролетарскую» культуру, при этом зачастую искусственно подсыпая «народную» почву там, где ее на самом деле не было. В принципе, желательно было бы, если бы поэт Лермонтов по отцу «вышел из народа», вот и родил спрос предложение — пригодилась старинная сплетня. Ну а разобраться со сплетней еще сложнее, чем с легендой.

Здесь же сплетня дворовых легла в основу легенды. Но П.А. Фролов идет до конца: он называет конкретных людей, приводя соответствующие доводы, и, надо сказать, довольно сильные. Однако еще раз подчеркнем, что гипотетическое правдоподобие не является еще истиной в последней инстанции, как бы ни казались обоснованными аргументально его установки. И все же без гипотезы невозможно не только идти вперед, но и вообще осуществлять сам исследовательский процесс. Тропа лермонтоведа привела нас к предполагаемому источнику неистины, лжи, дезинформации. Для чего? Чтобы установить, а точнее — утвердить истинное знание. «Ну и, — скажет скептик, — зачем было предпринимать такое подробное, замысловатое исследование, если заранее было известно и документально подтверждено то, что автор снова «доказал»? Не является ли это простой тавтологией, логическим кругом? Ведь в конце концов все решает уверенность, вера: один верит документам, другой — нет, и что же вы им докажете? Ведь у них уже заранее существует какое-то предпочтение, которое отдадут наиболее близкой душе теории, гипотезе или группе фактов... В чем смысл данного дискурса, увлекательного, как детектив, и неубедительного для тех, кто убежден совсем в другом? Что же, здесь вступает в права возможность выбора, а она осуществляется не только посредством иррациональных предпочтений, но и логически, разумно. Ясно одно: не учитывать позиций П.А. Фролова нельзя, они научно обоснованы. А таковым противостоит только упрямая воля некомпетентности и желание видеть предмет обсуждения в предвзятом свете.

Кстати, говоря о людях, причастных к теме, автор работы сумел проявить столь необходимый при этом такт, чтобы не задеть личного достоинства своих явных и неявных оппонентов. Собственно, и «виновника» разоблаченной сен-

сацией он характеризует разносторонне, избегая резких замечаний и показывая положительные и даже симпатичные стороны этого человека.

Мы вовсе не хотим читателю навязывать свое мнение об исследовании — он во всем разберется сам; наша же цель состояла в том, чтобы заострить внимание на необычном его характере, на методике и находках, позволивших его реализовать и тем самым освободить от пыли и грязи вековых сплетен чистые имена родителей поэта, а это, согласитесь, немало и стоило тех усилий, которые приложил в своих поисках и творчестве в целом знаменитый тарханский лермонтовед — Петр Андреевич Фролов.

*О.С. Пугачев,
доктор философских наук, профессор,
зам. директора музея-заповедника «Тарханы».*

В 2000 г. лермонтовед В.А. Захаров в своей книге «Загадка последней дуэли»¹ в качестве приложения опубликовал статью покойного профессора В.А. Мануйлова под заглавием «Лермонтов ли Лермонтов?». Эта статья в рукописном авторском оригинале хранится в музее-заповеднике «Тарханы»². В ней выдвинуто сенсационное предположение о якобы «простом» происхождении М.Ю. Лермонтова: якобы настоящий отец поэта не Юрий Петрович Лермонтов, а крепостной крестьянин, кучер тарханского имения. Отправной точкой для такого заявления В.А. Мануйлова стало следующее письмо тарханского 15-летнего подростка Александра Аббакумова в Музей изящных искусств в Москве в августе 1936 г.:

«Прошу обратить внимание на то, что по рассказу старой бабушки, которой уже 114 лет, она рассказывает, что правильная фамилия М.Ю. Лермонтова не Лермонтов. Действительно, что она жила у попа в прислугах. Последний ей рассказал, что бабушка (т. е. Елизавета Алексеевна Арсеньева. — **В. М.**) заставила его скрыть грех дочери (т. е. Марии Михайловны Лермонтовой, урожденной Арсеньевой. — **В. М.**). Ее дочь Марья Алексеевна (надо бы: Михайловна. — **В. М.**) была в положении от кучера в ее имении. Но деспотическая помещица сосватала ее с Юрием Петровичем Лермонтовым. Последний согласился жениться потому, что они ему сулили имение. Но, когда умерла мать поэта, то Ю.П. Лермонтов отказался воспитывать Мишу и он воспитывался у бабушки.

Аббакумов А.С.

Жду ответ, с. Лермонтово, Чембарского района, Куйбышевского края»³.

---

¹ Захаров В.А. Загадка последней дуэли. Документальное повествование. М., 2000. С. 292 — 304.

² Архив Государственного Лермонтовского музея-заповедника «Тарханы». Ф. 1. Мануйлов В.А. Лермонтов ли Лермонтов? Рукопись.

³ Захаров В.А. Указ. соч. С. 292. С оригиналом есть разночтения.

Прошу обратить внимание на то
 что по рассказу старой бабушки которой
 уже 114 лет она рассказывает что
 правильное фамилия и то Лермонтова
 не Лермонтов действительно но, что
 она жила у попа в прислугах.
 Последний ей рассказан, как бабушка
 заставила его скрыть грех ее
 дочери. Ее дочь Мария была в
 положении от кучера все имение
 Но деспотическая помещица совести
 ее с Юрием Петровичем Лермонтовым
 последний согласился жениться потому
 что они ему сулили имение
 Но когда умерла мать поэта то
 Ю. П. Лермонтов отказался
 воспитывать ребенка Мишу и
 он воспитывался у бабушки
 Аббакумов А. С. Жду ответ.
 С. Лермонтова Чембарский
 район Куйбышевский край.

В таком удобочитае-
 мом виде текст письма вос-
 произведен в автографе
 рукописи В.А. Мануйлова, а
 за ним повторен В.А. Заха-
 ровым в книге⁴. В оригина-
 ле же написано так:

«Прошу обратить вни-
 мание на то что по рассказу
 старой бабушки которой
 уже 114 лет. Она рассказы-
 вает что правильное фами-
 лие М.Ю. Лермонтова не
 Лермонтов действитель-
 но, что она жила у попа в
 прислугах. Последний ей
 рассказал, как бабушка
 заставила его скрыть грех
 ее дочери. Ее дочь Мария
 Алексеевна была в положе-
 нии от кучера в ее имении
 Но деспотическая помещи-

ца сосватала ее с Юрием Петровичем Лермонтовым. Последний согласился
 жениться потому, что они ему сулили имение. Но когда умерла мать поэта то
 Ю.П. Лермонтов отказался воспитывать ребенка Мишу и он воспитывался у
 бабушки.

Аббакумов А.С.

Жду ответ. С. Лермонтова Чембарский <район>, Куйбышевский край»⁵.

Мануйлов в то время жил в Ленинграде и занимал должность заместителя
 председателя Пушкинского комитета. «Ознакомившись с письмом Аббакумова
 при содействии М.С. Шагинян, — пишет он в своей статье, — в сентябре того
 же 1936 года я побывал в Тарханах, ныне селе Лермонтове, и разыскал автора
 письма, подростка, учившегося в Чембарской средней школе. И тогда, и через
 несколько лет, при новой встрече, А.С. Аббакумов подтвердил, что все изло-
 женное им он действительно слышал от неизвестной ему до тех пор старухи,
 с которой он разговаривал в начале августа 1936 года около районной боль-
 ницы в Чембаре, где она, видимо, вскоре умерла. Имени и точного возраста

⁴ Там же.

⁵ Государственный Литературный музей (Москва). Ф. 118, оп. 1, д. 18. Автор благодарит
 Светлану Андреевну Бойко за этот найденный ею и любезно предложенный документ.

этой старухи установить не удалось. Если ей в 1936 году было на самом деле 114 лет, то значит, она родилась в 1822 году, и в год смерти М.Ю. Лермонтова ей было 19 лет, следовательно, она могла служить у тарханского священника, который исповедовал Елизавету Алексеевну и мог знать семейную тайну Арсеневых»⁶.

Предприняв безотлагательную поездку к автору письма, Мануйлов, конечно, надеялся на большее: на встречу с безымянной 114-летней старухой, чтобы получить столь важные сведения из первых рук. Потерпев неудачу, он попытался как-то восполнить потерю путем опроса старожилов. «Тогда же, в сентябре 1936 года, — читаем в статье, — в Тарханах и Тархове сообщение А.С. Аббакумова подтверждали Н.Г. Баландин — 80 лет, А.С. Куртина — 82 лет и М.И. Горчунова — 75 лет.

О тайне рождения поэта они говорили неохотно, в общих словах, но подтверждали, что слышали от старших что-то о любви Марии Михайловны к крепостному и что Михаил Юрьевич будто бы был сыном этого человека. Никаких других более определенных сведений получить не удалось»⁷.

Особенно туманно изъяснилась на вопрос ученого жительница г. Чембара — «женщина религиозная и весьма пожилая» Мария Ивановна Храмова, мать тогдашнего директора музея Лермонтова в Тарханах. Она ответила так: «Грех говорить об этом, скажу только, что от старух слышала, что Мария Михайловна была великая грешница и очень несчастная женщина, а больше ничего Вам не скажу»⁸.

Будет далеко не достаточным, а скорее неверным представлять М.И. Храмову (1867 — 1946) только как женщину религиозную и весьма пожилую и умолчать о ее редкой незаурядности. Она автор «Записок воспоминаний старины», составляющих 1140 страниц рукописного текста⁹. «Записки» охватывают довольно большой исторический промежуток: начинаются с освещения событий Пугачевского бунта и кончаются первыми десятилетиями двадцатого века. Источником сведений для автора послужили в первую очередь рассказы 103-летней жительницы Чембара А.А. Воскресенской¹⁰, воспоминания матери Александры Прокофьевны и других, в числе которых заметное место занимает тарханская крестьянка Елена Трофимовна Шубенина (о чем подробности ниже). Записки продолжены собственными воспоминаниями. Пользуясь большой популярностью как опытная повитуха и знахарка, лечащая домашними средствами, Мария Ивановна была вхожа в каждый дом в Чембаре и уезде. К ней обращались жители всех сословий, начиная с простолюдинов и кончая дворянами и просто зажиточными людьми. В записках Храмовой упомянуты

---

⁶ Захаров В.А. Указ. соч. С. 293.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Архив музея В.Г. Белинского в г. Белинском Пензенской обл.

¹⁰ В журнале «Искры» № 23 за 1911 г. как достопримечательность помещена фотография А.А. Воскресенской в возрасте 100 лет.

такие исторические личности, как В.Г. Белинский, М.Ю. Лермонтов и даже Николай I, лечившийся три недели в Чембаре в 1836 г. после получения травмы и поломки экипажа, в котором он проезжал по Пензенской губернии. Из лермонтовского окружения упомянуты его родители Мария Михайловна и Юрий Петрович, бабка Елизавета Алексеевна и дед Михаил Васильевич, Павел Петрович и Мария Акимовна Шан-Гирей и их дети Аким и Алексей и другие: Столыпины, Хастатовы, Евреиновы, Мещериновы.

Подытоживая результаты поисков сведений, Мануйлов отметил: «У нас нет прямых подтверждений версии о внебрачном происхождении поэта, таких неопровержимых свидетельств, какими располагают биографы В.А. Жуковского или А.И. Герцена. Но некоторые документы и даже отсутствие их, отдельные намеки в воспоминаниях современников и, наконец, высказывания самого М.Ю. Лермонтова приводят к выводу, что в письме Аббакумова и тарханской легенде может быть доля истины»¹¹.

Получив таким образом косвенное подтверждение основного положения письма Аббакумова, Мануйлов предлагает нашему вниманию целый ряд фактов биографии и творчества поэта, поданных уже под новым углом зрения.

Работа Мануйлова осталась незавершенной. В комментариях к ней ее публикатор указывает, что Виктор Андроникович завещал ему «дойти до истины и докопаться, кто же был истинным отцом Михаила Юрьевича»¹². В.А. Захаров продолжил работу в том же ключе. И статья Мануйлова, и комментарии Захарова заслуживают самого пристального и беспристрастного изучения. К тому же комментатор призывает и других: «В публикации незаконченной работы В.А. Мануйлова я вижу прежде всего возможность расшевелить исследовательскую мысль, заняться дополнительными поисками документов, которые, поверьте мне, еще можно найти. Архивы и рукописные собрания таят в себе немало открытий, и, может быть, они помогут разгадать еще не одну из тех тайн, которые унес с собой в могилу гений русской литературы»¹³.

Трудно было не откликнуться на предложение В.А. Захарова, в силу хотя бы того, что предположения Мануйлова построены сплошь на тарханском материале, который мне очень близок. А потому я посчитал своим долгом детально изучить источники, послужившие Мануйлову отправной точкой в его размышлениях.

Я начал с города Чембара (прежнее название, ныне — город Белинский), потому что, как указано у Мануйлова, знаменательная встреча тарханского подростка с долгожительницей состоялась именно в Чембаре. Александр Аббакумов действительно в указанное время учился в этом городе. Вдобавок и безымянная старуха, скорее всего, как можно было подумать, была жительницей Чембара, а не какого-то другого селения, потому что она, по-видимому,

---

¹¹ Захаров В.А. Указ. соч. С. 294.

¹² Там же. С. 305.

¹³ Там же. С. 316.

состояла в прислуге не у тарханского, как посчитал Мануйлов, а у чембарского священника. Так предполагать позволяло важное обстоятельство: Арсеньеву исповедовал не тарханский священник, как указывал Мануйлов, а чембарский. Дело в том, что Елизавета Алексеевна в свидетели при составлении своих духовных завещаний 1841 и 1845 гг., игнорируя священников собственных церквей, привлекала отца Андрея из Чембара. В завещании 1841 г. на этот счет записано так: «...по личному ее (т. е. Е.А. Арсеньевой. — **П. Ф.**) прошению свидетельствую и подписуюсь отец ее духовной города Чембара Николаевской церкви священник Андрей Егоров»¹⁴. В завещании 1845 г. его свидетельская подпись повторяется¹⁵. К помощи отца Андрея Елизавета Алексеевна, как видно, обращалась не эпизодически: он был ее духовником постоянным, по крайней мере в указанные годы, что видно из словосочетания, употребляемого отцом Андреем: «отец ее духовной». Исповедовал и приобщал Е.А. Арсеньеву перед смертью тот же священник Андрей Егоров¹⁶.

Таким образом, выстроилась довольно четкая и вроде бы логическая цепочка: разуверясь в скромности священников Тархан, Арсеньева, как глубоко верующая женщина, испытывая потребность очистить душу покаянием ввиду приближающегося своего последнего часа, нашла, как казалось ей, надежного духовного отца Андрея Егорова в 15 верстах от Тархан, в уездном городе Чембаре. Покаяние состояло, как можно предположить, в том, что она видела себя виновницей в горькой судьбе дочери, потому что своим вмешательством в семейную жизнь дочери погубила ее счастье. Свою тайну Елизавета Алексеевна открыла отцу Андрею. Отец Андрей поведал ее своей прислуге. Та передала Александру Аббакумову. Александр Аббакумов написал письмо о тайне в Москву. Письмо его оказалось у М.С. Шагинян. Та сообщила Мануйлову. Мануйлов, не откладывая дела в долгий ящик, явился в Лермонтово и в Чембар, чтобы с помощью Александра Аббакумова встретиться с 114-летней старухой, но отыскать ее ему не удалось.

И вот по прошествии 67 лет предстояло поиски продолжить. Конечно, очень трудно искать безымянного человека. Такой поиск напоминает ситуацию из народной сказки: иди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что. Но выбора не было.

Итак, поиск неуловимой старухи пришлось возобновить. Начинать, по логике вещей, предстояло с того места, где этот поиск прервался. Как помним, Мануйлов указал, что встреча подростка со старухой состоялась «около районной больницы», где та, «видимо, вскоре умерла». Так что искать след долгожительницы вернее всего следовало в больнице. Действительно ли она здесь лечилась и здесь же умерла?

¹⁴ Лермонтовский заповедник «Тарханы». Документы и материалы. 1701 — 1924 / Составление, подготовка текста и комментарий П.А. Фролова. Пенза, 2001. С. 139.

¹⁵ Там же. С. 152.

¹⁶ Кольян Т.Н. Храмы, причт и приход села Тарханы (сер. XVIII в. — 1992). // Пензенский временник любителей старины. Вып. 10. Пенза, 1994. С. 20.

Мануйлов ничего не сказал о том, где и как он вел поиски. Делал ли, скажем, попытку разузнать в этой самой больнице, если ограничился не утверждением, а предположением: «видимо, умерла». К тому же, если на самом деле стар и млад беседовали «возле больницы», это совсем не означает, что старуха находилась тут на лечении. Могло вполне случиться, что бабка просто проживала неподалеку, например в доме напротив, и вышла, по обыкновению, подышать свежим воздухом. К тому же слова «возле больницы» вполне могут означать «рядом с больницей» или «у дома напротив больницы». Все эти тогдашние мелочи, о которых сейчас приходится говорить, выросли в большие вопросы, возникшие передо мною с первого же шага. В 1936-м же году они вряд ли требовали большого поискового напряжения.

Получить справку в больнице о том, находилась ли на лечении безымянная гражданка в начале августа того года, можно было легко и просто: сверхпреклонный ее возраст не мог не быть замечен теми, кто имел отношение к лечению и уходу за нею. Возраст больных обязательно указывается во всех регистрационных о них записях. А лечение без регистрационных записей не производилось и не производится. Так, известно, что, если больной поступает в больницу через приемное отделение, там в журнал регистрации заносятся сведения о том, кто ты, откуда, на что жалуешься. То есть журнал фиксирует не только фамилию, имя и отчество, но и в обязательном порядке возраст, адрес и, естественно, явный или предполагаемый диагноз. Указывается также лечебное отделение, в которое направлен больной. Там на него заводится история болезни. В истории болезни — те же анкетные данные. Если больной в лечебное отделение поступает из поликлиники, то в поликлинике остается тоже след: лечебная карточка с указанием тех же данных. Так что по приезду Мануйлова в Чембар все эти документы находились под рукой, в открытом виде, с непросохшими чернилами. Если же действительно, как он предполагал, интересующая его долгожительница умерла здесь, то узнать это, повторяем, можно было легко, просто и быстро.

Если по какой-то случайности больница не смогла выдать справку до отъезда Мануйлова, то он мог бы оставить свое заявление, как сделал со справкой в Чембарском архиве с вопросом о венчании родителей Лермонтова. Справку ему архив выслал прямо в Ленинград¹⁷.

Теперь же, спустя 67 лет, в бывшем Чембаре нет ни журнала регистрации 1936 года, ни учетных карточек, ни историй болезней того времени, и даже самой больницы нет на прежнем месте. Она перекочевала в новый, для нее построенный больничный городок, а в государственном архиве района дела по больнице относятся только к 1997-му и позднейшим годам. Более ранние материалы из-за ненадобности уничтожены, а небольшая часть передана в областной архив.

Прежде чем обращаться в Пензенский архив, следовало просмотреть все возможное здесь. Человек не исчезает бесследно. Самое надежное — архив

---

¹⁷ Захаров В.А. Указ. соч. С. 317.

загса. В районном отделе ЗАГС акты о смерти по городу Чембару указанных лет имеются. Эти акты содержат огромную информацию. В них не только метрические данные, в том числе время и место смерти, а также ее причина, но и отмечается, кто о ней заявил. Указаны сведения о том, какую профессию имел умерший, чем занимался, каким ремеслом, какую занимал должность, имел ли он свои средства существования или жил на средства другого лица, и если жил на иждивении, то кого именно, с указанием, где работает это лицо. Самое же на данный момент для нас главное — отдельным пунктом указывался возраст в полных годах. Эта запись избавляла от потери времени для подсчета возраста по данным о рождении. Так что, найди мы в так называемых книгах регистрации актов о смерти старуху-долгожительницу, информация о ней предстала бы в немалом объеме. Самое же важное — мы уверились бы, наконец, в том, что современница Лермонтова — не миф, а реальность, что рассказ Александра Аббакумова хотя бы в этом отношении не вымысел.

Я просмотрел все акты, относящиеся к 1936 году, начиная с 1 августа. Затем весь 1937-й, 1938-й, 1939-й... Вплоть до 1 января 1943 года. Жительницы Чембара, превысившей столетний возраст, в них не зарегистрировано. Значит, в Чембаре не проживала старуха столь преклонного возраста. Но никак не исключено, что она проживала в каком-то селении Чембарского района. И если умерла где-то в указанное время, пусть даже в той же районной больнице, запись о смерти должна быть в одном из сорока сельсоветов Чембарского района. А если знать, что в сельсовет входили в среднем еще по две-три прилегающие деревни, то предстояло просмотреть тысячи актов о смерти.

Все метрические книги в загсе расположены в алфавитном порядке. Первым на очереди был Аргамаковский сельсовет. Акты пронумерованы и находятся в наличии. Я проверил начиная с 1 августа 1936 года и закончил сентябрем 1946-го. Умерших женщин старше 100-летнего возраста не обнаружено.

За Аргамаковым следует Алексеевский сельсовет. Интересующая нас книга регистрации актов о смерти начата 16 марта 1935 г., а закончена 20 июня 1954-го. Однако в ней не оказалось в наличии актов с 1 августа 1936 г. по 7 февраля 1939 г. И если в следующем, в Балкашинском сельсовете все акты, начиная с 28 февраля 1935 г. и кончая 17 декабря 1959 г., в полной сохранности, то в очередном по алфавиту Волчковском сельсовете их нет в наличии с 9 января 1939 г. по 15 декабря 1939 г., а в Верхнеполянском — отсутствуют с 25 февраля 1936 г. по 28 июня 1938 г. Беглый и выборочный просмотр метрических книг других сельсоветов показал ту же тенденцию: отсутствие актов о смерти в основном в указанные годы. Таким образом, продолжать изучение всех книг не имело смысла, и эта работа в Чембарском отделе ЗАГС была прервана из-за ее неперспективности.

Здесь опять приходится недоумевать, почему Мануйлов упустил прекрасную возможность без особых затруднений получить необходимые сведения из

любого из 40 сельсоветов в самый короткий срок. Достаточно было позвонить в каждый сельсовет, и ответ последовал бы немедленно. Дело в том, что в сельсоветах ежегодно составлялись похозяйственные книги, в которых подворно записывалась каждая семья в полном ее составе с указанием возраста каждого члена семьи. Они всегда хранились под рукой, чтобы работники сельсовета могли проверить или сделать отметку главным образом о том, кто из жителей как выполняет выплату налогов. В книгу же вносились все изменения в личном хозяйстве: прирост или убыль в крупном или мелком скоте и домашней птице и прочее. В ней же отмечалась посемейно рождаемость и смертность. Каждый человек был постоянно в поле зрения, и необходимые для отчетов сведения о каждом гражданине всегда хранились в этом документе.

Но в нашем случае похозяйственная книга даже и не потребовалась бы. Сельские жители всегда знают безо всяких записей, кто у них самый старый по мужской линии и кто по женской и сколько каждому из них лет. Так что о такой редкости, как 114-летняя старуха, знали бы не только жители данного села, деревни ли, но и всей округи, тем более работники сельсовета.

Что касается телефонной связи, то ею была опутана вся страна задолго до 1936 года¹⁸, и действовала эта связь круглосуточно. Телефон в сельсовете без надзора не оставался ни на час (и ночью тоже). В отсутствие председателя сельсовета и секретаря при нем безотлучно находился дежурный. Кроме того, в сельсовете обязательно имелась должность посыльного, упраздненная в хрущевские времена. Так что без конкретных сведений Мануйлов уехать не мог. Видимо, все-таки время пребывания его в командировке было очень ограничено.

Последнюю попытку отыскать в бывшем Чембаре след долгожительницы я предпринял, обратясь к старым комплектам подшивок районной газеты «Чембарский колхозник». Предполагая, что местная газета как-то отозвалась на 110-летний юбилей своей землячки, я пролистал всю подшивку за 1932 год, но никакого о том сообщения не обнаружил. Трудно поверить, чтобы новая власть пропустила удобный случай возвестить о том, что при ней жить стало лучше, и вот вам пример долгожительства, если б такой пример в районе действительно имел место. Ничего подобного не напечатано и в газетах за 1933, 1934, 1935, 1936, 1937, 1938, 1939, 1940 годы.

После отрицательного результата в поисках следов долгожительницы в старых газетах, можно было допустить, что письмо Александра Аббакумова — самый обыкновенный вымысел от начала до конца. Но, как помним, Мануйлов, как бы предупреждая нас, заявил очень определенно: «...создается впечатление, что нет оснований заподозрить Аббакумова в специальной мистификации»¹⁹.

---

¹⁸ Так, в Тарханах и в соседнем с ними селе Щепотьево телефонная связь была установлена в 1911 г. См.: «Памятная книжка крестьянина села Тархан И.И. Кузнецова». Публикация П.А. Фролова. // Пензенский временник любителей старины. Вып. 8. Пенза. 1992. С. 15.

¹⁹ Захаров В.А. Указ соч. С 294.

Так кто же он, Александр Аббакумов, загадавший такую мудреную загадку? Может быть, узнав о нем самом, как-то приблизимся к ее разгадке?

Я стал наводить о нем справки, и оказалось, что моя соседка Нина Васильевна Рыбакова, бывший библиотекарь, хорошо знала его в школьные годы. Она снабдила меня очень интересной о нем информацией. По моей просьбе Нина Васильевна свой рассказ изложила письменно. С некоторыми сокращениями я и предлагаю его для ознакомления.

«Александра Сергеевича Аббакумова я знаю с детства, мы оба с одного года (1921) и вместе учились с первого класса. Он был мальчишка плохого поведения, не раз срывал уроки, но у него были хорошие знания, и он считался неплохим учеником.

Когда мы окончили Лермонтовскую начальную школу, в соседнем селе Крюкове открылся пятый класс. Одиннадцать учащихся нашего класса подали туда заявления. Предстояло сдать вступительные экзамены. Однако эти экзамены выдержали только трое: я, моя подруга Маня Тимофеева и Саша Аббакумов. И так мы втроем, как три подружки, проучились в Крюкове три года. Мы даже вместе стояли на одной квартире.

В те времена не хватало учебников, один учебник выдавали на двоих-троих учащихся. Запомнить со слов учителя было очень трудно. Саша всегда приходил нам на помощь. У него была отличная память: во время урока вертится, шумит, а все запомнит. И когда мы с Маней просили его рассказать нам заданный урок, он расскажет не задумываясь.

Саша очень любил историю, литературу и обществоведение. А для нас они были труднодоступными предметами.

Подружка моя не отличалась скромностью и часто вызывала Сашу на ссору, выводила его из себя придирками. Он каждый раз грозился ее побить, но никогда не тронул пальцем.

Однажды они между собой очень сильно поругались, я заступилась за подругу, и он сказал: «Ну, нынче я уж точно вам всыплю обеим, а то еще и убью, когда пойдем домой». В то время мы ходили пешком из дома в Крюково ежедневно до зимы. И вот только кончились уроки, мы с Маней побежали домой и все оглядывались, не бежит ли Саша за нами, но пробежали почти полпути, а его все не было видно. Мы решили, что его опять вызвали к директору. Успокоились и дошли уже до оврага. Подходим к мосту — он выходит из-под моста нам навстречу и так громко смеется, приговаривая: «Вот теперь уж вы не убежите». Мы испугались, попятились, говоря ему: «Только тронь — завтра вылетишь из школы». А он смеется: «Ну и бегаєте вы: я чуть не умер, пока вас обгонял». Он, оказывается, скрываясь от нас, бежал по оврагу. Мы все втроем мирно пошли домой.

После окончания семилетки мы с Маней пошли учиться в Чембар в 8-й класс. В выходные мы, все учащиеся, из Чембара ходили домой за продукта-

ми. К этому времени в Чембаре учились уже многие из нашего села, и все раз в неделю ходили пешком, в один конец 18 километров. Мне запомнился один случай. Шли мы однажды с выходного в Чембар (нас насчитывалось человек 5 — 6), и Саша тоже. Все несли сумки продуктов на неделю. Вдруг он подходит ко мне, берет у меня сумку, приговаривая: «Эх, какая тяжелая», и с моей сумкой побежал вперед не по дороге, а по столбам, что проходят в стороне. Пробежал столба 3 — 4, затем влез на столб, повесил мою сумку, спустился и стоит смеется. Все тоже посмеялись, пошутили и пошли вперед, и Саша пошел со всеми, а я все стояла и не знала, что мне делать. Достать сумку я не могла, все уже ушли далеко, и я решила вернуться домой. Только вышла от столбов на дорогу, Саша тут же вернулся, догнал меня, достал сумку и нес ее сам до самого Чембара. Все были уже далеко, и мы шли с ним вдвоем...

С Александром Сергеевичем мы встретились примерно лет через 15 после войны. Поговорили, вспомнили свои школьные годы. Он рассказал, что встретил на фронте девушку-фронтовичку, украинку, женился на ней и остался жить на Украине...»²⁰.

На словах Нина Васильевна рассказала, как однажды, будучи учеником Крюковской семилетки, Александр Аббакумов получил плохую отметку и воспринял ее как безутешную горе: так, видимо, страдало его самолюбие, а может быть, он считал, что его оценили несправедливо. Уже тогда, в Крюкове, он писал стихи. Ими была заполнена целая тетрадь.

В прошлом учительница Татьяна Григорьевна Илюшина (в девичестве Еськина) на мой вопрос об А.С. Аббакумове ответила, что он старше ее на 3 года и доводится ей двоюродным дядей. Приезжая в отпуск, он обязательно навещал родню. «Меня радовало, — сказала Татьяна Григорьевна, — что он не растерял свой ум, которым отличался с детства. Старики любили потолковать с ним. «Ну и голова!» — так отзывались они о своем земляке».

Татьяна Григорьевна также сообщила, что Александр Сергеевич уже несколько лет разбит параличом. Ухаживает за ним дочь.

Так мне стало известно, что автор письма, оказывается, жив, хотя и не совсем здоров. Немедленно добыл у его родственников адрес. От них же узнал, что сам он уже не способен писать, а под его диктовку пишет дочь.

Значит, нужно быстрее ему писать и обо всем расспросить его самого. И здесь я встал в тупик: о чем же писать и о чем спрашивать? Ведь его уже спрашивали, и ответ давно известен.

В это время я готовил к переизданию свою книгу «Лермонтовские Тарханы», вышедшую в 1987 г. В ней воссоздан образ Тархан, близкий к лермонтовскому времени, а потому, кроме прочего, описаны старинные тарханские обряды, нравы, обычаи, предания, приведены тексты народных песен, легенд и т. п. За 15 лет поднакопился кое-какой новый материал, которым я дополнил книгу. Однако многих старожилов, которые одаривали меня богатейшей информа-

---

²⁰ Архив музея «Тарханы». Воспоминание Н.В. Рыбаковой написано в 2002 г.

цией, уже не было в живых. И спросить о далеком прошлом почти некого. Конечно, есть земляки, которым по 80 и более лет, но не всякий обладает даром окунуться в прошлое и умением рассказать о нем.

А почему бы не обратиться с просьбой к Александру Сергеевичу? По собственному опыту мне известно, что дольше и надежнее берегут прошлое в памяти и сердце люди, оторванные от родимых мест с юности. Может быть, земляк вспомнит и расскажет о чем-нибудь интересном, еще никому не известном, а заодно и о том, как престарелая женщина поведала ему тайную легенду о происхождении Лермонтова?

Так я и сделал. Послал Александру Сергеевичу свою книгу и попросил прислать к ней свои поправки и дополнения, если таковые найдутся. Ни одного прямого вопроса по существу легенды. Никакого намека о его письме в Москву и встрече с древней чембарской старухой. Если Александр Сергеевич пожелает сам задеть свою старую тему, то для этого у него есть отличные возможности. Для такого шага есть исключительный повод: в первой главе под названием «Продолжение легенд» как будто специально для такого случая, для того чтобы ему самому безболезненно завести речь о прошлом событии, помещена популярная легенда о Лермонтове, о том, как поэт подарил тарханским крестьянам строевой лес на новые избы и кирпич для печей, а они отдали его конем, купленным в Чембаре вскладчину всем обществом. Показана в легенде и Елизавета Алексеевна, якобы не выполнившая обещания, данного внуку, отпустить крестьян на волю, наделив их землей. Так что его, Александра Сергеевича, дело — воскресить или окончательно похоронить легенду о якобы внебрачном происхождении Лермонтова.

Ответ пришел намного раньше, чем я ожидал. Привожу письмо полностью:

«Уважаемый Петр Андреевич!

Ваше письмо и бандероль я получил. Очень доволен этим деликатным письмом и книгой. Книга мне очень понравилась. Она еще раз возвратила меня к дням моего детства и еще раз показала, как разнообразный опыт и быт тарханских мужиков оказал влияние на формирование сознания М.Ю. Лермонтова. Ведь Тарханы — это моя родина. А родина у человека бывает одна. Как одна мать у каждого человека. Я не живу в Тарханах 63 года, но до сих пор никак не забыл эти великолепные места. Я очень люблю свой родной край — Тарханы. Других таких Тархан никогда не будет, как не дано человеку прожить вторую жизнь. На всех нас влияет родина. И мы храним в глубине души образ своего родного села. Там я родился, провел детство и раннюю юность. И до сих пор не забыл своего детства. Я помню, как босоногим мальцом росистым утром бегал с удочкой на тихую, всю в кувшинковых заводах, милую Малорайку. Мне представляется наш двор с укромными закоулками, где так замечательно поиграть в прятки, и как мама звала домой и не могла дозваться заигравшегося сына. Я

помню грибной запах на лугах и ораву ребятишек. Я даже не могу представить, сколько всего прекрасного вмещает дорогое воспоминание о Тарханах. Все меньше и меньше остается тарханских старожилов в живых, которые что-либо помнят из преданий своих дедов и прадедов о прошлом Тархан и детстве Лермонтова. Тусклая память оставшихся в живых тревожна, но куда от этой памяти уйти? Никуда от нее не уйти и не надо уходить. Забывать прошлое нельзя. Потому что без прошлого нет будущего. Чем дальше по времени от нас старые Тарханы и детство Лермонтова, тем пристальнее вглядываемся во все, что написано о Тарханах и М.Ю. Лермонтове. Конечно, живые, мы думаем о живых. Строим, празднуем свадьбы, растим детей, ходим на работу и делаем, должны делать все, чтобы те, кто придет после нас, сохранили в благодарной памяти потомков самое милое прошлое Тархан. Ведь Михаил Юрьевич от природы талантлив, но пришел в литературу из пензенского села Тарханы. И принес с собой отзывчивость и доброту к мужикам, чувственное отношение к добру и горю.

Уважаемый Петр Андреевич!

Когда-то в моей памяти было много рассказов старожилов о Тарханах и о детстве Лермонтова. Но вот уже 7 лет, как я парализован, передвигаюсь я с палочкой, очень осторожно. У меня не действует правая рука и нога, атрофирован зрительный нерв правого глаза и возраст уже критический. Человека старят не седые волосы, не морщины, а глаза. Выцветшие, блеклые, утратившие свои прелести, они похожи на камень, брошенный в воду, без всплеска, без возвращения. Человек не просто постарел, а ушел в старость. Так что оказать Вам какую-либо помощь я не смогу. Ваша книга — плод большой работы. Огромного терпения и труда понадобилось, чтобы собрать и литературно обработать материал о лермонтовских Тарханах. Ваша книга не нуждается ни в каких изменениях и дополнениях.

Теперь о себе: мне уже идет 9-й десяток. Я хорошо знал вашего брата Павла. Ваша двоюродная сестра Татьяна Еськина является дочерью моей двоюродной сестры Анны Ивановны. В 1939 году я работал экскурсоводом в Лермонтовском музее. С этой работы я был призван в армию. Нас было 3 человека: директор музея Александр Иванович Храмов, научный сотрудник Василий Александрович Корнилов и я. Отслужив в армии до 1947 года, я в Тарханы не возвратился. Желаю Вам отличных успехов в труде и очень хорошего здоровья.

С уважением к Вам Александр Абакумов.

Дата на конверте: 08.06.02²¹».

(Здесь и далее: дочь Александра Сергеевича Зоя Александровна Ерошенко, писавшая под диктовку отца, употребляла в его фамилии только одну букву «б».)

---

²¹ Архив музея «Тарханы». Письмо от 08.06.02. См. акт приема писем А.С. Абакумова.

Сердечное, задушевное письмо. И лермонтовская тема в нем, как видим, не обойдена молчанием.

Еще обостреннее о великом поэте, о народности его творчества сказано во втором письме А.С. Аббакумова, которое воспринимается как продолжение первого. В нем свободнее словоизлияние без каких-либо моих, повторяю, наводящих вопросов. Привожу его также полностью:

«Уважаемый Петр Андреевич!

Письмо Ваше получил и был очень обрадован, что оно принято как моя исповедь за родные места, за родные Тарханы. Я очень сожалею, что мне не суждено больше их увидеть. Людей всегда мучают разнообразные сожаления — большие и малые, серьезные и смешные. Что касается меня, то я часто сожалею, что я не там, в родных Тарханах. Самое сильное сожаление вызывает у нас чрезмерная и ничем не оправданная стремительность времени. Не успеешь оглянуться, как наступила старость, ушла та весна жизни, которая почти у всех людей связана с воспоминаниями детства. Да к тому же еще, если ты немощный калека. А между прочим, я еще не видел и сотой доли того очарования, которое разбросано вокруг.

Тарханы! У меня это слово звучит не хуже, чем «Бежин луг» или «Золотой Плес» под Кинешмой. Оно не связано с каким-либо событием, просто выражает сущность русской природы. Такие места действуют с неотразимой силой на сердце, ведь это колыбель Михаила Юрьевича Лермонтова. Это место по своей прелести и сиянию полевых цветов вызывает в душе состояние глубочайшего мира и вместе с тем странное желание умереть только в Тарханах, на слабом солнцепеке, среди этой высокой травы. Мне и сейчас кажется: цветы и травы приветливо улыбаются людям и покачиваются оттого, что на них садятся тяжелые шмели и пчелы. Я очень сожалею, что мне больше не суждено побывать в Тарханах, хотя нынешние Тарханы далеко не похожи на Тарханы моего детства. Но я и такие очень люблю. Я каждое лето их посещал, а теперь еще больше ощущаю потребность в этом.

Это ощущение пробуждается во мне, что мне пришлось доживать в стране дикого национализма, что я очень тяжело переносу. Русская литература в украинских школах не преподается, а русский язык изучается как иностранный. В украинских периодических изданиях оскверняют имена выдающихся русских поэтов и писателей. В городе Львове переименовали улицы русских писателей: улицу им. Лермонтова на ул. Степана Бандеры, ул. Пушкина на улицу Мазепы, а улицу Толстого на ул. Махно. В связи с такими действиями украинских националистов я хочу привести страницу из великолепного романа «Русский лес» Л. Леонова. Великолепная, полная глубокого смысла страница, повествующая о том, как к ученому-лесоводу Вихрову в его древний Пашутинский бор приехал московский однокурсник по институту Грицианский. Вихров повел приезжего гостя в ложину, где из-под земли бил чистейший родничок.

Он поведал московскому гостю, что это таинственное чудо рождения реки. Грицианский нагнулся и вонзил в таинственное чудо свою трость и два раза повернул ее. «Я убью Вас!» — воскликнул Вихров. Выхватил трость и сломал ее. К чему я напоминаю это? Перелистывая эту страницу, всякий раз как бы заново испытываешь чувство жгучего гнева, потому что не перевелись еще Грицианские. Эгоистическая натура у них такова — мутить родники человеческих радостей. В сокровищницу наших духовных богатств входит светлое чудо поэзии Михаила Юрьевича Лермонтова. Яркий талант от природы, отзывчиво чуткий к крепостным, к болям и радостям человеческим, Лермонтов пришел в литературу из родных Тархан. Поэтому поэтическое наследие Лермонтова стало достоянием каждой тарханской семьи. И горько думать о том, что это наследие было бы богаче, если бы жизнь его не оборвалась так рано. Вот почему я так болезненно переживаю нападки националистов. Я живу в Донецке. Это город с миллионным населением. 67% населения — русские. И проявление национализма у нас несколько легче. Хоть газеты издаются на русском языке у нас. Но, как бы там ни было, я, много лет оторванный от родных мест, считаю себя тархановским. А жить без Родины нельзя, как жить без сердца.

Уважаемый Петр Андреевич! Вы интересовались моей специальностью. Я учитель истории. Но за свою жизнь прошел все должности: инспектора РайОНО, директора, завуча школы и учителя.

Я очень сожалею, что Федя (Забнев Ф.А. — **П. Ф.**) умер. Ведь я от него принимал экскурсионную должность в Лермонтовском музее.

Желаю Вам всего доброго. Прошу передать поклон Нине Васильевне Рыбаковой и Татьяне Еськиной.

С уважением А.С. Абакумов».

На штампе конверта дата: 19.09.02²².

Наша переписка, хотя и с большими перерывами, установилась. Постепенно к уже известным сведениям из жизни Александра Сергеевича добавлялись, хотя и скупо, другие. Так, отвечая на мои вопросы, он сообщил: «Я в 1938 г. поступил на работу инструктором райкома комсомола. А в сентябре 1939 г. я перешел на работу экскурсоводом Лермонтовского музея». И далее объясняет, как произошло перемещение: «У меня были хорошие отношения с Александром Ивановичем Храмовым, и он, часто видя меня на Лермонтовских торжествах, слушая мои выступления, предложил мне перейти на работу экскурсоводом музея в конце сентября 1939 г.».

«В музей я поступал, — читаем дальше, — когда Федя Забнев был призван в армию, он меня перед уходом тренировал 10 дней. Экскурсантов в это время было мало».

Но задержался Александр Сергеевич в тарханском музее недолго. Шла война с Финляндией. «В январе 1940 г., — пишет Александр Сергеевич, — ЦК

---

²² Там же. Письмо от 19.09.02.

комсомола опубликовал обращение к молодежи о создании добровольческих лыжных батальонов для борьбы с белофиннами. В феврале 1940 г. я написал заявление о вступлении в такой батальон и был призван»²³.

По-прежнему я не спрашивал Александра Сергеевича о встрече со старухой, продолжая считать: пусть все идет естественным путем. Сам же не оставлял изыскательскую работу по другим направлениям. Неожиданно я получил возможность ознакомиться с небольшой частью переписки В.А. Мануйлова, переданной в музей вместе с другими материалами В.А. Захаровым. Первым по времени (1955) было письмо к нему тогдашнего директора Лермонтовского музея в Тарханах. Начало письма прямо касалось рассматриваемой нами темы:

«15 сентября 1955 г.

Уважаемый Виктор Андроникович!

Давно получил Ваше любезное письмо и не по своей причине не отвечал Вам: мать Александра Сергеевича долгое время не давала мне адреса сына.²⁴ (Далее следует адрес.)»

«Без сомнения, — думал я, — Мануйлов настойчиво искал возобновления контактов с Аббакумовым, потерянных, по всей вероятности, еще со времен войны». «Долго не давала адреса» — значит, директор музея многократно обращался к матери Аббакумова. А просил потому, что, как видно, такова была настоятельная просьба Мануйлова: раздобыть адрес во что бы то ни стало. В этом убеждает такая любопытная деталь: письмо тарханского директора датировано 15-м сентября, а 25 сентября из Ленинграда Мануйлов уже отправил свое письмо на Украину по указанному адресу. Оно стоит внимания:

«Уважаемый Александр Сергеевич!

В начале августа 1936 года Вы писали в Музей изящных искусств в Москве о том, что какая-то старушка рассказывала Вам о Лермонтове и его происхождении, будто бы Лермонтов был сыном кучера Е.А. Арсеньевой. Очень прошу Вас написать мне подробно все, что вы помните по этому поводу. Как звали эту старушку, где и когда она Вам рассказывала про Лермонтова, что она Вам рассказывала и т. д. Мне это очень важно. Я много лет занимаюсь биографией Лермонтова, и мне кажется, что в этом рассказе могли отразиться какие-то истинные события, которые следует проверить. Напишите мне подробное письмо и, если Вас не затруднит, заверьте Вашу подпись под письмом по месту работы или жительства. Это письмо мне необходимо как документ, с которым я сопоставлю имеющиеся в моем распоряжении биографические материалы

---

²³ Там же.

²⁴ Архив музея «Тарханы». «Лермонтов ли Лермонтов?» (Письма, примечания к диссертации Мануйлова, рукописи лермонтоведов). 1936 — 1977 гг. Л. 2.

по Лермонтову. Ваше имя будет указано в моей работе, и я Вам пришлю мою книгу, когда она выйдет из печати. Этот вопрос меня давно очень интересует. Я даже ездил в Чембар и село Лермонтово в 1936 году, но не смог Вас тогда разыскать, и только теперь узнал Ваш адрес.

Ответ прошу адресовать: Ленинград «36», Четвертая Советская, 31, кв 12. Виктору Андрониковичу Мануйлову. Заранее благодарю Вас за ответ.

25 сентября 1955 г.

Ленинград. В. Мануйлов²⁵».

Вот такая совершенно невообразимая неожиданность. Оказывается, В.А. Мануйлов не встречался ни с подростком Александром Аббакумовым в 1936 году, ни позднее, уже со взрослым. Значит, Александр Аббакумов не рассказывал ему о своей встрече возле Чембарской больницы со 114-летней старухой!

Ответа на свое письмо Аббакумову ленинградский ученый ждал 2 года и 10 месяцев:

«Тов. Мануйлову В.А.

Уважаемый Виктор Андроникович!

На Ваш запрос относительно моего письма в Музей изящных искусств им. А.С. Пушкина, написанного по мотивам народных преданий, сообщаю Вам следующее.

В 1934 г. я работал на очистке парка нынешнего дома-музея М.Ю. Лермонтова, — тогда только приступали к реставрации дома Е.А. Арсеньевой. Жители нашего села были глубоко тронуты той большой заботой об увековечивании памяти нашего великого земляка — М.Ю. Лермонтова. В связи с этим старожилы села рассказывали очень много воспоминаний о жизни поэта в Тарханах, о порядках в доме Арсеньевых, об отношениях между бабушкой поэта и ее зятем Ю.П. Лермонтовым, дошедших к ним по рассказам отцов и дедов. Многие из этих преданий мне были известны и из литературы. Но рассказы Павлины Петровны Кузьминой и Николая Баландина (отчества не знаю) вызвали у меня особый интерес.

Павлина Петровна Кузьмина рассказала мне, что она неоднократно слышала от своей родственницы (Марфы Шубениной, проживающей в д. Михайловка), что отцом поэта является не Ю.П. Лермонтов, а крепостной крестьянин, кучер в доме Арсеньевых. Об этой большой тайне в доме Арсеньевых знали только самые близкие к Елизавете Алексеевне люди. Рассказывала она мне и о том, что сам поэт об этом узнал от дворовых людей. Эти рассказы были настолько яркие, что в них даже описывалась внешность и высокая сообразительность кучера. Я теперь не помню имени его и многих других деталей этих рассказов. Подтвердил тогда эти рассказы и Николай Баландин (Дед Николай Лопухов — так звали его в деревне). Кроме того, он рассказал, что бабушка

---

²⁵ Там же. Л. 3.

поэта хорошо вознаградила тех, кто сберег ее семейную тайну, и дала им лучшие земельные наделы, выселив их из села в д. Михайловку. Об этих рассказах старожилов я и написал тогда в музей.

Тогда мне было 14 лет, и не мог многие детали рассказов хорошо сохранить в памяти. Теперь я прекрасно понимаю, какой большой интерес содержали эти рассказы. Убедительно прошу Вас, ув. Виктор Андроникович, глубоко исследовать эти вопросы, ведь, судя по личной жизни поэта и мотивам его творчества, эти рассказы старожилов, возможно, правдоподобны.

С уважением к Вам Александр Сергеевич Абакумов²⁶.

[Подпись:] Абакумов.

Письмо А.С. Аббакумова (или Абакумова) датировано: 20.07.1958 г.²⁷

На полях письма против имени П.П. Кузьминой рукою В.А. Мануйлова помечено: «ум. в 1953 г. 85 — 86 л.», а против имени Н. Баландина — «ум. 85 — 88 л.» и вставлено: «Григорьевич».

По прочтении письма А.С. Аббакумова открывается новая неожиданность: старуха, оказывается, была не одна. Их было две. Первая, Марфа Шубенина, — современница Лермонтова. Вторая, Павлина Кузьмина, — современница Александра Аббакумова. Естественно, что подросток беседовал со второй, Павлиной Кузьминой, а не с первой, Марфой Шубениной, которой к 1936 году уже не было в живых. В своем письме в Москву Александр Аббакумов сообщил содержание рассказа Марфы Шубениной в пересказе Павлины Кузьминой. Павлина Кузьмина слышала его от Марфы Шубениной, которой, по словам Александра Аббакумова, в 1936 г. насчитывалось 114 лет. Если Марфа Шубенина родилась в 1822 г., то ко времени рождения Павлины Кузьминой, как отметил сам Мануйлов на полях письма Аббакумова (в 1867 — 1868 гг.), было 45 — 46 лет.

Таким образом, повторяем: старух было две. Но из первого письма А.С. Аббакумова (1936) не видно, чтобы их было две — всего одна. Читаем еще раз: «по рассказу старой бабушки, которой 114 лет, она рассказывает». Явно вместо прошедшего времени глагола подростком неправомерно употреблена форма настоящего времени, поэтому смысл воспринимается искаженно: бабушка одна и еще здравствует. Это и ввело в заблуждение Мануйлова. Он в 1936 г. искал несуществующую 114-летнюю мифическую старуху. Но вина в этом Александра Аббакумова, наверное, невелика: школьник просто русский язык знал слабее, чем другие предметы, и поэтому свою мысль сформулировал грамматически не совсем правильно. А может быть, обдумывать как следует построение фраз ему не хватило времени. Если внимательнее рассмотреть оригинал его письма²⁸, то обнаружится явная спешка: почерк беглый, неров-

---

²⁶ Так в автографе: в фамилии одна буква «б».

²⁷ Архив музея «Тарханы». «Лермонтов ли Лермонтов?» Рукопись. Л. 5 — 6 об.

²⁸ Гослитмузей (Москва). Ф. 118, оп.1, д. 18.

ный. Написано не на обыкновенной бумаге, скажем, на белом пролинованном листе из тетради, а на оборотной стороне цветной обложки. На лицевой же ее стороне указано, что тетрадь принадлежит Алову Василию, а не Аббакумову Александру, как следовало бы быть по логике вещей. Выходит, и подходящего листа бумаги некогда было искать: схватил, что подвернулось под руку — чужую тетрадку, оторвал обложку и пошел чертить, не перечитывая. Алов Василий — сверстник Александра Аббакумова. Они оба жили на одной улице Ильинке, недалеко друг от друга.

А как объяснить заведомо неверную информацию в той части статьи, где В.А. Мануйлов говорит о встрече в Чембаре с Александром Аббакумовым? Здесь торопиться с осуждением ученого не следует: работа им не закончена, о чем и предупредил нас ее публикатор В.А. Захаров. Да и рукописный автограф не оставляет сомнений в том, что это всего-навсего черновой вариант размышлений автора, а не статья в чистом виде: в нем много поправок, зачеркиваний и вставок. Даже год (1973), заключающий статью, на самом деле указан на главном листе, а в последнем предложении нет завершающей точки.

Так что же мы знаем об этих двух старухах? К 1936 г. П.П. Кузьмина находилась в возрасте 64 — 65 лет. Тарханские старожилы ее хорошо помнят, а ее внучка Т.Г. Илюшина, которая уже здесь называлась, подтвердила, что бабушка действительно умерла где-то около 1953 г. Еще же оказывается, что П.П. Кузьмина — родная тетка А.С. Аббакумова, сестра его матери Татьяны Петровны. По свидетельству Т.Г. Илюшиной, в молодости Павлина Петровна работала на барской усадьбе.

Гораздо сложнее обернулось дело с установлением личности Марфы Шубениной. Дело в том, что в лермонтоведении уже значится одна Марфа из деревни Михайловки — Марфа Максимовна Коновалова. Теперь вот появилась из той же соседней с Тарханами деревни еще одна Марфа — Шубенина. Уж не одно ли и то же это лицо?

Марфа Максимовна Коновалова известна своими рассказами о Лермонтове и его близких. Она родилась в Тарханах в привилегированной семье Максима Лазарева Медведева, камердинера и доверенного человека деда поэта М.В. Арсеньева.

В 1825 г., когда его дочери Марфе было семь лет, а Лермонтову — одиннадцать, Елизавета Алексеевна назначила Максима Медведева управляющим вновь строящейся деревни Михайловки, и с этого времени до глубокой старости она прожила в этой деревне. В Тарханах бывала, как и все жители Михайловки, довольно часто: по воскресеньям и большим праздникам — в церкви, а также у родни и по другим делам, потому что Михайловка — это тарханские выселки.

Е.А. Арсеньева до конца считала Тарханы и Михайловку одним хозяйством и не сделала потому юридического разделения новопоселенной деревни со старым селом. Даже в ревизской сказке 1850 г., спустя пять лет после ее смер-

ти, крестьяне обоих селений по традиции были записаны как жители одного села Никольского Яковлевского тож (старое название)²⁹, несмотря на разделяющие их семь верст. Родственные и иные связи в таких условиях продолжали держаться долго и в наши дни еще не совсем исчезли.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что многие жители Тархан знали Марфу Максимовну и слушали ее воспоминания и потом, в иную эпоху, передавали ее рассказы, кто как умел, уже своим слушателям. А уж от них, через третьи и даже четвертые руки, по разным руслам они проникли в печать. Пройдя многоступенчатый путь, эти рассказы превратились в произведения народного творчества, а потому мы и воспринимаем их как легенды. Самой яркой стала легенда о том, как земляки подарили поэту коня, о которой здесь уже упоминалось.

Марфу Максимовну в 17 лет отдали замуж за михайловского парня Тимофея Коновалова в 1835 году, за два месяца до приезда Лермонтова-офицера в отпуск. Многим впоследствии казалось странным, откуда весьма преклонных лет старуха, прожившая почти всю жизнь в глухой деревне, могла знать про Лермонтовых и Арсеньевых так много подробностей. Как видим, для этого у нее имелись возможности. Она хорошо знала Михаила Юрьевича будучи еще семилетней девочкой, потому что жила на усадьбе, а потом, разумеется, видела его не раз, навещаясь к старшей своей сестре Александре, продолжавшей и после замужества жить, как и при отце, на той же тарханской барской усадьбе³⁰. А обслуга, как известно, больше знает о своих господах, чем кто-то другой.

В рассказах Марфы Коноваловой Лермонтов предстает человеком замечательным, удивительным, редким по душевной красоте и щедрости. Сама же она фигурирует в одном из них в качестве няни поэта³¹, хотя была моложе его. Кто и когда приписал ей эту роль — неизвестно. Но утверждать, что именно она сама выставила себя в роли няни, вряд ли правомерно, потому что ни один из ее рассказов не был написан ею самою. В устных же пересказах, как уже говорилось выше, трансформация неизбежна.

Вот таковы вкратце сведения о Марфе Коноваловой. О Марфе же Шубениной ничего не знаем, кроме того, что сообщил о ней А.С. Аббакумов в письме к В.А. Мануйлову, т. е. только возраст (114 лет) и место проживания — Михайловка. По этим признакам и предстояло ее найти. Для того я избрал ревизскую сказку 1850 года, где она должна быть зафиксирована обязательно, потому что этот документ государственной регистрации крепостных, под которым владелец имения (или его личный поручитель по доверенности) ставит подпись, ручаясь тем самым за подлинность представленных сведений. Но так как, повторяюсь, в ней крестьяне наследника Е.А. Арсеньевой А.А. Столыпина

²⁹ Гос. архив Пензенской обл. (ГАПО), ф. 60, оп. 4, д. 385.

³⁰ Музей «Тарханы». Исповедальные ведомости за 1859 г. ЛОМ-24. Л. 512 об.

³¹ Архив музея «Тарханы». Ф. 1, оп. 6/1, д. 11, л. 18.

по-прежнему не распределены по месту жительства, то, как подсобный документ, использованы исповедальные ведомости тарханской церкви Михаила Архангела, где все прихожане разделены по селениям. Каковы же оказались результаты?

Всего в ревизской сказке по Тарханам и Михайловке записано 18 крестьянок по имени Марфа. Но так как нам надо выбрать одну из них, которой в 1936 году насчитывалось 114 лет или около того, то из списка я исключил трех Марф, не имевших ста лет, и трех, близких к тому: 100, 102 и 103 года. Из оставшихся 12 отвел 9, значительно превышающих контрольный рубеж: 124 года и выше. В итоге осталось трое, возраст которых составил 114, 115 и 118 лет.

Сточетырнадцатилетней оказалась Марфа Ивановна Коляканова из Тархан³². Стопятинадцатилетней — Марфа Кузьмина — тоже постоянная тарханская жительница³³. И наконец, последняя из списка — стовосемнадцатилетняя михайловская крестьянка Марфа Максимовна Коновалова³⁴. Других женщин по имени Марфа в исповедальных ведомостях по деревне Михайловке не оказалось. Нет Марфы Шубениной и в ревизской сказке 1850 года.

Так, независимо от нашего пристрастия или непристрастия, автор легенд о Лермонтове снова предстала перед нами. Правда, она на 4 года старше указанного А.С. Аббакумовым возраста старухи, но подросток, надо думать, руководствовался не паспортом или каким другим уважаемым документом неведомой старухи, а записал возраст со слов тетушки.

На этом результаты моего исследования заканчивались, и мне пришлось все-таки обратиться к А.С. Аббакумову с прямыми вопросами. Я сообщил ему, что его письмо 1936 года опубликовано, и просил ответить на мои вопросы. «Надеюсь, — писал я, — что Ваша память удержала события очень далеких лет. В 1936 году Вы написали письмо в Москву о том, что какая-то старуха рассказывала Вам, будто настоящим отцом Лермонтова был простой кучер. Напишите мне подробнее, пожалуйста, обо всем: как звали старуху, где Вы с ней встретились, почему именно Вам она рассказала об этом. И все другое, что помните. Сообщите также, почему свое письмо Вы адресовали в Музей изящных искусств, советовались ли с кем по этому вопросу». Александр Сергеевич в ответном письме (штамп на конверте: «Донецк 01.11.03.») сообщал:

«Относительно моего письма по случаю родословной Лермонтова, я абсолютно не могу вспомнить эту женщину, которая мне рассказывала. Я даже самого факта посылки письма и то плохо помню. А рассказывала она мне потому, что я собирал фольклорные произведения. В 1937 году по этому случаю ко мне приезжал из Москвы Андроников. Я свел его с этой женщиной, и дальнейшую судьбу этого письма я не знаю».

---

³² ГАПО, ф. 60, оп. 4, д. 389, л. 674; музей «Тарханы», ЛОМ-24, л. 512 об.

³³ ГАПО, л. 621.

³⁴ ГАПО, л. 710; музей «Тарханы», ЛОМ-24, л. 428.

Естественно, что такой ответ породил новые вопросы. В частности, я усомнился, чтобы приезжал Андроников. В ответ на мои сомнения 21 января 2004 г. из Донецка мною было получено большое письмо:

«...С Александром Ивановичем [Храмовым] я встретился впервые в 1938 г. На митинге в селе Лермонтове рядом со склепом³⁵. Я на этом митинге выступал и читал свое стихотворение, посвященное Лермонтову. Александр Иванович меня похвалил и даже поцеловал. Литературой я в то время увлекался очень сильно, даже считал это целью моей жизни. Был активным корреспондентом «Чембарского колхозника» и «Волжского комсомольца», издававшегося в Куйбышеве [ныне — Самара].

Мы были тогда [не Пензенской области, а] Средне-Волжского края, и куйбышевская газета «Волжский комсомолец» была краевой. ...Но после того, как я оказался в армии, литературная работа была отложена. Особенно во время войны. Я получил во время войны 3 ранения, но выступать в армейских газетах не перестал. Последнее мое ранение было 20 августа 1944 г., самое тяжелое — перелом левой руки, перелом правой ключицы и пулевое ранение в ногу. В таком положении я выбирался из тыла врага 28 суток. Благо, что ранение в ногу не задело кость³⁶. Я до сих пор благодарен летчику, который успел открыть кассету, из которой я выпал. Парашют открылся на 16 м от самолета, в ночное время неудачно приземлился. После окончания войны меня направили на учебу в военную академию им. Фрунзе, но тщательная медкомиссия меня забраковала. Тогда, осерчав на все, я написал рапорт на увольнение из армии. Как же так? Командовать ротой я могу, а учиться не могу. Демобилизовавшись из армии, я проработал 2 года зав. парт. кабинетом в райкоме партии. Домой я не возвратился, а уехал по месту жительства жены. Там я сдал экстерном экзамен за среднюю школу и поступил в Ростовский университет. После райкома партии я проработал в высшей партийной школе, но она в 1949 г. была переведена во Львов, а переезжать из Донецка во Львов не захотел...

Вы интересовались некоторыми вопросами, я на них отвечаю.

Фольклорный материал я собирал не общий фольклор, а только народные предания о М. Лермонтове. Делал я это по заданию преподавателя литературы Чембарского педучилища, и эта пожилая женщина, что беседовала со

---

³⁵ А.С. Аббакумов, наверное, имеет в виду митинг на торжественном открытии музея 30 июля 1939 г. О том, что А.И. Храмов его знал уже в 1937 г., мы расскажем ниже.

³⁶ Сохранилась Справка следующего содержания: «Дана гражданину Абакумову Александру Сергеевичу в том, что он действительно в период Великой Отечественной войны при исполнении боевого задания в тылу противника 20 августа 1944 г. во время аварии самолета получил ушиб левого предплечья с переломом лучевой кости и отрывом шиловидного отростка локтевой кости и переломом правой лопатки, по поводу чего с 13.09.1944 г. по 3.10.1944 г. находился на излечении в ЭГ-1439. Справка выдана для предъявления в органы СОБЕСА. Основание: справка военно-медицинского музея МО СССР № 1669-в-1 от 23.04.1959 г.».

мой, проживала в Лермонтове. Припомнить ее имя я не могу. Знаю только, что ее мать работала у управляющего арсеньевским имением Журавлева³⁷.

Да, действительно в 1936 г. приезжал в Лермонтово Андроников, а узнав, что меня в Лермонтове нет, приехал в Чембар, где я учился в педучилище. В конце сентября секретарь педучилища меня вызвала с занятий в кабинет директора училища Бобырнева, там находился Андроников. Мы с ним беседовали минут 20, а затем я с ним уехал в Тарханы и познакомил его с этой старухой, что поведала мне.

Виктор Андроникович Мануйлов мне присылал письмо, пообещав мне, что мое имя будет упомянуто в его книге, а адрес мой узнал через Глеба Похвистнева³⁸, который приходил для этой цели к моей матери. Мариэтта Шагинян действительно была в Лермонтово, а вот когда, я точную дату не назову. Только об этом я узнал из газеты «Известия»³⁹, в которой была опубликована ее статья, и она в этой статье упоминала о своем посещении лермонтовских мест.

Моей ошибки в Андроникове нет, это действительно Андроников приезжал в 1936 году...

Педучилище я не окончил из-за крайне тяжелого материального положения. Мать содержать меня не могла, и я уехал со II курса на работу. Вот, кажется, я все изложил...».

Противоречия в ответах Аббакумова, а также умолчания на многие мои вопросы легко можно было объяснить давностью событий, связанных с написанием письма в Москву в 1936 г., а также действительно очень болезненным состоянием разбитого параличом старого человека. Но мне не давала покоя одна мысль, и в письме к нему 13 января 2004 г. я все-таки эту мысль высказал: «Мне все кажется, что Вы тогда, в 1936 году, решили подшутить. Разыграть лермонтоведов от избытка юмора. Такого рода розыгрыши в научной среде случались не раз, и умудренные опытом и знаниями ученые все-таки легко попадались на крючок. О Ваших же мальчишеских шутках и розыгрышах мне рассказывала Н. В. Рыбакова.

Потому прошу ответить, как сейчас, на склоне лет, Вы сами относитесь к своему письму в Музей изящных искусств».

5 апреля 2004 г. пришел ответ:

«Уважаемый Петр Андреевич!

Я Вам долго не мог писать по состоянию здоровья. А вот теперь с наступлением весны мне стало чуть легче. ...Состояние моего здоровья все идет к ухудшению. Уж осталось немного, сколько я протяну.

---

³⁷ П.Н. Журавлев управлял имением Тарханы с 1867 по 1902 г.

³⁸ Похвистнев Глеб Петрович — директор музея М.Ю. Лермонтова в Тарханах в 1950-х гг.

³⁹ Статья М. Шагинян «Тарханы» напечатана в г. «Известия» в 1937 г. с пометкой: «Тарханы, июль».

Ваши сомнения насчет моего письма в Москву совершенно напрасны. Я даже воспринял Ваше предположение как обиду. Я и теперь остаюсь при своем мнении. Столь трагическое положение семьи Арсеньевых и теперь меня убеждает, что этот вопрос исследован не до конца. Смерть мужа Арсеньевой, ранняя смерть дочери, незаконная ссылка в солдаты их кучера и теперь вызывает у меня массу сомнений. Я остаюсь при своем мнении. ...

С уважением к Вам А. Абакумов».

Итак, анализ источников, послуживших В.А. Мануйлову отправным материалом для выдвижения оригинального предположения о происхождении Лермонтова, показал:

действительно в 1936 г. тарханский 15-летний учащийся педучилища в г. Чембаре Александр Аббакумов прислал письмо в Московский музей изящных искусств с сообщением о якобы внебрачном происхождении Лермонтова. Оригинал письма хранится в Гослитмузее (Москва).

В 2004 г. тяжелобольной инвалид А.С. Аббакумов вновь подтвердил, что действительно слышал в 1936 г. от тарханской пожилой женщины рассказ о внебрачном происхождении Лермонтова и тогда же сообщил о том в Москву.

Двадцать два года спустя, в 1958 г., в своем письме к В.А. Мануйлову А.С. Аббакумов назвал имя женщины, от которой он в 1936 г. записал рассказ о якобы внебрачном происхождении Лермонтова: ею оказалась 64 — 65-летняя родная тетка Аббакумова Павлина Петровна Кузьмина, сестра его матери Татьяны Петровны. По словам А.С. Аббакумова, Павлина Петровна слышала этот рассказ от своей родственницы из соседней с Тарханами деревни Михайловки Марфы Шубениной.

Шестьдесят семь лет спустя (отсчет от 1936 г.) в письме к автору настоящей статьи (штамп на конверте: 01.11.03) А.С. Аббакумов указал, что «абсолютно не может вспомнить эту женщину, которая мне рассказывала». А в письме (получено 20.01.04) сообщил: «...эта пожилая женщина, что беседовала со мной, проживала в Лермонтове. Припомнить ее имя я не могу. Знаю только, что ее мать работала у управляющего арсеньевским имением Журавлева». Но из сообщения Т.Г. Илюшиной известно, что именно Павлина Петровна работала на барской усадьбе. Такие провалы в памяти скорее всего объясняются болезнью А.С. Аббакумова и давностью события. В том же письме читаем: «Я даже самого факта посылки письма и то плохо помню».

Поиски упомянутой в письме А.С. Аббакумова к В.А. Мануйлову (1958 г.) Марфы Шубениной оказались безрезультатными. В ревизской сказке 1850 г. по Тарханам и Михайловке таковой не значится. Не указана Марфа Шубенина и в исповедальной росписи тарханской церкви Михаила Архангела на 1859 г. (где впервые прихожане записаны пофамильно).

Вместе с тем, в Михайловке в указанное время действительно проживала современница Лермонтова, хорошо его знавшая и помнившая о нем женщина

по имени Марфа — Марфа Максимовна Коновалова, известная в лермонтоведении своими легендами о великом поэте. Есть основания предполагать, что именно она, М.М. Коновалова, стала источником легенды о внебрачном происхождении Лермонтова. К этому склоняет одно немаловажное обстоятельство: в Тарханах и Михайловке в прошлом широко было распространено (в некоторой степени сохранилось и поныне) употребление «уличных» фамилий наравне с официальными. Не исключено, что П.П. Кузьмина назвала племяннику не официальную, а «уличную» фамилию Марфы. Попытки выяснить, имела ли Марфа Максимовна такую дополнительную фамилию, не дали никаких результатов, потому что никто из современных старожилов Михайловки М.М. Коновалову не знал, так как она жила в другую эпоху и умерла где-то в 1910-х годах. В то же время, как показал настоящий анализ, современницей Лермонтова в Михайловке, дожившей до начала XX века, от которой П.П. Кузьмина могла слышать легенду, записанную Александром Аббакумовым, была только одна женщина — М.М. Коновалова.

В результате исследования бесспорно установлено, что письмо тарханского школьника А. Аббакумова от 14 августа 1936 г. в Московский музей изящных искусств, послужившее В.А. Мануйлову отправной точкой для написания статьи «Лермонтов ли Лермонтов?», содержит ложные утверждения, будто безымянная 114-летняя старуха якобы в 1936 году ему сообщила неизвестные сведения о происхождении Лермонтова, — такая старуха в действительности не существовала. В действительности предание он слышал от родной своей тетки П.П. Кузьминой, которая не являлась современницей указанных событий.

Вместе с тем вполне допустимо, что легенда о происхождении М.Ю. Лермонтова получена от известной его современницы Марфы Коноваловой.

Стержневое утверждение письма, будто Михаил Юрьевич не родной сын Юрия Петровича Лермонтова, не подтверждается ни одним убедительным доводом и вступает в противоречие с общеизвестными бесспорными фактами биографии поэта:

— Е.А. Арсеньева не принуждала дочь к замужеству за Ю.П. Лермонтова, а наоборот — противилась этому браку;

— Мария Михайловна вышла за Юрия Петровича «по страсти», и Юрий Петрович не гнался за имением, потому что выбрал невесту по любви;

— Юрий Петрович не отказывался от сына: все его попытки взять Мишу к себе наталкивались на решительное сопротивление Елизаветы Алексеевны.

Из чего явствует, что предположение В.А. Мануйлова о том, что «в письме Аббакумова и тарханской легенде может быть доля истины», не получило подтверждения.

* * *

Этими выводами наша статья завершалась в 2006 г. Никакого продолжения не предполагалось. Однако неожиданно открылись новые материалы, которые

побуждают спустя 6 лет возвратиться к прежней теме. В первую очередь того требует ранее неизвестное письмо В.А. Мануйлова к А.И. Храмову, датированное сентябрем 1937 г., которое и вводим в научный оборот. Оно содержит сведения о событиях в Чембаре, связанных с сенсационным выступлением Александра Аббакумова год назад. Этот годичный срок нам не был известен, а потому предлагаем письмо в полном объеме, с незначительным сокращением в самом конце.

«ДИРЕКТОРУ ДОМА ЛЕРМОНТОВА
в с. ЛЕРМОНТОВЕ А.И. ХРАМОВУ

Многоуважаемый Александр Иванович!

Посылаю Вам копию докладной записки Наркому Просвещения А.С. Бубнову. О дальнейшем движении этого дела сообщим Вам дополнительно. Статьи П.К. Шугаева и Н. Рыбкина о лермонтовских местах в Чембарском районе для Вас уже перепечатываются и будут высланы в течение ближайшей недели. Как видите, мы приняли соответствующие меры. Прошу и Вас не ограничиваться одними обещаниями и в самом срочном порядке прислать мне следующие материалы:

Копию обследования могилы Лермонтова.

Копию Вашего письма в редакцию газеты «Известия».

Копию записи рассказов старожилов о Лермонтове.

План села Лермонтова и усадьбы Арсеньевой.

План дома Лермонтова (1-й и 2-й этаж).

Поторопите, пожалуйста, А.С. АББАКУМОВА с розысками 114-летней старушки, которая, по его сведениям, живет в Тархове и располагает сведениями о Лермонтове.

Передайте, пожалуйста, Марии Ивановне, что бумагу для ее записок я вышлю в ближайшие дни и прошу ее немедленно приступить к переписке и присылать мне эту работу по частям.

Разрешите еще раз поблагодарить Вас за исключительно теплый прием, который Вы мне оказали в Чембаре и селе Лермонтове. Пишите мне по адресу: Ленинград, 46, М. Посадская, 10, кв. II. В.А. Мануйлову. <...>

21/IX-1937. Ваш В. Мануйлов⁴⁰».

Как видим, отношения лермонтоведа и директора музея не только дружеские, но и взаимно полезные. Мануйлов, кроме официальных услуг, взял на себя непомерный труд упорядочить бессистемные записки матери Александра Ивановича, сделать хотя бы удобочитаемыми. Многие страницы рукописи Марии Ивановны находились безо всякой связи событий и лиц, писались не только чернилами, но и карандашом, к тому же цветным: красным или синим.

---

⁴⁰ ГАПО, ф. 1931, оп. 1, д. 2, л. 31..

Многие страницы не были обозначены. Работа предстояла долгая, кропотливая, и тот план, который Мануйлов предложил, был первостепенно необходим и верен. Ученый намеревался хотя бы частично опубликовать «Записки», ибо в те короткие день-два, что ему пришлось гостить у Храмовых, он мог всего лишь полистать их. Но и беглого знакомства хватило, чтобы понять культурно-историческую ценность замечательного труда. Кроме того, и это, наверное, главное, Виктор Андроникович надеялся найти в нём следы того, о чём Мария Ивановна не захотела с ним говорить. Интерес же биографа к сообщению Александра Аббакумова, что тоже видно из письма 1937 г., не снижался, потому-то пришлось просить содействия у Храмова: «...поторопите, пожалуйста, А.С. Аббакумова». Аббакумов же, как нам известно ныне, не очень торопился. Вздворажив деятелей культуры Москвы и Ленинграда, он умолк на двадцать два года.

К сожалению, замысел Мануйлова привести «Записки» в божеский вид не осуществился. В 1978 г. они стали собственностью музея В.Г. Белинского в Чембаре, по ним сделан обзор, но по-прежнему не перепечатаны, т. е. находятся в том же первозданном виде. Однако интерес к ним не ослабевает, отдельные фрагменты изучены и опубликованы.

Среди этих публикаций есть сообщения современников Лермонтова о Тарханах и их обитателях. Так, в 2003 г. в научном сборнике музея Лермонтова «Тарханский вестник» (выпуск № 16) приведен рассказ, записанный М.И. Храмовой от бывшей современницы поэта тарханской крестьянки Е.Т. Шубениной, в девичестве Баландиной:

«Говорила Елена Трофимовна Шубенина и смеялась: «Вот раз шла цыганка с ребенком, зашла на людскую. Дядюшка Степан позвал старенькую свою, слабенькую Елизавету Алексеевну. После смерти [ее] внука всем хотелось [ее] чем-либо развлечь. Пришла с посошком, спрашивает: «Сколько ребеночку? Смотри, хворенький». Приказала накормить молодую цыганку с ребеночком.

Работница сняла с бруса мягкий ржаной ситник, нарезала, молока дали и краюшка лежит на столе. Вдруг в окно цыганенок-мальчишка смотрит и что-то лепечет, и цыганка тоже ему отвечает <...>, схватила со стола краюшку, да как бросит в него в окно. Мальчишка завопил, а краюшку ухватил и побежал. А цыганка перед барыней все так стала говорить: вот, мол, из терпения вывел <...>. Все на людской хохотали, сама Елизавета Алексеевна развлеклась, улыбнулась <...>⁴¹»

Забавное происшествие, описанное в этом сообщении, реальное событие, ибо свидетельницей ему была сама рассказчица Елена Трофимовна. Она

---

⁴¹ Кол्यान Т.Н. Людская изба на барской усадьбе в Тарханах. // Тарханский вестник. Вып. 16. 2003. С. 20. В первом путеводителе по музею Е.Т. Шубенина фигурирует под девичьей фамилией — Баландина. Корнилов В. Тарханы. Музей-усадьба М.Ю. Лермонтова. М., 1948. С. 57, 64.

родилась в Тарханах 20 мая 1831 г.⁴² Ей было уже 10 лет, когда Лермонтова убили, потому и запомнила, как Елизавета Алексеевна вызывала всеобщее сочувствие и жалость. Елена Трофимовна назвала подлинное имя дворового человека, который позвал барыню в людскую. Это был не кто иной, как сам управляющий имением Степан Иванович Рыбаков. Кого другого Елизавета Алексеевна, может, и не соизволила бы выслушать, а своего главного помощника и советчика ценила. Это о нем в письме к внуку в 1834 г. она писала: «Степан хорошо смотрит...». Эти слова означали, что, возвратившись домой после семилетнего отсутствия, она осталась довольна состоянием дел в имении, которое с 1833 г. находилось на попечении Степана Рыбакова. А до того много лет он служил при барской конторе, и за отменное усердие и грамотное ведение хозяйственных и других дел удостоился чести, чтобы внук барыни с ее соизволения стал восприемником от купели всех его четверых сыновей. Эти крестники Лермонтова-мальчика приходились Елене Трофимовне двоюродными братьями, ибо ее мать Аграфена Ивановна Баландина (в девичестве Рыбакова) состояла со Степаном Ивановичем в самом близком кровном родстве: была его родной сестрой. Поэтому Елена Трофимовна не оговорила, назвав управляющего в случае с цыганкой «дядюшкой Степаном»: действительно она была его родной племянницей. С ее слов Мария Ивановна Храмова записала несколько рассказов о том времени, когда та еще жила в Тарханах и не переезжала в Чембар. Один из них относится к 1910 г. В нем содержатся сведения о перевозе останков Лермонтова из Пятигорска и о перезахоронении его на церковном кладбище в центре села. Елене Трофимовне в то время было 11 лет. Вот как передала на бумаге ее рассказ М.И. Храмова (приводим с ее орфографией):

«Как узнала [бабушка, что] он [внук] умер все крепилась собралась сорянулась вовсе черное поехала хлопотать в Чембар и в Пензу разрешили ей перевезти тело на свои могилы. Она плачет а все в один голос сказали на головах принесем мужики любили его... Наши тарханские поехали на лошадях в три месяца на четвертый обротили приехали привезли говорили целехонек лежит только что потемнел немного духами весь был облитой сохранился благополучно доехали⁴³».

Перед нами два разных по содержанию рассказа Е.Т. Шубениной, разных по характеру и настроению, интересных, но одинаково ценных, потому что рассказчица была свидетельницей сама: что увидела, о том и рассказала, о чем слышала, то и поведала, а Мария Ивановна перенесла информацию на бумагу.

Если бы Елена Трофимовна сообщила что-нибудь близкое к тому, о чём составлено письмо подростка Аббакумова, то ее сведения могли бы стать для нас полезными. Однако ничего даже отдалённого в «Записках» нет. Почему?

---

⁴² Кольян Т.Н. Там же.

⁴³ Храмова М.И. Записки воспоминаний старины. — Музей В.Г. Белинского в г. Белинском Пензенской обл. Рукопись. Ф. 2, оп. 1, ед. хр. 14. С. 665.

Значит, скажем мы, ничего такого за Марией Михайловной не водилось. Такой наш ответ вполне естественен. Но точку здесь ставить нельзя, потому что неизбежно рождается новый закономерный и естественный вопрос: «От кого в таком случае Мария Ивановна могла узнать обстоятельства, изложенные в письме Александра Аббакумова, если не от Елены Трофимовны, с которой была дружна много лет? Понятно, что популярная вездесущая профессия акушерки и знахарки позволяла ей проникать и бывать везде и знать всё. Но глубокие тайны оставались тайнами, за очень редким исключением. Елена же Трофимовна, как и Марфа Максимовна, росла в Тарханах, в среде ближайшего окружения прислуги Арсеньевой, и таковой, т. е. своей, оставалась здесь до конца, недаром личные церковные книги Елизаветы Алексеевны достались ей на память (о чём скажем ниже). Мария же Ивановна оставалась для всех чужой, будь даже здесь безвылазно, ибо кровных корней у неё в Тарханах не было. А потому тайны для неё были закрыты наглухо.

А между тем Е.Т. Шубенина, как никто другой из окружения М.И. Храмовой, «подходит» к настоящему случаю. Мы располагаем материалами, которые указывают на Елену Трофимовну как на постоянного в доме Храмовых информатора событий, наполнявших усадьбу Тарханы в лермонтовские времена. Если Александр Аббакумов пользовался сведениями, о которых он через свою тётку узнал от Марфы Максимовны, то, независимо от этого тарханского источника, Мария Ивановна получила те же сведения (или близкие к ним) от племянницы бывшего управляющего имением С.И. Рыбакова, Елены Трофимовны Шубениной.

Такой совершенно непредсказуемый и неожиданный поворот событий круто меняет наше отношение к письму Аббакумова 1936 г. Если первоначально еще можно было подумать, что он свое послание выдумал сам, то теперь такого рода вариант отпадает начисто, ибо главная мысль его сообщения подтверждается записями известного чембарского летописца-краеоведа М.И. Храмовой. Аббакумов на самом деле получил сведения из других рук, а не выдумал их. Оказывается, другая линия пути легенды шла параллельно с аббакумовской, взяв начало там же, в тарханской усадьбе, и замкнулась в одном и том же финале в Чембаре, в руках В.А. Мануйлова. Вновь открытые в 2013 г. материалы помогли нам установить столь интересные и важные факты. Рассмотрим эти материалы подробнее. Возвратимся к рассказам Е.Т. Шубениной в семье Храмовых.

Атмосфера при встречах женщин располагала к откровенному разговору, и сами встречи не были случайными. Условия для неторопливых бесед складывались непринужденно и часто, и отношения между ними процветали самые душевные и дружеские. Более того, собеседницей Елены Трофимовны выступала не столько Мария Ивановна, сколько ее мать, близкая ей по возрасту. «Моя мать Александра Прокофьевна, — вспоминала Мария Ивановна, — с

Еленой Трофимовной всегда говорили, подчас плакали над жизнью старушки Арсеньевой; ходила она к нам постоянно»⁴⁴.

«Всегда говорила о старушке Арсеньевой» — означает, что семейная тема Арсеньевых-Лермонтовых оставалась первостепенной и неугасающей. «...Сидела у меня Елена Трофимовна, — сообщает Мария Ивановна в тех же «Записках», — у ней всегда разговор о своих господах <...> Михаила Юрьевича помянула»⁴⁵.

Приверженность к барыне и к ее семье определяла и ее память о тарханских господах. «Принесла Елена Трофимовна мне, — читаем в рукописи М.И. Храмовой, — узелок с книгами. Все просила поберечь в периплете чистом книги моих господ. Муравьева Путишествие ко Святым местам Св. Николая в стихах сочинение М.Ю. для бабушки мальчиком, молитвенник старый 1778 г. по краям писанный рукой Л-ва и М.М. Арсеньевой, училище благочестия Св. Арсения»⁴⁶.

Поэтому никак нельзя представить, чтобы женщины умалчивали совсем о судьбе Марии Михайловны. Если говорить было грешно с посторонним человеком о причинах несчастий, то писать еще грешнее. Потому, наверное, и не появилось в записках о том никаких сведений. Говорить же между собою, конечно, старухи говорили изредка, если им что-то было известно. А Мария Ивановна слушала и потому сказала Мануйлову: «от старух слышала». В интимном, очень узком кругу повздыхать о трагической судьбе семьи Лермонтовых, а заодно получить повод произнести имя Божье и попросить Его упокоить их беспокойные души. Все это было естественно и необходимо не только для памяти убиенного Михаила и усопших его родителей и бабушки, но и для смягчения собственного душевного неспокою. Мария Ивановна в одной из своих записей упомянула о превратностях судьбы тарханской землячки и современницы Лермонтова: «Елена Трофимовна была живая старушка, разговорчивая, худенькая. А работала до самой смерти. Жить и умереть ей пришлось одной. Семья ее, дети далеко от нее»⁴⁷.

В доме Храмовых Елена Трофимовна нашла сочувствие и утешение, без которых нелегко нести горестный груз одинокого преклонного существования. Как же тут удержаться, чтобы не поведать о тайне «великой грешницы», о которой шепталась прислуга в близком окружении барыни Арсеньевой. Так мать и дочь Храмовы стали в Чембаре хранителями этой тайны. Если не так, тогда почему Мария Ивановна не ответила Мануйлову на его прямой вопрос, что это не больше и не меньше, чем сплетня? Зачем добавила подтверждающий косвенный довод о грешнице, да к тому же «великой»? Что кроется за ее заключительными словами: «больше ничего не скажу»? Все эти недомолвки и глубокомысленные намеки не отрицают, а утверждают, что Мария Ивановна

⁴⁴ Кольян Т.Н. Указ. соч. С. 20.

⁴⁵ Храмова М.И. Записки... Ф.2, оп. 1, ед. хр. 15. С. 662.

⁴⁶ Там же. С. 293.

⁴⁷ Там же. С. 662.

знала тайну рождения поэта в подробностях. Разумеется, в том освещении, которое явилось ей из разговоров двух старух. Знала в том же смысле, что и Александр Аббакумов, изложивший ее в своем письме 1936 г. Только, наверное, подробнее.

Она непоколебимо убеждена была в греховном падении Марии Михайловны, потому, не колеблясь, твердо вынесла ей свой беспощадный приговор перед лицом столичного ученого и уважаемого гостя. Все эти сведения пришли к ней, повторимся, одним путем: от Е. Т. Шубениной.

Елена Трофимовна в описываемый период жила в городе Чембаре. Когда умерла Е. А. Арсеньева, племяннице управляющего было всего четырнадцать лет. А перебралась в Чембар, по всей вероятности, где-то после отмены крепостного права (1861), тем более что ее покровителя, дядюшки, к этому времени уже не было в живых. Ей было тридцать лет, и вся прошлая жизнь в Тарханах осталась в ее памяти связанной тесно именно с бабушкой поэта. Даже, может, она прислуживала Елизавете Алексеевне, читала ей церковные книги, научившись грамоте у Степана Рыбакова. Не случайно ведь они достались именно ей. Их тенденциозный подбор в ее узелке нацелен на домашнее чтение. И хотя «Путешествие» А. Н. Муравьева чисто богословским, наверное, назвать нельзя, однако религиозная позиция в ней полная и для домашнего чтения вполне допустимая.

Нельзя также считать, наверное, случайностью и присутствие Елены Баландиной вместе с барыней в людской избе в эпизоде с цыганкой. Как и зачем она там оказалась?

Крестьянские девочки ее возраста (а ей было, судя по глубокому трауру госпожи, 12 — 14 лет) уже в полную меру исполняли полевые работы вместе со взрослыми: пололи посевы хлебов, на лугах сгребали сено (окно открыто — лето), а в уборочную страду помогали вязать снопы или исполняли иные нескончаемые дела. При каком деле могла находиться Елена Баландина на барской усадьбе, если ее семья считалась не дворовой, а барщинной и проживала не на господской усадьбе, а в собственной избе в селе? В ревизской сказке 1834 года девочка значится как дочь крестьянина Трофима Баландина. Его семья не была отделена от общего хозяйства родителей и братьев и числилась под № 12⁴⁸. А это доподлинно означало, что изба Баландиных стояла на улице Бугор. И если избытые строения пересчитать начиная от церкви Михаила Архистратига, то изба стояла от храма на шестом месте, то есть совсем близко к центру села и очень далеко от людской избы. Туда надо проделать длинный, чуть не с версту, путь: до конца улицы, которая в то время заканчивалась перед Ванежкиным оврагом, пройти его, выбраться на пустынную тогда, заселенную ныне, луговину под названием Левада, пересечь ее и обогнуть усадьбу с северо-востока по плотине Большого пруда. Или, сократив дорогу, через плотину Малого пруда добраться до барского дома. В нем или где-то

---

⁴⁸ ГАПО, ф. 60, оп. 4, д. 303, л. 119.

возле него в момент «цыганского» случая находилась барыня, и Елена Баландина — возле нее. Иначе как бы она могла услышать, как дядюшка позвал Елизавету Алексеевну в людскую, и девочка тоже последовала с ними. Она смотрела весь эпизод не из-за угла, не из-за косяка двери, а вошла вслед за хозяйкой имения прямо в комнату. Запомнила реплики, разглядела, что хлеб сберегался на бруссе и каравай именно ситный, то есть лучшего качества, ибо испечен был из муки, просеянной через сито, а не через решето, заметила, что краюшка осталась на столе, что и возбудило интерес мальчика-цыганенка, стоявшего за окном.

Конечно, можно допустить, что день был праздничный и Елена пришла на усадьбу навестить дядю да и увязалась за ним, как прослышала о цыганке.

Однако, на наш взгляд, вернее будет, если скажем, что Елена Баландина потому, наверное, не парилась на жаре в поле, как ее сельские сверстницы, что дядюшка Степан выучил ее грамоте и пристроил племянницу возле барыни, и не для того, чтобы «мести и убирать» (по Грибоедову), как то вменялось в обязанность горничным, а скрашивать печальный быт барыни. Девочка-подросток на посылках, живая, сметливая, уже с этого возраста невольно оказалась в самом центре бытовых и житейских интересов и проблем своей госпожи. Прошрое тоже, разумеется, напоминало о себе. Как поняла, как запомнилось — получило отражение, хотя и отрывочное, в записях М.И. Храмовой. Дружба с Еленой Трофимовной оказалась столь прочной, что даже по прошествии длительного времени Мария Ивановна обращалась к памяти о тарханской современнице М.Ю. Лермонтова. «Как умерла Шубенина, — читаем в «Записках», — прошло 32 года...»⁴⁹. На месте, откуда взята эта запись, дата не указана, а потому определяем время смерти Елены Трофимовны приблизительно. Сама Мария Ивановна скончалась в 1946 г. Допустим, что запись о смерти Елены Трофимовны она сделала в последний год своей жизни, то при вычете из 46-ти 32-х получаем 1914. Рассказ о перевозе праха, как помним, выполнен в 1910 г. Значит, Елена Трофимовна скончалась где-то между 1910 — 1914 гг.

Надо думать, что М.И. Храмова вносила в ее рассказы кое-что свое, индивидуально, что всегда бывает с творческими натурами. В настоящее время отделить это «свое» почти невозможно. И все-таки кое-что в этом направлении нам удалось сделать. Давайте сравним между собою два варианта рассказа Елены Трофимовны о перевозе праха Лермонтова из Пятигорска в Тарханы.

Первый вариант напоминает собою набросок, на скорую руку записанный Марией Ивановной, вероятно, сразу же, как Елена Трофимовна сообщила его. Он приведен нами выше.

Второй вариант, выполненный ею же, датируется 1910 годом. Он в обработанном виде. В нем речь идет уже от первого лица, т. е. будто Елена Трофимовна выступает как рассказчица, и речь ее грамотная и стройная. На самом деле

---

⁴⁹ Храмова М.И. Записки... Ф. 2, оп. 1, ед. хр. 15. С. 294.

здесь многое добавлено самой Марией Ивановной, а впоследствии поработали над текстом научные сотрудники музея. Читаем его:

«Михаил Юрьевич с малых лет был очень почтительным к своей бабушке Елизавете Алексеевне. Я была из дворовых крестьян и частенько видела его в саду. Он всегда сидел с книгами и бумагами. Елизавета Алексеевна очень любила своего внука, она была набожная, соблюдала все посты и подолгу молилась за здоровье Мишеньки. Весть о его убийстве словно громом ее поразила. С лица совсем она сменилась и тут же одела на себя все черное. Стала она хлопотать о перевозке тела Михаила Юрьевича в Тарханы. Вскоре снарядили наши тархановские пять подвод и поехали на Кавказ. После рассказывали мужики, что в деревянном гробу он целехонек лежал, только потемнел немного. Вложили они деревянный гроб в свинцовый, запаяли его и тронулись в Тарханы. Долго ездили мужики — далек был путь — три месяца туда и обратно. Привезли гроб на Святой неделе. Народу собралось в Тарханы со всего уезда. С почтением мы хоронили нашего родимого Михаила Юрьевича⁵⁰».

Основных отличий по содержанию два. Первое — допущены грубые фактические ошибки. Второе — тексту придан религиозный оттенок.

Елена Трофимовна не могла сказать, что она «частенько видела» Михаила Юрьевича в саду, потому что в 1828 г., когда он уехал из Тархан на учебу в Москву, она еще не родилась. Поэт возвратился в отпуск только в последние дни 1835-го, ей шел всего пятый год, и если с большой натяжкой допустить, что ее младенческий взгляд и останавливался случайно на нем, то понять значение такого события она не была еще способна. Да и трудно представить реальной картину: М.Ю. Лермонтов в аллее, к тому же с книгой и бумагами, — на морозе, в заваленном снегом саду. Хотя аллеи были, наверно, прочищены, но парковые скамейки обычно на зиму убирают под навес на хоздворе. Отпуск продолжался весь январь и половину февраля 1836 года, и все время стояла морозная и метельная погода. «Я теперь живу в Тарханах, — писал Михаил Юрьевич 16 января 1836 г. в Петербург другу Святославу Раевскому, — <...> слушаю, как под окном воеет метель (здесь все время ужасные, снег в сажень глубины...)».

Поэт после 1836 года в Тарханах не бывал, поэтому у Елены Трофимовны не могло остаться никаких о нем личных впечатлений. Этим, конечно, объясняется упоминание Михаила Юрьевича в «Записках» М.И. Храмовой в самых общих чертах.

Второе отличие — религиозные интонации — тоже, на наш взгляд, внесены Марией Ивановной в рассказ о перевозе праха Михаила Юрьевича, а не произнесены Еленой Трофимовной. Они искусственно вставлены в ее сообщение и не несут никакой смысловой нагрузки в эпизодах поездки мужиков на Кавказ, вскрытия деревянного гроба и во всем остальном. Особенно упо-

---

⁵⁰ Архив музея «Тарханы». Ф. 1, оп. 6/1, д. 11, л. 20.

минание о том, что Елизавета Алексеевна «соблюдала все посты». Эти «дорисовки» Марии Ивановны характеризуют лишь ее саму. Чувствуется, что, по ее понятиям, тот, кто не соблюдает их, вроде бы и не настоящий христианин. И неуклонное исполнение всех церковных требований абсолютно и бесспорно, обязательно, а отступление от них — большой грех, непростительный. В свете такого принципиального обстоятельства становится понятной суровость Марии Ивановны в отношении несчастной Марии Михайловны: ни прощения ей, ни снисхождения. Все — грех. Неспроста в короткой фразе, сказанной Мануйлову, прозвучало слово «грех» дважды. Не много ли?

С другой стороны, дополнения к рассказу Елены Трофимовны религиозного звучания ясно указывают на отсутствие его в устах рассказчицы. Особенно характерно о том говорит последнее предложение. И насколько эта формальная, внешняя ритуальность не важна, хотя и не вредна, свидетельствует потеря живого, действенного, яркого и удивительного эпизода: в ответ на слезы бабушки — готовность мужиков нести гроб с прахом ее внука на головах с самого Кавказа. А он-то (этот эпизод) Марией Ивановной как раз и пропущен, исключен при последующей обработке текста. А в нем-то — этот бесценный по выразительности и сущей правде весь смысл происходящего.

Александр Иванович Храмов остался холостым. Ко времени создания мурзеев (1936 — 1939) он жил с матерью и сестрой Анной Ивановной, у которой росла дочь Валентина. Здесь, в семье Храмовых, царила атмосфера историко-литературных интересов.

Судя по всему, Александр Иванович стоял в стороне от позиции матери по отношению к Марии Михайловне. А может, даже не соглашался с нею, возражал, не поддерживал ее в домашних разговорах и даже спорил. А отсюда — несогласие по тому или другому вопросу. Только этим можно объяснить его пассивное поведение при розысках 114-летней старухи Мануйловым. Подумать только: столичный ученый приехал специально по этому делу, а он — безучастен. Находясь в должности заведующего Домом учителя, Александр Иванович мимоходом, без особого труда мог узнать, скажем, от учителей семилетки села Тархова о долгожительнице тогда же, в 1936 г., тем более что Тархово — под боком, всего в каких-то четырех километрах от Чембара. Он не удосужился даже шевельнуть пальцем. А между тем Храмов был по натуре отзывчивым, добрым и обязательным. Без сомнения, Мануйлов, уезжая восвояси ни с чем, просил его не оставлять поисков. Прошел целый год, и ученый к нему с тем же: «Поторопите, пожалуйста, А.С. Аббакумова с розысками... в Тархове...». Но дело так и не сдвинулось с места, хотя в статье и написано: «...в Тарханах и Тархове сообщение А.С. Аббакумова подтверждали Н.Г. Баландин — 80 лет, А.С. Куртина — 82 года, и М.И. Грачунова — 75 лет»⁵¹. Все трое коренные жители Тархан, а тарховских — никого. И вообще остается непонятной привязка Мануйловым Тархова к письму Аббакумова.

---

⁵¹ Мануйлов. В.А. Лермонтов ли Лермонтов? С. 293.

Попутно заметим, что в своем письме Мануйлов безо всякого вступления или объяснения просит Храмова поторопить Александра Аббакумова, из чего заключаем, что Александр Иванович к 1937 г. хорошо знал молодого тарханца и Мануйлов был достаточно о том осведомлен. Кем же? Конечно, Храмовым, который часто наезжал в Москву. При решении многочисленных организационных вопросов, о которых дает представление письмо 1937 г., между делом Мануйлов, надо думать, не упускал случая обмолвиться с директором музея и о неуловимом авторе письма 1936 г.

Как и где познакомились Храмов и Аббакумов и что послужило основанием возникновения не столь частой связи взрослого со школьником? Их объединяла любовь к поэзии. Вспомним, что Александр Аббакумов заканчивал Крюковскую семилетку с тетрадкой, исписанной собственными стихами. В Чембарском педучилище, куда он поступил в том же 1936 г., преподавал методике рисования Храмов, который с 1935 г. приступил к созданию музеев М.Ю. Лермонтова в Тарханах и В.Г. Белинского в Чембаре. Он ставил спектакли в Народном Доме и на заседаниях литкружка при районной газете помогал молодым поэтам осваивать основы стихосложения. Первый экскурсовод музея в Тарханах, а потом директор музея В.Г. Белинского Федор Алексеевич Забнев вспоминал, что, будучи учеником педучилища, он уроки стихосложения получил именно от Храмова. «...Александр Иванович, — отмечал Забнев, — горячо любил всякого, в ком, по его словам, есть «искра Божья», кто умел петь, плясать, рисовать, писать или играть на сцене... Он заинтересовался моими стихами, просил приносить их к нему на просмотр»⁵².

В эти же годы Храмов заметил и приласкал и начинающего тарханского поэта. Живой, задорный, обаятельный молодой человек привлек к себе внимание не одного Храмова. Недоучившегося земляка Лермонтова взяли на работу в райком комсомола, но через год, когда Забнева в 1939 г. призвали на военную службу, Александр Иванович, как помним, на освободившееся престижное место экскурсовода Лермонтовского музея сманил «запасного» своего любимца Александра Аббакумова. Это была дружба учителя и ученика. Однако зародилось это плодотворное сотрудничество уже после того, как аббакумовское письмо ушло в Москву. В июне 1936 г. молодой поэт закончил Крюковскую семилетку. В июле сдал вступительные экзамены в педучилище. В августе сочинил свое злосчастное послание. В сентябре приступил к учебе в новом учебном заведении, и в сентябре же приехал Мануйлов. Но Аббакумова в Чембаре еще никто не знал, как и он не знал никого. Поэтому командировочные дни ученого ушли на поиски автора, а не на поиски древней старухи.

В биографии М.Ю. Лермонтова Александр Аббакумов, судя по всему, разбирался слабо и даже спутал в письме отчество матери поэта. Оно и понятно, семилетка не давала полных и последовательных знаний жизни и творчества писателей, ограничиваясь о них краткими сведениями, что вполне соответс-

---

⁵² Забнев Ф.А. Истоки. Музей В.Г. Белинского. Рукопись.

твовало возрастным данным учащихся. Только с 8-го класса средней школы их жизнь и творчество преподносились в системе. Программы в педучилищах всегда несколько укорочены из-за включения методик, которых нет в средней школе. И все-таки для 15-летнего возраста материала в них достаточно, а его изложение вполне доступно для освоения. Ознакомимся с отрывком из учебника по литературе для педагогических училищ. Возьмем начало биографии Лермонтова, то самое место, где дается описание детства поэта и где четко и убедительно прописан ответ на главный вопрос его письма: отец поэта не отказывался от сына, а настойчиво добивался перемещения его из Тархан к себе домой.

СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ.

РАННЕЕ ТВОРЧЕСТВО.

Михаил Юрьевич Лермонтов родился в Москве 2 октября 1814 г. Отец Лермонтова, армейский капитан в отставке, — потомок старинной шотландской фамилии Лермонт. Мать, аристократка Арсеньева, вышла замуж за бедного нечиновного дворянина против воли родных.

Двух с половиной лет Лермонтов лишился матери, с тех пор он рос и воспитывался в селе Тарханы Пензенской губернии в имении бабушки Арсеньевой, которая после смерти единственной дочери с согласия отца взяла на себя заботы и попечение о внуке. Мотивируя тем, что отец не в состоянии дать сыну требуемого воспитания, властная, гордая аристократка из года в год отклоняла просьбы зятя вернуть ему сына и прилагала все усилия к тому, чтоб отдалить ребенка от отца.

Распорядок замкнутой однообразной жизни дворянской усадьбы с боннами и гувернерами нарушался постоянными ссорами между бабушкой и отцом, приезжавшим за сыном. Эти условия жизни оставили след и наложили глубокий отпечаток на психологию ребенка. В дальнейшем эти впечатления послужили темой ряда его произведений («Люди и страсти», «Странный человек», «Ужасная судьба отца и сына»)...

Такова была официальная точка зрения.

Учебник, из которого сделана выписка, имеет на титульном листе штамп: «Библиотека Чембарского педучилища. Инв. № 5030». По нему обучались 75 лет назад. Он вышел из печати в 1938 г. третьим изданием. Александр же Аббакумов осваивал Лермонтова в 1936 или 1937 г. по второму изданию, вышедшему несколькими годами раньше. Тексты обоих изданий, как явствует из выходящих данных, повторяют друг друга, поэтому за отсутствием книги второго издания мы воспользовались третьим.

---

⁵³ Гакаева А.Г., Дубовиков А.Н., Озерова А.А. Русская литература XIX века. Учебник для педагогических училищ. Издание 3-е. М., 1938. С. 154. Собственность музея В.Г. Белинского.

Из приведенного отрывка Александру Аббакумову на уроках литературы предстояло узнать, что один из опорных аргументов его письма оказался в прямом противоречии с учебником. Однако ничто не поколебало его взгляда на события: он остался убежден, что «вопрос исследован не до конца» (письмо от 5 апреля 2004 г.).

Таковы сведения, полученные нами в результате изучения писем Аббакумова и Мануйлова и связанных с ними лиц и событий. Эти сведения являются новым основным научным материалом, позволяющим сделать конкретные выводы. А именно: вопреки утверждению Александра Аббакумова, никакой 114-летней старухи — современницы М.Ю. Лермонтова — в г. Чембаре и Чембарском районе на 1936 г. не существовало, а потому, естественно, не было и не могло быть с нею встречи автора письма. Он родился в 1921 г., когда долгожительницы М.М. Коноваловой, от которой к нему поступили через Павлину Кузьмину сведения, уже не было на свете. Да и сама Марфа Максимовна не была первой из тех, кто принял легенду лично от священника.

Цепочка лиц, через которых дошло предание до тарханского школьника, пополнилась не только Павлиной Кузьминой. Ступеньку между священником и Марфой Коноваловой занимала его прислуга, а потому схема цепочки вырисовывается довольно четко такой: Е.А. Арсеньева — священник — работница в его доме — Марфа Коновалова — Павлина Кузьмина — Александр Аббакумов.

Почему же Марфа Коновалова отодвинута нами на ступень ниже, тогда как Александр Аббакумов долгожительницей, получившей эстафету от священника, считал ее? Объяснение здесь самое простое. Во-первых, устное сообщение при переходе от одного лица к другому неизбежно подвергается изменению, и чем длиннее путь и чаще пороги, тем отличие начального текста от конечного увеличивается. Такова общеизвестная закономерность любой трансформации. Во-вторых, Марфа Максимовна не могла служить у священника, а потому не имела условий узнать тайну из первых рук. Вспомним, что она весь век прожила в деревне Михайловке, где никаких церквей никогда не было, а, следовательно, священники там не проживали. Однако она, как и все прихожане из Михайловки, по воскресеньям и в другие праздничные дни бывала в Тарханах у обедни. На барской усадьбе жила ее сестра Александра, а потому Марфа Максимовна всегда была в курсе всех усадебных новостей — как явных, так и тайных.

Подчеркнем, что с 1826 г. по 1840 г. служба совершалась лишь в усадебной церкви Марии Египетской, потому что сельская Никольская была закрыта «из-за ветхости», а храм Михаила Архангела все эти годы строился. Поэтому барская усадьба в праздничные дни становилась очень многолюдной, и каждый прихожанин мог видеть барчонка, который в сопровождении бабушки участвовал в богослужениях. Здесь не одна добросердечная душа получала полную возможность для умиления от созерцания замечательной господской пары: старого и малого — и посетовать о том, что при живом отце мальчик вроде бы

как сирота. Почему? Этот вопрос всегда стоял неослабевающим упреком отцу, ибо его завещание никому не было известно до его первой публикации в «Историческом вестнике» в 1898 г. (№ 10). Так рождались и созревали надуманные причины, которые дошли до нас в аббакумовском письме. В той же усадебной атмосфере возникла и распространилась «аббакумовская» легенда.

Вслед за В.А. Мануйловым, без всякого сомнения заявившего в своей статье, что тарханский священник «исповедовал Елизавету Алексеевну и мог знать семейную тайну Арсеньевых», мы выше условно, не противореча профессору, придерживались этой гипотезы. Она служила нам рабочим подспорьем. Теперь же настало время взять предположение В.А. Мануйлова под сомнение. Действительно, на основании каких фактов он решил, что Елизавета Алексеевна открыла тайну о грехе дочери на исповеди?

В письме Александра Аббакумова нет ничего, напоминающего исповедь, и само это слово отсутствует. Прочтем снова соответствующее место письма: «...она (т. е. работница. — **П. Ф.**) жила у попа в прислугах. Последний ей рассказывал, как бабушка (т. е. Елизавета Алексеевна. — **В. М.**) заставила его скрыть грех ее дочери...».

Где же здесь исповедь? О семейной тайне, как явствует из письма Аббакумова, первой сообщила не Е.А. Арсеньева, а «рассказывал» священник! Более того, позиция Елизаветы Алексеевны зафиксирована в прямо противоположном исповеди действии: она «заставила» его о том молчать, да еще, вероятно, с основательной угрозой, — вот что, как видим, написано тарханским подростком. Значит, не Елизавета Алексеевна послужила первоисточником появления легенды, а тарханский священник, как это вытекает из представленных Аббакумовым событий. На наш взгляд, Елизавета Алексеевна, как ни была она набожна, не нашла бы сил даже при покаянии в грехах произнести столь нестерпимую мысль, что ее внук — не дворянской крови, а крестьянской. Будь то на самом деле, она подумала бы тысячу раз: говорить — не говорить? И кому? Не Господу же самому, не на Страшном суде, а обыкновенному человеку, способному на все человечье.

Итак, как следует из анализа письма Аббакумова, никакой тайны о незаконном рождении Михаила Юрьевича в действительности не было. Ее просто, скорее всего, придумали дворовые — со зла, из чувства мести Е.А. Арсеньевой, в протест за притеснения. Измышление, если следовать утверждению автора письма, принадлежит одному из священников тарханских церквей, не стерпевшему, наверное, «барского» насилия. Какими для такого предположения в качестве рабочей версии мы располагаем фактами?

Е.А. Арсеньева была известна крайне крутым и неуступчивым нравом, от которого страдали даже близкие и родные ей люди. А уж что говорить о тех, кто находился в ее крепостной собственности.

Церковнослужители тоже не чувствовали себя независимыми, хотя формально считались людьми особого ведомства. Елизавета Алексеевна строго

следила за порядком в своих церквях и за нравственностью священников. Не давала им спуска: тарханские церковнослужители наказывались (разумеется, своими вышестоящими духовными особами) и изгонялись из Тархан не без ведома Е.А. Арсеньевой. Она бывала в курсе всех событий даже в долгие отсутствия.

Документы лермонтовского времени дают нам возможность получить представление о характере нарушений и наказаний за эти нарушения. Так, в клировой ведомости 1817 г. о священнике Макарьеве записано, что поведения он «средственного, штрафован за дурные поступки»⁵⁴. В журнале Нижнеомовского духовного правления за 1819 г. отмечены его пьянство и непорядочные поступки, а в 1821 г. он за пьянство был снят с должности и вскоре и умер.

Священника Василия Карпова прислали в Тарханы в 1829 г., он пробыл здесь недолго. «За пьянство и служение на Пасху молебна в нетрезвом виде приговором Консистории [был назначен] к отсылке на причетническое место [т. е. понижен в должности] под особый надзор благочинного впредь до совершенного исправления»⁵⁵.

В 1830 г. в Тарханы назначили священником Григория Воронова. Елизаветы Алексеевны в это время не было в имении, возвратилась только в 1835 г. Она в 1836 г. послала в Пензенскую духовную консисторию «просительное письмо» с просьбой «вывести из имения ее священника Григория Воронова за развратную жизнь и упущение в священнослужении»⁵⁶. Однако следствие по делу Воронова выявило, что Воронов «поведения весьма хорошего, в пьянстве и никаких дурных поступках не был замечен и все требы исполняет в точности и безостановочно». А потому консистория вынесла решение: «не делая дальнейшего исследования и не подвергая наказанию выводом в другой приход, по его невинности и как значащегося в ведомости поведения хорошего оставить [священника Воронова] при прежней должности»⁵⁷. Лишь в декабре 1841 г. вышел указ консистории о переводе Воронова в соседнее с Тарханами село Калдусы. Наверное, вышестоящее духовенство все-таки пошло навстречу помещице, если Воронов не сам выпросил его, не стерпев надзора Е.А. Арсеньевой: она никогда не оставляла своих намерений, пока не добивалась успеха. Сладить же бедному священнику с могущественной и влиятельной хозяйкой Тархан было невозможно. Вот и зрела, может быть, в сердцах обиженных злобная идея, воплотившись однажды в беспощадную клевету на несчастную мать поэта.

Нельзя сказать, что хозяйка имения воевала со всеми своими священниками. В селе было 2 церковных штата, а потому священников числилось тоже двое. Алексей Толузаков служил здесь с 1817 по 1840 г. и все эти 23 года пользовался ее покровительством. Многочисленная братия двух штатов со своими

---

⁵⁴ Кольян Т.Н. Храмы, причт и приход села Тарханы (сер. XVIII в. — 1992 г.) — Пензенский временник любителей старины. Вып. 10. Пенза. 1994. С. 17.

⁵⁵ Там же. С. 19.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

семействами находилась на иждивении всего лишь небогатой церковной кассы и, как сказано в отчете за 1836 г., «жалованья никакого ни от кого не получали», а потому содержание их было «скудно»⁵⁸. Только один Толузаков составлял исключение. Он «получает, — читаем в том же отчете, — от... помещицы Арсеньевой 200 рублей и отсыпной хлеб; с 1829-го года... начал владеть на свою часть землею из милости оной же госпожи»⁵⁹. Не потратился Толузаков и на покупку или строительство собственного дома: ему была выделена «господская деревянная горница», тоже «из милости» Е.А. Арсеньевой, разумеется.

Мы не имеем цели перебирать всех священников, чтобы подыскать «подходящего», того автора неразумного измышления о Марии Михайловне; это ни к чему. А вот сделать попытку расшифровать загадочную фразу о прикрытии греха — дело сверхнеобходимое. Без разгадки ее прямого значения письмо останется с пробелом, т. е. с не до конца проясненным текстом. А вдруг в этой метафоре ключ к главной истине?

В течение столетия, если не дольше, пять человек (если не больше), малограмотных или совсем неграмотных (кроме священника), один другому рассказывали сказку не сказку, а вроде бы занятную историю о человеке, которого не знали, а только краем уха слышали. Они по-своему видят-представляют события, совсем не зная жизнеописания М.Ю. Лермонтова, трактуют вольно о его семье, то есть как Бог на душу положит, примитивно, по-бытовому. Да и Александр Аббакумов не под диктовку священника писал. Поэтому брать на веру его сочинение, то есть понимать буквально, — значит, рисковать на первых же его словах попасть в заблуждение. Такое занятие опасно, как опасно идти по неокрепшему льду. Но и оставлять, опять же повторяем, прочитанной, но не понятой фразу о скрытом грехе тоже обидно, нельзя. Поэтому читаем снова: «...она жила у попа в прислугах. Последний ей рассказывал, как бабушка заставила его скрыть грех ее дочери».

Что означает образное, с переносным значением неделимое словосочетание из двух слов — «скрыть грех»? Как в девятнадцатом веке и в двадцатом, и в современном употреблении оно дает однозначное, точное, яркое и краткое определение нестандартному, непопулярному поступку жениха, взявшего в жены девушку, уже познавшую другого мужчину. Такая девушка, став женой скромного, не болтливого человека, становится полностью реабилитированной и может смело смотреть любому в глаза: муж прикрыл ее грех.

А каким образом смог прикрыть грех Марии Михайловны тарханский священник, если, допустим, он что-то знал или подозревал? Здесь тоже понимается только однозначно: священник повенчал — и венец прикрыл грех. Но так как он отказывался это делать по каким-то причинам, сопротивлялся, то «бабушка заставила его» силой обвинять молодых. Вот какой смысл заложен в эту фразу у Аббакумова. Заметим, что употребление такого словооборота не

---

⁵⁸ Фролов П.А. Лермонтовские Тарханы. Саратов. 1987. С. 200 — 201.

⁵⁹ Там же. С. 200.

могло быть в пользовании подростка Аббакумова в силу его возраста. Он, бесспорно, перенес его из рассказа тетки Павлины Кузьминой. И, скорее всего, этот словосочетание прошел без помех по всей пятизначной цепочке, ибо взрослые, особенно женщины, любят включать его в свою речь, как и другие крупные жемчужины русского языка.

В действительности же никто из тарханских священников родителей М.Ю. Лермонтова не венчал, а значит, и прикрывать грех необходимости у них не было. Не существовало, разумеется, и необходимости Е.А. Арсеньевой кого-то из них уговаривать и заставлять обвенчать ее дочь, ибо венчание Лермонтовых совершилось не в Тарханах, а неизвестно где. Тарханские метрические книги указанного времени сохранились и находятся в фондах Лермонтовского музея-заповедника «Тарханы», но записи о венчании Марии Арсеньевой с Юрием Лермонтовым в них нет.

И получается, что в аббакумовском письме о венчании Лермонтовых представлен сплошной вымысел. Не исключено, что и ссылка прислуги на священника придумана с целью отвести подозрение от настоящего сочинителя наговора на мать поэта, замести, как говорят, следы. Все было по-другому, по-хорошему. Поженились молодые люди по любви и собирались жить долго и счастливо.

Итак, перед нами документ — письмо тарханского подростка, в котором один за другим ложные доводы (которые нами кратко указаны выше) приводят к ложному выводу: Ю.П. Лермонтов отказался воспитывать чужого ребенка, поэтому он воспитывался у бабушки Е.А. Арсеньевой.

Уже Мануйлов отметил это несоответствие действительным бесспорным биографическим фактам. Истекшие с тех пор десятилетия добавили новые сведения, и ни одного, подтверждающего вывод автора письма, потому что истинные события происходили как раз наоборот.

Юрий Петрович пытался взять сына сразу же после смерти Марии Михайловны, но Елизавета Алексеевна упросила оставить у нее внука на время, а потом совсем не отдала. Вот свидетельство друга и покровителя пензенских Столыпиных, в том числе и Арсеньевой, М.М. Сперанского в письме к ее брату Аркадию Алексеевичу из Пензы: от 5 июня 1817 г. он сообщал, что Ю.П. Лермонтов «требуется к себе сына и едва согласился оставить еще на два года»⁶⁰. Но, не дождавшись истечения этого срока, в том же 1817 г. Арсеньева составила завещание, по которому Михаил Юрьевич назначался единственным ее наследником, но при условии, которое представляло собою ультиматум отцу наследника: если Юрий Петрович возьмет сына к себе, то его невинный трехлетний сын полностью лишится наследства⁶¹.

Так будущий поэт действиями своей бабки был насильственно отчужден от отца. Вот что значит по этому поводу в завещании 1831 г. Юрия Петровича.

---

⁶⁰ Цит. по: Фролов П.А. Создание и крушение семьи Лермонтовых. Пенза, 2008. С. 126.

⁶¹ Лермонтовский заповедник «Тарханы». Документы и материалы. 1701 — 1924 г. Составление, подготовка текста и комментарии П.А. Фролова. Пенза, 2001. С. 96 — 98.

Обращаясь к 16-летнему сыну, он указал причину, по которой вынужден был отступить перед ультиматумом тещи: «Тебе известны причины моей с тобой разлуки, и я уверен, что ты за сие укорять меня не станешь: я хотел сохранить тебе состояние, хотя с самою чувствительнейшею для себя потерей, и Бог вознаграждал меня, ибо вижу, что и в сердце и уважении твоём ко мне ничего не потерял»⁶². Чтобы не оставлять сына бедняком, отец пошел на жертву.

К этим двум аргументам добавим третий: свидетельство, тоже бесспорное, учителя Миши Лермонтова в Москве А.З. Зиновьева. Он давал уроки будущему поэту с 1827 г. на квартире Е.А. Арсеньевой, от которой, по его словам, «узнал... главные обстоятельства ее жизни». Зиновьев писал: «Рассказывала она, что отец Лермонтова покушался взять к себе младенца, но усилия его были побеждены решимостью тещи»⁶³.

Полная несостоятельность заключена и в тезисе Аббакумова, будто Юрий Петрович согласился жениться на Марии Михайловне, потому что они (наверное, Елизавета Алексеевна с дочерью) сулили ему имение.

Никакого имения в запасе у Елизаветы Алексеевны на случай замужества дочери не существовало: были только Тарханы, которые она не могла никому дарить, ибо в таком случае сама осталась бы без средств к существованию.

Если имелось в виду приданое Марии Михайловны, то его незначем было сулить, ибо оно по обычаю и по закону без того становилось собственностью семьи Лермонтовых после венчания. Это первое. А второе заключается в том, что приданое невесты Марии Михайловны не составляло большого богатства. Юрий Петрович, если бы не его чувство к ней, без труда нашел бы невесту и побогаче. Приданое Марии Арсеньевой деньгами не превышало 20 — 25 тысяч, а имение было смехотворно: вместе с детьми 27 крепостных душ, из них 16 душ мужского пола⁶⁴.

Юрий Петрович женился ради самой девушки. В его завещании о том есть очень значительные строки, которые подтверждают искренность его устремлений в отношении к Марии Арсеньевой: «Я был готов любить [Елизавету Алексеевну] всей душой, как мать обожаемой мной женщины»⁶⁵. Между прочим, и М.И. Храмова зафиксировала это великое чувство отца поэта в своих «Записках», ссылаясь на Е.Т. Шубенину: «За Юрием Петровичем не быть [бы] Марии Михайловне — как корнями обворожил. Беднящие были супротив барыни»⁶⁶.

«Обворожить корнями» в буквальном смысле означает напоить отваром корней чудодейственных растений, имеющих свойство влиять на поведение людей, т.е. околдовать. Так обычно говорят люди, встающие в тупик от не поддающихся объяснению чьих-либо поступков. Елена Трофимовна и Мария Ивановна оказались в такой же ситуации, потому что не знали, что это за личность — Юрий Петрович Лермонтов. Он умер в тот же год, когда Елена Трофимовна

⁶² Там же. С. 136.

⁶³ М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 77.

⁶⁴ Лермонтовский заповедник «Тарханы». Документы и материалы. С. 70.

⁶⁵ Там же. С. 136.

⁶⁶ Храмова М.И. Записки... Ф. 2, оп. 1, ед. хр. 15. С. 295...

родилась, а Марии Ивановны еще и не было на свете. В их представлении о нем осталась только простейшая аксиома: «беднющие были супротив барыни». А для современников Марии Михайловны ее избранник был изящный молодой офицер, образованный, воспитатель в одном из лучших кадетских корпусов, обаятельный, великодушный, жертвенный и умный.

«Немногие помнящие Юрия Петровича, — отметил со слов современников в биографии поэта П.А. Висковатый в 1891 г., — называют его красавцем, блондином, сильно нравившимся женщинам, привлекательным в обществе, веселым собеседником...» И еще: «Красивый молодой человек с блестящими столичными приемами произвел на Марью Михайловну сильное впечатление»⁶⁷.

Таким образом, и отец, и мать поэта вступали в брак не из каких-то расчетов, а по взаимному влечению, Елизавета же Алексеевна не только не принуждала дочь и не только не заманивала в мужа дочери Юрия Петровича, а наоборот: препятствовала их браку. Тот же А.З. Зиновьев по этому поводу заметил: «Мария Михайловна по страсти вышла замуж за Ю.П. Лермонтова», а Елизавета Алексеевна «едва ли вообще была довольна выбором дочери»⁶⁸. Выбрала, как видим, не Елизавета Алексеевна, а дочь сама вопреки желанию матери.

С другой стороны, новые научно-исследовательские материалы прямо показывают, что отцом сына М.М. Лермонтовой был ее муж Ю.П. Лермонтов. Материалы эти — автографы М.М. Лермонтовой в альбоме 1810-х гг., находящемся в музее «Тарханы». Открытие это сделано в 2003 г. директором музея Тамарой Михайловной Мельниковой и в 2005 г. опубликовано в «Тарханском вестнике» № 18.

Для доказательства подлинности записей матери поэта было предпринято научное сличение их с автографом ее стихотворения «Элегия». Оно хранится в фондах Российской Национальной Библиотеки и не вызывает никаких сомнений в авторстве Марии Михайловны. Экспертизой подтверждена идентичность почерка записей в тарханском альбоме и стихотворения «Элегия». Сличением почерков занималась высококвалифицированная комиссия Российской Национальной Библиотеки. Прочтем выписки из ее заключения:

<...> 30.10.2003 г. экспертная группа Отдела Рукописей (ОР) Российской Национальной Библиотеки в составе: Заведующей сектором русских фондов XVIII — XXI вв. Зубковой Нины Антоновны (руководитель группы) и руководителя Лаборатории Кодикологических Исследований и Научно-Технической Экспертизы Документа (ЛКИ и НТЭД) Цыпкина Дениса Олеговича ... по представлению Государственного Лермонтовского музея-заповедника «Тарханы» была выполнена комплексная экспертиза (включающая в себя архивную экспертизу и историко-почерковедческую экспертизу).

---

⁶⁷ Висковатый П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. Изд. В.Ф. Рихтера. М., 1891. С. 14.

⁶⁸ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. С. 77.

<...> Результаты экспертизы:

Альбом 1810-х гг. представляет национальную историко-культурную ценность...

В результате историко-почерковедческой экспертизы установлено, что текст на лл. 26 об. — 27, 47, 47 об, 48, 50 об, 51, 51 об. Альбома 1810-х гг. выполнен Лермонтовой Марией Михайловной (1795 — 1817) (вывод в категорической форме).

[Подписи].

На листе 27 альбома рукою Марии Михайловны написано стихотворение, посвященное любимому другу. Обычно адресатами таковых обращений служили хозяйки альбомов, но в нашем случае имя ее нам не известно. Однако это не столь важно. Гораздо интереснее имя автора под этим стихом.

Писать в альбоме сем мне друг повелевает
И волю тем спешу исполнить я его
Нескладные стихи рука хоть начертает
Но ты увидишь в нем глас сердца моего

Люблю тебя, люблю — сам Бог мне в том свидетель
Возможно ли твоих достоинств не ценить
Любя тебя, мой друг, люблю я Добродетель
Желание одно, — тебе подобной быть
Нельстивых чувств М. Лермантовой⁶⁹.

Под другим стихотворением того же цикла ее же рукой обозначено: «Москва 1814 года февраля 17». Из этого следует, что в феврале 1814 г. Мария Михайловна уже состояла в браке. Столь важный факт позволяет нам заметить несостоятельность предположения В.А. Мануйлова о том, что «брак Лермонтовых был заключен всего лишь за несколько месяцев до рождения ребенка» и что якобы Арсеньевы не были заинтересованы в сохранении выписки о бракосочетании.

Таким образом, все обстоятельства, указанные Александром Аббакумовым в качестве фактов как аргументы в пользу того, что будущий поэт не родной сын Юрия Петровича, — измышление, а потому и сам тезис «была в положении от кучера» повисает в воздухе, ничем не подтвержденный.

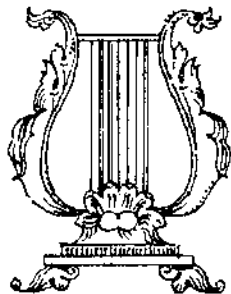
Итак, когда-то кто-то из тарханской дворни что-то предположил, другие подхватили это предположение как «тайный» факт, объясняющий сиротство мальчика Лермонтова при живом отце. Потом многие об этом забыли, а две старухи запомнили и уже на свой лад создали легенду. Так и возникла «аббакумовская» история с письмом о происхождении М.Ю. Лермонтова, взбаламутившая культурную общественность сначала в 1936-м, потом в 2000-м году.

---

⁶⁹ Мельникова Т.М. Альбом уездной барышни. — Тарханский вестник № 18. Пенза, 2005. С. 3 — 13.

«СВETИТЬСЯ, СВETИТЬСЯ, ДАЛЁКАЯ ЗВЕЗДА...»

**Стихи современных поэтов
о М.Ю. Лермонтове**

Николай КУЛЕНКО

УТРО В УСАДЬБЕ

Ещё в усадьбе тишина.
Рассвет приходит в красках лета.
Берёзка в белом – как княжна,
Дубок – в зелёных эполетах.

Дымится старый пруд слегка,
В парную воду смотрят ивы,
И кучевые облака
Кочуют над бессмертной нивой.

Уже малиновка поёт,
Заря пылает величаво.
Над миром солнышко встаёт
Лучистой Лермонтовской славой.

В лучах девчушка на тропе
И самолёт над небосклоном.
Михайло Юрьевич! К тебе
Приходит новый день с поклоном.

Анатолий АВЕРЬЯНОВ

***

Россия.
Лермонтов.
Тарханы.

ПОД ЛЕРМОНТОВСКОЙ ЗВЕЗДОЙ

Суть слов
Единственна.
Одна.
Мне даль такая здесь видна!
За дымкой лет,
Там, за холмами,
Машука грезит седина.

Блеск воронёных
Пистолетов,
Свет офицерских эполет
И двадцать семь горячих лет.
Смертелен выбор у поэта,
Но у Судьбы другого нет.

Друзей хмельных
Шальная горстка
К барьеру требует.
Велит,
Вино воинственно пьянит.
Мартынов.
Выстрел!
В Пятигорске
Поэт не знает, что убит...

Безмолвен он
В печальной бронзе,
Но просветлён,
Изящен лик.
Поэт в России так велик!
Спешу к нему. Ещё не поздно
Впитать стиха его язык.

Коснуться прозы
Безупречной.
Словес ожечься наготой,
Их откровенной остротой,

Разящих удалью беспечной
С литературной красотой.

Меня поэт встречает сидя,
Он на Полянке

С коих пор
Ведёт со мною разговор.
И даже в бронзе
Будто видит
За ту дуэль немой укор.

Ольга КОРШУНОВА

ПРОЩАНИЕ С САНКТ-ПЕТЕРБУРГОМ

Прощай, Санкт-Петербург,
Помпезно-нищий град!
Среди житейских бурь
С тобой расстаться рад.

В незыблемость основ
Уверовавший град,
Ты – ложный блеск балов,
Пресыщенность услад;

Ты – ярмарка невест,
Зловещий пир интриг;
Ты – Чёрной речки крест –
Застрявший в горле крик;

Ты ликом – херувим
С повадкой подлеца.
Лакеем быть твоим
Претит – прочь от крыльца!

Суровая Нева –
В гранитных венах кровь.
Столица – как вдова,
Погребшая любовь.

Прижиться здесь смогу ль
Средь лицемерных душ?
Мне свист черкесских пуль
Милей грызни чинуш.

Избавит ратный долг
От вездесущих глаз.

Зовёт Тенгинский полк.
Кавказ? Ну, что ж, Кавказ!

Прощай навек, оплот
Тиранов и рвачей.
Душа тут не живёт
И Лира не поёт.
Знай: я не твой!
Ничей!

Борис РЫЖОВ

ЛЮДИ ТЯНУТСЯ В ТАРХАНЫ

Посреди холмов раздолья,
Вдоль каскада и прудов
Избы, бани и подворья
Затаились среди садов.

Церковь белая вспарила
И молит сквозь облака
У Святого Михаила
За Михайлу-земляка.

Вновь волшебных строк истоки,
Как в оазисе, в барханах,
Зачерпнуть, забыв тревоги,
Люди тянутся в Тарханы.

Люди едут, едут, едут
Из близи и дальних стран,
Чтоб на родине поэта
Души вылечить от ран.

Маргарита РАЗОРЁНОВА

В ТАРХАНАХ

В Тарханах слышу я, как звёзды тихо плачут.
Печально ивы шепчутся с водой.
И чудится – вот кони резво скачут!
Он из кареты прыгает! Живой!

Оксана САХАРОВА

**ПОЭТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН
М.Ю. ЛЕРМОНТОВА:
ОТ ИСТОКОВ
РЕЛИГИОЗНОСТИ
К ДУХОВНОМУ ПОЗНАНИЮ
МИРА**

... Это был человек сильный, страстный, решительный, с ясным и острым умом, вооруженный волшебною кистью, смотревший глубоко в действительность, с ядом иронии на устах, — и потому прирожденная Лермонтову неотразимая потребность в признании иного мира разливает на всю его поэзию обаяние чудной божественной тайны.

Сергей Аркадьевич Андреевский (1847 — 1918).

М.Ю. Лермонтов в истории русской поэзии — особенно яркая звезда первой величины. По мнению философа И. Ильина, национальная поэзия выговорила русское православное «верую» и, думается, сделала это устами именно Лермонтова. Творчески одаренный человек есть вселенская субстанция, многогранная и удивительная, как Богосотворенный мир. Он существует вне времени и пространства в особом творческом мире, для которого характерны бесконечность познания, безграничность мысли, бездонный, неисчерпаемый кладезь эмоционально-чувственных образов и ассоциаций. По словам исследователя, «будучи христианином — по рождению и по культуре, воспитанию в православной семье, — Лермонтов обладал сознанием не просто верующего человека, который принял и усвоил христианскую религию, а сознанием космическим, заставляющим предполагать непосредственный контакт с Небесами, с миром духовным. Многие его стихи свидетельствуют о неколебимой вере в вечную жизнь души, как и в вечную жизнь индивидуального чувства — разума» [18, с. 35].

Классик вступает в литературу как натура широчайшего интеллектуального и религиозно-философского диапазона. Владислав Ходасевич писал: «Лермонтов первый дал толчок тому движению, которое впоследствии сделало русскую литературу литературой

исповеди, вознесло на недостижимую высоту, сделало искусством подлинно религиозным». Есть в поэзии М.Ю. Лермонтова особенное, только ему свойственное обаяние, чистота, кристальное изображение образов, сочетание личного с общим, временного с возвышенно небесным. Только ему присуща необыкновенная магия творческого слова, которую мы встречаем в его произведениях «Ангел», «Молитва», «Ветка Палестины», «Три пальмы», «Казачья колыбельная» и других. Так мог писать только человек, тонко чувствующий и понимающий истину, которую он выражал силой своего таланта, дарованного ему Богом.

Для меня М.Ю. Лермонтов — человек необыкновенной религиозно-философской интуиции, которая балансирует на грани гениальности и почти библейского пророчества. Можно сказать, что он был рожден «поэтом для Бога» (В. Лосский). Творчество художника слова наполнено сокровенных тайн, бесконечно влекущих к себе. Действительно, можно сказать, что и самый классик — «непреходящая, неизъяснимой притягательности и глубины тайна русской литературы, русской жизни и русской души» [12]. Поэт прожил так мало — всего 26 полных лет — и оставил относительно небольшое литературное наследство, но вместе с тем загадку его творческой личности разгадывают не одно десятилетие и не в одном поколении. О нем спорят и рассуждают философы, историки, литературоведы. Кажется, полностью и подробно изучены его биография и творчество, но каждый раз из сферы внимания ускользает что-то неуловимо тонкое и невидимое. То, что вновь и вновь побуждает читателя спорить, соглашаться и отрицать, открывая новую грань могучего таланта, доселе неизведанную.

Бог — поэтическая константа лермонтовского мировосприятия. Господь, Ангелы, Пречистая Дева — для поэта не просто духовная реальность: они являются собой точки схождения его православного мировоззрения, те вершины, которые поэт стремился постичь, воспринять не умом, но открытым сердцем. Не случайно надпись на гербе рода Лермонтовых гласит: «Жребий мой — Иисус». Современники утверждали, что поэт хорошо знал Священное Писание, а в усадьбе Лермонтовых была домовая церковь Михаила Архангела с храмовой иконой его ангела-хранителя. Современное лермонтоведение признает тот факт, что связь поэта «с православным мироощущением была не внешне-тематической, а глубоко-органической. Она проявлялась в его творчестве как оценка действий и переживаний персонажей, а также лирических чувств, раскрываемых в собственном саморазвитии; наконец, как порыв к горным высотам Животворящего Духа» [19].

Как известно из биографии, религиозно-философские споры были постоянны в среде его друзей, и, думается, поэт не оставлял их без внимания. Почему философ Н.А. Бердяев назвал художника слова «самым религиозным из русских поэтов»? Думается, что для этого у мыслителя были все основания: только у Лермонтова мы видим острое столкновение сил добра и зла, мета-

физическое решение вопросов веры и безверия. Поэт допускал возможность примирения в человеке духовного и телесно-чувственного начал, а религиозная интуиция подталкивала его к разрешению тайн надмирного бытия. Творческое наследие классика поражает своей мистической устремленностью к высшим мирам и онтологическим горизонтам, глубиной и многомерностью освоения духовно-нравственных проблем. Любимой книгой Лермонтова было «Откровение Иоанна Богослова», которое давало ему надежду в неутраченной борьбе Ангела и демона в его мятущейся душе.

Благодаря патриархальным нравам, строго религиозному воспитанию, киоту с лампадой в спальне своей бабушки, Лермонтов с младенчества начал переноситься умственным взором все выше и выше за горизонт повседневного познания. Все православные обычаи благочестия были ему не просто знакомы, но являлись духовным основанием его жизни. Молитвы утренние и вечерние, благословение бабушки, которая учила его молитвенным словам, запомнились на всю жизнь. Он знал слова молитв и сердцем чувствовал их великую благодатную силу, часто обращаясь к Богу в минуты глубоких духовных раздумий. Лермонтов посещал храмы, в детские годы вместе с бабушкой был в Киево-Печерской лавре, где поклонялся мощам святых подвижников. Он также активно участвовал в церковных таинствах исповеди и причастия: последний раз это было Великим постом 1841 года в Петербурге. В середине августа 1830 года он с друзьями и родственниками пешком отправился на богомолье к мощам преподобного Сергия Радонежского в Сергиев Посад, куда паломники шли несколько дней, спеша к празднику Успения Божией Матери. Е.А. Сушкова вспоминала: «На четвертый день мы пришли в Лавру изнуренные и голодные. В трактире мы переменяли запыленные платья, умылись и поспешили в монастырь отслужить молебен. На паперти встретили мы слепого нищего. Он дряхлую дрожащую рукой поднес нам свою деревянную чашку, все мы надавали ему мелких денег; услыша звук монет, бедняк крестился, стал нас благодарить, приговаривая: «Пошли вам Бог счастья, добрые господа, а вот намерении приходили сюда тоже господа, тоже молодые, да шалуны, насмелись надо мною: положили полную чашку камушков. Бог с ними!» Помолясь святым угодникам, мы поспешно возвратились домой, чтобы пообедать и отдохнуть. Все мы суетились около стола в нетерпеливом ожидании обеда, один Лермонтов не принимал участия в наших хлопотах; он стоял на коленях перед стулом, карандаш его быстро бегал по клочку серой бумаги, и он как будто не замечал нас, не слышал, как мы шумели... Окончив писать, он вскочил, потрянул головой, сел на оставшийся стул против меня и передал мне вышедшие из-под его карандаша стихи:

У врат обители святой
Стоял просящий подаюнья
Бедняк иссохший, чуть живой
От глада, жажды и страданья...[6, с. 125].

Стихотворение «Нищий» было написано шестнадцатилетним поэтом и основано, как видим, на реальном биографическом эпизоде, в котором автор увидел соединение бессердечности с лицемерием, ведь жестокий поступок совершен у «врат обители святой», где люди должны проявлять сострадание и милосердие.

Русская поэтическая традиция закрепила за художником слова особую мессианскую «функцию», которая сакрализовала тему творческого призвания в особую пророческую миссию. Замечательна оценка духовной биографии А.С. Пушкина, данная архиепископом Камчатским и Сеульским Нестором (Анисимовым): «Его мятущаяся, его многогранная душа, как в зеркале, отражала всю полноту русской души, и самый жизненный путь его, исполненный то нравственных падений, то высочайших взлётов духа, — так ярко отображает исторический путь нашей Родины, которой одинаково близки и глубокие пропасти, и высочайшие вершины духа» [10]. Эти слова иллюстрируют и творчество поэтического преемника А.С. Пушкина — М.Ю. Лермонтова, который с юности был поражён чеканом пушкинского стиха. В 1826 году А.С. Пушкин напишет «Пророка», а через пятнадцать лет, в год своей смерти, М.Ю. Лермонтов тоже напишет самое трагическое по мироощущению стихотворение «Пророк» — итог раздумий автора о судьбе поэта — гения в своем отечестве, одаренного «всеведением».

Лермонтовский пророк, отторгнутый от бытовых реалий, непонятый и осмеянный бездарной толпой, вынужден переживать свою глубоко личностную трагедию духовного одиночества среди людей. Провидец смиряется перед земной жизнью, ибо «он знает: земное бытие — лишь миг вечности, и вечным будет его дар пророка, возглашающий любовь и правду» [16, с.137]. Нам, простым людям, это сложно понять, а как же Лермонтов мог познать жизнь пророка, Божьего страдальца, где он мог услышать и увидеть, чтобы так написать о нем? Ответ, конечно, в Библии, которую поэт читал и хорошо знал, а может быть, он не раз встречал тех блаженных, одетых в рубище и вериги, которые шли из одного села в другое, из города в город, проповедуя Божье слово. Трагедию поэта-пророка, наделенного профетическим даром, Лермонтов уподобляет крестной жертве Христа: «Венец певца, венец терновый!» («Не смейся над моей пророческой тоской....»).

В истории нет случайностей, а есть закономерности. Можно сказать, что, как поэт, Лермонтов был рожден от пули Дантеса. В 1837 году «Смерть поэта» в одночасье сделала Лермонтова знаменитым, так как широко распространилась в рукописных копиях. Как фаталист, веря в предначертанное Богом человеку, он пишет: «Судьбы свершился приговор!» Осудив убийцу Пушкина, автор взывает к Божьему суду как самому справедливому и неподвластному «звону злата». В своей гневной инвективе поэт говорит от лица целого поколения, скорбящего о гибели национального гения. Обличая «пустое сердце» Дантеса, рука которого не дрогнула, наводя «кухенрейтер», он пишет о терновом венце,

который, подобно Христу, принял Пушкин. Да и самый Лермонтов, предсказав свою смерть в стихотворении «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана»), тоже погибнет от дуэльной пули 15 (27) июля 1841 года. Гибель второго после А.С. Пушкина поэта России получила широкий общественный резонанс и была воспринята в литературных кругах как непоправимая потеря и трагедия для всей русской литературы.

Мы с детства помним стойкие, как русские штыки, строки лермонтовского «Бородина». Глубокий патриотический порыв заставил поэта написать это стихотворение, которое, отличаясь глубокой жизненной правдивостью и совершенством формы, воспекает героизм русского воинства. Лермонтов свято верил в Божие предназначение. Мне кажется, что не случайно на Бородинском поле оказалась икона Богородицы «Смоленская», ведь издавна Небесная Заступница была покровительницей России. Способность Лермонтова «смотреть прямыми глазами на всякую истину, на всякое чувство» (В.Г. Белинский) в «Бородино» не знает себе равных. Сражение показано поэтом как переломное в войне 1812 года. В нем в полную силу звучит мотив противопоставления «богатырям» «нынешнего племени», современников, неспособных на подвиги, утративших духовно-нравственную и онтологическую связь с народом. Этот разрыв между Россией дворянской и Россией народной трагически преломляется в произведении. Народная Россия живет по истинно человеческим законам, когда личность не противопоставляется обществу, но черпает силу в своем единении с простым народом. Солдат-повествователь в «Бородине» говорит одновременно и от своего лица, и от лица всех защитников Родины. Не случайно в стихотворении рефреном звучит местоимение «мы». Лермонтов вскрывает основополагающее свойство русской народной ментальности: индивид существует не сам по себе, но в слиянии с общиной. Это единение физической силы и морального начала, по убеждению автора, и принесло победу русскому войску. Смерть на войне воспринимается как необходимая жертва ради спасения страны от наполеоновских захватчиков. Солдатская служба понимается как служение Богу и Отечеству. Гениально имитируя речь старого воина, он не забывает о напевности стиха, о рифме. Получилась усложнённая авторским замыслом, доведённая до поэтического совершенства солдатская песня, каждая формула которой навсегда закрепились за нашим воинством:

Полковник наш рожден был хватом:

Слуга царю, отец солдатам...

Да, жаль его: сражен булатом,

Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:

«Ребята! не Москва ль за нами?

Умремте ж под Москвой,

Как наши братья умирали!»

И умереть мы обещали,

И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой [6, с. 265 — 266].

Эти поэтические строки заставляют вспомнить и слова присяги, и суворовский призыв «Умирай за Дом Богородицы» — подлинную «клятву верности», которую сдержали герои Бородино. Солдаты в «Бородино» на поле брани выполняют свой христианский религиозно-нравственный долг, принимая на себя подвиг терпения, преданности и смирения перед Волей Божией, воплощая в модусе своего бытового поведения аксиоматичные идеалы православной духовности: жертвенность и самоотвержение, первоосновы идеи Божественной справедливости. Жертвенная любовь ставит личность русского ратоборца почти на грань святости. Святитель Игнатий Брянчанинов завещал: «В благословенной России, по духу благочестивого народа, Царь и Отечество составляют одно, как в семействе составляют одно родители и дети их. Развивайте в русских воинах живущую в них мысль, что они, принося жизнь свою в жертву Отечеству, приносят ее в жертву Богу и сопричисляются к святому сонму мучеников Христовых». Богатырская мощь и сила духа прославляются поэтом как первоосновы победы простого русского ратника, органически вписанного в духовный мир Православия: русские воины в религиозно-поэтическом контексте стихотворения показаны как фигуры равноангельского чина, соборно объединенные в едином духовном порыве «стояния за землю русскую», актуализированного в теме духовной победы над злом. Доминантный мотив служения земному Отечеству аккумулирует понимание военной службы как жертвенного служения Царю Небесному и земному. «Темной силе», апокалиптически персонифицированной в образе «бусурмана», противопоставлена светлая ангельская сила, ассоциируемая с защитниками Отечества. В произведении поэт неоднократно подчеркивает «светоносность» русских, обращенных к свету ангелоподобного жития, уподобляя их светлым воинам небесным, и принадлежность к темной силе зла французов, богопротивных «супостатов» (1 Пет. 5, 8). Мировладычество Наполеона воспринимается как «бесовская мудрость» (Иак. 3, 15). Следуя батальной поэтической традиции Г.Р. Державина, В.А. Жуковского, Д.И. Давыдова и Ф.Н. Глинки, А.С. Пушкина, поэт рассматривает в произведении героизм русских, соборно объединенных идеей верного служения земному и небесному Отечеству, образы которых сливаются в мышлении автора воедино, как религиозно-нравственный подвиг, показывает святость борьбы за отчество и глубину веры православного воинства в мессианское предназначение России, — это дает основание говорить, что через образ отчества земного просвечивают идеалы святой Руси.

Молитвы М.Ю. Лермонтова исполнены «теплого религиозного чувства» (С.В. Шувалов). «В минуту жизни трудную...» — знакомые со школьной скамьи строчки молитвы поэта. Даже среди шедевров лермонтовской лирики «Молитва» 1839 года поражает удивительной гармонией и проникновенностью звучания. Все художественные средства подчинены стремлению выразить глубину и

искренность молитвенного чувства. Для этого поэт использует эмоционально-оценочные слова («грусть, сомненье») и эпитеты («в минуту жизни трудную», «одну молитву чудную»), а также эпитеты, связанные с религиозно-философской тематикой («сила благодатная», «святая прелесть»). Этой же цели служит сравнение («с души как бремя скатится, сомненье...») и метафора («И дышит непонятная, святая прелесть в них»). Большую роль в создании замедленной, напевной интонации стихотворения играют повторы («И так легко, легко...»), синтаксический параллелизм («И верится, и плачется...»), ассонансы на «у» («В минуту жизни трудную...»; «одну молитву чудную...»). «Непонятная» прелесть и благодатная сила святого слова — вот то главное, что хочет выразить поэт. Именно поэтому не так важен адресат молитвы и ее содержание. Важнее другое — настрой души, который достигается молитвой, произнесенной из глубины страдающего сердца. К «Теплой Заступнице мира холодного» молитвенно обращается поэт в стихотворении «Я, Матерь Божия, ныне с молитвою....». Это молитва не о себе, «не о спасении, не перед битвою, / Не с благодарностью иль покаянием». За свою «душу пустынную» поэт еще страшится произвести молитву, но он просит Богоматерь быть Небесной покровительницей «девы невинной». И как точно угадано Лермонтовым то, что всегда жило в душе русского народа: заступничество в «минуту жизни трудную» надо искать у Той, которая понимает все человеческие страдания, — у Божией Матери.

В поэтических молитвословиях православного художника слова мы обнаруживаем живое постижение духовных истин Православия, стремление духовными очами познать Бога как опыт искренней «теплой» веры. Современный исследователь А.М. Марченко замечает: «разговор с Богом — сюжет в русской поэзии достаточно распространенный, но Лермонтов — единственный, кто, подписывая с Всесильным и Всевышним общественный договор, защищающий естественное право художника на заблуждение, не унизился до богохульства или, наоборот, до самоуничижения» [9, с. 374]. Поэт всю свою короткую жизнь шел к Богу, преодолевая свою греховную природу, горечь утраты друзей и любимой, уныние и душевный непокой. И писал — вдохновенно и промыслительно о «Предвечном» Творце, воспевал любовь к женщине, восхищался красотой русской природы, любил отчизну «странною любовью». Без сомнения, Лермонтов умел смиренно и кротко молиться, четко осознавая для себя радость молитвенных настроений.

Жизнь Лермонтова началась с горечи и боли. Ранняя смерть матери, ссора отца с бабушкой тяжело сказывались на формировании личности поэта. Всюду он сталкивался с непониманием и отчуждением. Он чувствовал себя бесконечно одиноким, и это одиночество выражалось в поэтических строках. В лирической медитации «Когда волнуется желтеющая нива...» умелой рукой мастера слова создается «образ космического, вселенского Дома, ибо состояние лирического героя — минутный покой путника, одинокого бездомного скитальца, для которого невозможен Дом на земле и счастье в Доме» [13, с. 87]. Природа

вбирает в себя и утоляет «мятежную тоску» героя. Она говорит с ним, а герой понимает ее язык как первочеловек, но уже после своего отпадения от Бога. «И в небесах я вижу Бога...» — поражает лермонтовское прозрение. Богословы утверждают, что Лик Божества непостижим мыслью и невыразим словом. Лермонтовские слова не следует понимать буквально, он говорит здесь, скорее всего, как нам думается, о личностном воссоединении своей души с Богом, а не о прямом видении Его, ведь Бог — бестелесный и невидимый дух (Иоанн, 4, 24). Таким образом, лирическая медитация поэта поражает широтой восприятия мира как Космоса, тонким проникновением в душевный мир человека, способностью передать ритм и дыхание Вселенной. Панорамный взгляд Лермонтова видит и слышит и охватывает весь мир.

Поэтический мир Лермонтова — это мир высоких, прекрасных чувств: любви и дружбы, мир глубоких и тонких переживаний человеческой души. Классик видел природу глазами художника, он слушал её как музыкант. Он был талантом универсальным: и поэт, и музыкант, и художник. В литературоведении постоянно отмечается присущее великому поэту живописное видение мира. Его произведения насыщены цветописью и сияют практически всеми цветами радуги. Справедливо мнение исследователя, который писал о том, что для Лермонтова «характерен импрессионистический взгляд на жизнь ...стремление видеть мир в красках, полутонах» [4, с. 61]. В его поэтическом мире всё звучит и поёт, всё сверкает и переливается красками. Тут и яркий блеск солнечного дня, тут и лунное голубое сияние ночи. Горы, скалы, утёсы, реки, деревья — вся природа живёт в его произведениях. У него даже камни говорят, а горы думают, хмурятся, спорят между собой, как люди, утёсы плачут, деревья видят сны. Здесь и целая симфония вечно движущихся и меняющих свою форму облаков. Здесь и снежные горы Кавказа, и снежная вьюга над Москвой.

Поэт — мастер вещной детали, которая всегда у него ценностно значима и служит для создания целостного художественного образа. Так, небесная красота женщины проявляется в ее «лазурном» взоре. В древнерусской иконописи именно глаза выделялись «как признак богатой внутренней жизни святого» [8, с. 22]. А у Лермонтова глаза становятся своеобразной психологической деталью, метафорой души, ее зеркальным отражением:

Люблю мечты моей созданье
С глазами, полными лазурного огня,
С улыбкой розовой, как молодого дня
За рощей первое сиянье.

Экспрессивно насыщенный оксюморон «лазурный огонь» создает удивительное по выразительности представление о возлюбленной. Лазурь — яркий оттенок синего. Об этом цвете философ П. Флоренский писал: «В своем абсолютном значении представляет небесную истину: что истинно, что есть в себе — то вечно, как и наоборот, — преходящее ложно. Лазурь была поэтому символом божественной вечности, человеческого бессмертия...» [15, с. 558]. Го-

лубой (лазурный) — сакральный цвет небесных сфер. Закономерен вывод исследователя: «Стремление отразить с помощью лазурного и голубого лучшие начала человеческой души является своеобразной особенностью стиля поэта, отличающей Лермонтова от других романтиков» [18, с. 3]. По свидетельствам современников поэта, голубой цвет был одним из его самых «любимых». Голубой семантико-этимологически связан со значением слова «голубь». Голубь символически представляет третью ипостась Святой Троицы — Духа Святого и, являясь символом мира горнего, связывает земное с небесным. В современном толковом словаре поясняется значение «голубого» как «ничем не ограниченного, лишённого всего неприятного, тягостного» [3, с. 216].

И. Анненский, глубоко проанализировав колористическую символику Лермонтова, пришел к заключению, что палитра цветообозначений поэта состоит из сочетаний «белого и голубого, синего и жемчужного, розового и голубого» [1, с. 247]. А.А. Гуляева приводит в своей работе «положительные и отрицательные коннотации» отдельных цветовых эпитетов: «прилагательное «голубой» в восприятии многих русских поэтов — синоним всего радостного, чистого; белый ассоциируется с чистотой, невинностью... черный — синоним несчастья, серый — цвет уныния, печали» [4, с. 64].

По данным «Частотного словаря» Лермонтовской энциклопедии, эпитет «белый» употреблен поэтом 162 раза, а «зелено-сереющий» всего один раз. В разделе «Тысяча самых частотных слов» (с. 762 — 773) представлено семь слов, обозначающих цвет: черный (частотность — 184), белый (162), золотой (106), синий (80), голубой (74), красный (74), зеленый (55), серебряный (50), серый (53) [14, с. 719 — 773]. Только эпитеты «черный» и «серый» могут входить в доминирующую сему «темный», остальные — имеют светлую символику. Заметим, что слово «огонь» открывает светлый колористический ряд всего творчества поэта (частотность — 233). [7]. Под рукой художника слова преобразовываются, получают дополнительные характеристики, обнаруживают приращение смысла, расширение связей и взаимодействий, реализуют свои эстетические потенции выразительности. Справедливо замечание ученого: «Лермонтов — писатель, обладающий превосходной зрительной памятью, острой наблюдательностью, свежестью восприятия, то есть всем, что необходимо художнику» [2, с. 179]. Таким образом, широкое использование колористической лексики в произведениях классика способствует насыщению текстов эмоционально-символическими образами, поскольку «цветовым эпитетам характерен элемент эмоционального отношения, экспрессивной окраски» [4, с. 64].

Лермонтов всегда обостренно воспринимал полярные начала внутреннего мира человека. Вертикальная иерархия мироустройства лермонтовской поэтосферы такова: в центре ее Господь, а между человеком и Творцом находятся ангелы как посредники и вестники Божьей воли. Ангел и Демон — антиподы, представители противоборствующих стихий — находят реальное воплощение

в его художественном мире. В триаде «Ангел — человек — демон» человек предстает как личность, в душе которого могло встретиться «священное с порочным». Человеческая душа, близкая к ангельским существам, в отличие от них, подвластна демоническим внушениям.

Ангелы свободно населяют аксиосферу Лермонтова. С.А. Андреевский в «Очерке поэтической индивидуальности Лермонтова» писал: «ангелы входят в его поэзию, как постоянный привычный образ, как знаковые, живые лица» [11, с. 343]. В православно ориентированном поэтическом мире Лермонтов говорит о разных функциях служения ангелов: они славят величие Творца («Ангел»), провозглашают волю Божию («Ночь I»), являются вестниками избавления («Гляжу на будущность с боязнью...») и христолюбивыми воинами, которые борются со злом («Бой»).

Изображая ангела в лирическом произведении, поэт руководствовался православным учением о небесном воинстве во главе с архистратигом Михаилом, который был ангелом-хранителем поэта и особо почитался в семье православного художника слова. «Ангел» написан в 1831 году, когда созданы две редакции «Демона», поэмы «Азраил» и «Ангел смерти». Автор изменил название стихотворения, сместив акценты с песни Творцу к образу Ангела. Важно отметить, что песню, которую поет Ангел, Лермонтов первоначально назвал «сладкой», но позднее заменил на эпитет «тихую». Ангел для него не только «светозарное» существо высшего порядка, но и данность иного мира, связующим звеном которого с земным миром выступает человек. В произведении говорится о рождении нового человека, душу которого на Землю из небесных сфер бытия несет Ангел. По мнению Е. Поселянина, «душа, несомая в мире Ангелом, прельстилась гармонией его песни и на земле старалась уловить, а потом и сама создать ту же гармонию» [14]. Во время выполнения своей священной миссии Ангел поет удивительную по красоте и величию хвалебную песнь Творцу человеческой души, в которой восхваляет достоинства праведной жизни и обещает душе младенца божественное предстательство. Однако реалии земной жизни не способны дать небесного блаженства ребенку: ему с детства предстоит столкнуться со скорбями и утратами, печалью и слезами. «Ангельская» душа младенца способна возродить в человеке самые добрые, непосредственно жизненные нравственные первоосновы, утраченные безусловные святыни, целеустремленную свободу духовного развития, «дух мирен» (преп. Серафим Саровский), который так трепетно стремилась стяжать душа поэта. Детство в поэтосфере классика выступает как важнейшая аксиологическая категория библейского уровня: способность сохранить духовную цельность и чистоту ребенка, которого автор наделяет положительными эпитетами «милый» («Ребенка милого рождение...») и «прекрасный» («Казачья колыбельная песня») на этапах физического и морального взросления, определяет первооснову человеческого бытия, становится важнейшим критерием оценки нравственности деяний, онтологического равенства и сыновнего сердечного

умиления всех людей перед благодатной и светоносной десницей Бога Отца, перед молитвенным покровом Богоматери, «теплой Заступницы мира холодного», мира, жаждущего веры и томящегося в сомнениях.

Поразительно, как в «Ангеле» слышится удивительная музыка стихотворной речи, которая есть отражение красоты ангельской молитвы. Святые Отцы утверждают, что человек создал музыку по аналогии с воспоминаниями души об ангельских песнопениях, которые, согласно библейскому преданию, он слышал в раю до грехопадения. Но ангельская молитва не может быть воспроизведена человеком, поскольку тот утратил способность воспринимать ее: стал чувственнее, земная плоть и органы слуха не могут ощутить этот другой, невещественный, высоко духовный, трансцендентный уровень восприятия. Музыка ангельского глагола выступает как гармоническая симфония бытия и воплощает в звуке сакрально метафизическое сродство Божьего слова, мира и человека. В произведении постулируется христианская мысль о том, что человек в земном мире — странник, а его настоящее отечество — Царство Небесное.

Появление образа Демона в творчестве — один из важнейших моментов творческой психологии Лермонтова. Тема Демона появилась в 1829 году, в стихотворении «Мой Демон», в том же году была написана первая редакция поэмы «Демон», имеющей всего восемь редакций, причем последняя из них, как предполагают исследователи, была закончена в 1839 году. Развивающийся «метаконфликт» между Демоном и Тамарой с одной стороны, Богом и созданным им миропорядком — с другой наполняет содержание поэмы глубоким философским смыслом. Поэтический космос «Демона» насыщен пронзительностью психологических характеристик героев и тончайшим лиризмом. Образы Демона и Тамары были гениальным открытием поэта. Впервые в мировой литературе поэт взглянул на мир глазами падшего Ангела и откровенно проник в психологию его «отпадения» от Бога. Встреча с Тамарой для Демона — не залог «возвращенного рая», а новая ступень в его исканиях «с начала мира». Его монолог, обращенный к героине, можно трактовать только как намеренный обман с целью покорения Тамары, который идет наперекор Божьему промыслу о ней. В ход идут все средства «отца лжи», как назвал Иисус Христос дьявола (Ин. 8; 44): от возбуждения жалости к себе до призыва ко спасению, которого для падшего духа, согласно святоотеческой мысли, никогда быть не может. Как гласит Библия, гордыня Демона — самозамкнутость и безграничная вера в себя — погубила светозарного Ангела, который был самым творчески одаренным и прекрасным духом в Божьем мире. Для падшего ангела нет прощения. Ангелы были испытаны Богом единожды. И это испытание навсегда определило их греховное состояние. Как утверждает святоотеческое наследие, после падения сатана с ангелами стали бесами, утратившую былую совершенную красоту, и сделались отвратительными безобразными чудовищами. Один вид их может испугать настолько сильно, что сведет неподготовленного визионера

с ума. Замкнутый эгоцентризм падшего Ангела обрек его на вечное и гордое одиночество: он закрыт от всего мира непроницаемой завесой гордыни, но и «зло наскучило ему». Мотив возрождения грешной души через любовь к земной женщине приобретает особенный смысл в поэме «Демон». Через любовь к грешной земной женщине он надеется спастись от гнетущего одиночества. Но земная любовь — тень любви божественной. Демон любит Тамару, ненавидя Бога. Это противостояние чувств и составляет трагедию вечного одиночества падшего духа. Но почему любовь Демона несет смерть несчастной Тамаре? Потому, что любовь мнимая, неискренняя, это завуалированная ненависть к человеку как венцу Божественного творения.

Поэзия Лермонтова интимна и исповедальна — это искреннейший лирический дневник, в котором в полной мере отразились мысли и чувства православного художника слова. Интимная лирика — трагический крик души, непонятой, одинокой и практически всегда отвергнутой. В ней можно обнаружить целую философию любви как движущей онтологической силы Вселенной. А.А. Дякина отмечает: «Категория любви — важнейшая в наследии Лермонтова. Земная и небесная, страстная и утонченно-вдохновенная, любовь есть насущная потребность существования героя, форма его жизни. Потому так тяжки всякие разочарования, измены, охлаждение отношений, обманы. Потому так рвется душа поэта от временных земных любовных переживаний к обретению истинной любви» [5, с. 49]. Только любовь в поэтическом космосе М.Ю. Лермонтова способна спасти одинокого бесприютного странника, каким предстает его лирический герой. Поэт, несмотря на сомнения и терзания в вопросах веры, вместе с тем считал, что «мир для счастья сотворен», хотя сам и не изведал счастья в любви.

Поэзия Лермонтова сразу привлекает внимание читателя то могучим напором напряженного «железного стиха», то нежными и трогательными звуками, которые поэт, по словам Д. Мережковского, слышал в «прошлой вечности». Странная раздвоенность в душе поэта, балансирование между мраком и Светом отмечались современниками. Он был полон противоречий во всем: даже внешность его казалась в разные моменты жизни то пленительной и привлекающей, то отталкивающей и неприятной. Душа Лермонтова пыталась заглянуть в мрачные бездны и подняться в небесную высь, к которой он устремлялся всеми фибрами своего существа. Древние подвижники благочестия говорили, что чем ближе человек к Богу, тем чище и светлее должна быть его душа, иначе он не выдержит отблесков Божественного Света. Поэта, молитвенно предстоящего Богу, этот свет очищает и преображает. Как бы ни разнились между собой по интонациям и стилю его произведения, они всегда узнаются по общему для них душевному строю, по красоте и мелодике стиха, который Белинский назвал «лермонтовским элементом».

Необычайно широкий диапазон и масштабность — это, думается, самое главное в Лермонтове, тончайшей художественной натуре которого были внят-

ны и горный демона полет, и ангельская песнь, тайники человеческой психики, история и современность, вечность и миг. Он создал пером свой неповторимый мир. Поэзия и проза классика — извечный внутренний спор с самим собой, аксиологически значимый анализ религиозно-философских и индивидуальных проблем. Духовно свободная личность поэта вступает в сотворчество с Богом, остро и напряженно стремясь передать свое христианское мироощущение в поэтических творениях. Лермонтов был не просто верующим, но обладал особым духовидческим талантом, выступая в творчестве как проводник высшего смысла и певец высших сакральных сфер. М.Ю. Лермонтова звал Господь — и он трепетно откликался на этот зов, на Слово, сотканное «из пламя и света». Делая шаг за шагом, он все ближе подходил к сокровенным тайнам бытия. Поэт становится верным служителем Творца, Его тайнозрителем («И в небесах я вижу Бога»). Нелицемерная и трепетная любовь к Богу и ближним, непреодолимая тяга к совершенству, лучшим проявлениям человеческой души во многом определила главный «нерв» поэзии М.Ю. Лермонтова. По словам поэта Всеволода Рождественского, лермонтовский стих трепещет необычайной гибкостью, передавая все оттенки и нюансы внутреннего дыхания авторской речи. Все произведения Лермонтова исполнены страстного чувства и глубокой мысли, потрясают искренностью, смелостью, магической музыкальностью «созвучия слов живых». В произведениях православного художника слова ярко отразился русский путь искания веры, тоска по высшим аксиологическим смыслам бытия, «мятущееся беспокойство русской души и ее больная совесть» (С.Н. Булгаков).

Поэтический мир М.Ю. Лермонтова — необъятный, как Вселенная. Несмотря на жизненные перипетии, он сумел остаться художником, который при взгляде на родную землю видел в небесах Бога. Дорога, на которую вышел М.Ю. Лермонтов, ведет к Творцу. На фоне глубокой внутренней борьбы между «святым» небом и беспредельно грешной землей, которой правит Демон, «царь воздушный», прошла короткая, как звездная вспышка, жизнь самого трагического и одинокого поэта во всей русской литературе. Творческое наследие классика остается жить в веках, так и не отодвигаясь в прошлое. Оно было и останется на века нашим национальным достоянием. Лермонтов — поэт той России, которая и в третьем тысячелетии не утратила духовного потенциала, и в гениальных людях воплощает таинственный Божий промысел.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Анненский И.Ф. Книги отражений [Текст] / И.Ф. Анненский. — М.: Наука, 1979.
2. Афанасьев В., Боголепов П. Тропа к Лермонтову. [Текст] / В. Афанасьев, П. Боголепов. — М., 1982.
3. Большой толковый словарь русского языка [Текст] / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 1998.

4. Гуляева А.А. Заметки о цветообозначении в языке М.Ю. Лермонтова и И.А. Бунина. [Текст] / А.А. Гуляева // Студенческий филологический вестник. — Вып. 1. — Елец, 2005.
5. Дякина А.А. Духовное наследие М.Ю. Лермонтова и поэзия Серебряного века. [Монография]. — М., 2001.
6. Лермонтов М.Ю. Собр. соч. в 4 тт. — Т. 1. — М.: Правда, 1969.
7. Лермонтовская энциклопедия. — М., 1999.
8. Лихачев В.Д., Лихачев Д.С. Художественное наследие Древней Руси и современность [Текст] / В.Д. Лихачев, Д.С. Лихачев. — Л.: Наука, 1971.
9. Марченко А.М. Комментарии // Лермонтов М.Ю. Стихотворения. Поэмы. «Маскарад». [Текст]. — М.: Дрофа, Вече, 2002. — 342 с.
10. Митрополит Антоний (Храповицкий). Пушкин как нравственная личность и православный христианин. [Текст] / Митрополит Антоний (Храповицкий) // А.С. Пушкин: Путь к Православию. — М.: Отчий дом, 1996. Электронный ресурс. Код доступа: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/noauthor/pushkinway/pushkinway.pdf>. Дата обращения: 12.02.2015.
11. Михаил Юрьевич Лермонтов. Его жизнь и сочинения. Сборник историко-литературных связей [Текст]. — М., 1916. — 387 с.
12. Михайлов В.Ф. Лермонтов: Один меж небом и землёй. Электронный ресурс. Код доступа: http://4itaem.com/book/lermontov_odin_mej_nebom_i_zemly-456500. Дата обращения: 27.10.2015.
13. Монахова О.П., Малхазова М.В. Русская литература XIX века, ч.1 — М., 1994.
14. Поселянин Е. Вера и пути к вере. Душа — христианка. Из книги «Идеалы христианской жизни». Электронный ресурс. Код доступа: <http://www.pravoslavie.ru/put/2049.htm>. Дата обращения: 12.09.2015.
15. Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины [Текст] / П.А. Флоренский. — М., 1990.
16. Цит. по: Яроцкая В. Этапы духовной зрелости А.С. Пушкина. Электронный ресурс. Код доступа: <http://www.proza.ru/2011/04/29/34>. Дата обращения 07.09.2015
17. Шульга Е.А. Духовная родословная М.Ю. Лермонтова // Культура и образование: от теории к практике. Методический журнал, 2014. — №1 — с. 35—38.
18. Щербалкова С. О «синем и голубом». К вопросу об этико-эстетическом осмыслении цвета в поэзии М.Ю. Лермонтова. [Текст] / С. Щербалкова // Литература. Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». — 1997. — № 29.
19. Щерблякин И.П. М.Ю. Лермонтов и Православие. Электронный ресурс. URL: <http://www.ipro.ru/svyataya-zemlya-v-russkoj-literature/mihail-yurjevich-lermontov-5.html>. Дата обращения: 14.09.2013.

Захар ПРИЛЕПИН**«...Я ТОЖЕ
ПОСЛЕДНИЙ ПОЭТ
ТОЙ ДЕРЕВНИ,
ГДЕ ВЫРОС ЕСЕНИН»****Разговор о Есенине и не только...**

Валерий Сухов. Захар, в преддверии 120-летия со дня рождения Сергея Есенина хотелось бы задать вам несколько вопросов. Возможно, они покажутся неожиданными. По своему опыту знаю, что поэта начинаешь любить с какой-то одной его запомнившейся строчки или впервые прочитанного стихотворения. С чего и когда началось ваше приобщение к есенинской поэзии?

Захар Прилепин. Мне было девять лет — моя семья переехала из деревни Ильинки Рязанской области, где я родился и подрастал, в Дзержинск — крупнейший заводской город Союза. Смена климата (во всех смыслах) была настолько, видимо, тревожной для детского рассудка, что, дабы восстановить баланс, я начал читать ненормально много стихов. Началось всё, естественно, с Есенина, потому что земляк, потому что мы уже были с отцом в Константиново, потому что его портрет висел в деревенском доме на стене и отец пел множество песен на его стихи под семиструнную гитару. Даже не пел — а играл, прочитывая речитативом первую строку, потом пятую, седьмую, одну из строк могла произнести мать или зашедший в гости товарищ — всё это воспринималось как стихотворение Есенина, в этом было некое волшебство.

Помню, естественно, с самого детства прекрасное, и сладостное, и горестное удивление от стихов «Песнь о собаке», «Лисица», «Корова». Старики мои рязанские и липецкие тоже держали скотину, дед по матери был охотник, собаки были у него всегда, щенков он топил в пруду — это все были мои личные реалии. Стихи Есенина были про мою корову и про мою собаку. Лисьих шкур у деда всегда висело на стенах множество — он бил и этого зверя.

---

* Редакция журнала «Сура» поздравляет Захара Прилепина с днём рождения, желает здоровья, счастья, творческих успехов.

Да и вообще всё, что происходило у Есенина, было моим: долины его, лошадки, сенокосы, табуны — я среди этого рос...

Хотя сейчас понял, что заскочил вперёд, и вдруг вспомнил: Есенин начался ещё раньше. Мы с матерью сидим на крыльце нашего дома в деревне; мне, видимо, нужно стихотворение о Родине в школе, я первоклассник, на дворе 1981 год.

Она читает: «...хаты, в ризах образа». Я пытаюсь запомнить... Все предыдущие строфы помню, а эти «...в ризах образа...» не могу понять: икон в нашем доме не было (были у бабушки; всегда, в самые махровые советские годы горела лампадка, я был крещён в 1975 году). И чтобы запомнить, произношу всё это в одно слово «хатывризахобраза». Как заговор. Так с тем заговором и жил дальше.

Сочинять я начал в году, кажется, 1985-м — стихи. Отец послушал, сказал: нужны образы, сравнения, сынок.

— Что это, папа?

Он открыл наугад Есенина и прочитал:

О, Русь, малиновое поле

И синь, упавшая в реку.

С этого урока для меня началась литература.

Только в прошлом году вдруг обратил внимание, что две другие строки гласят:

Люблю до радости и боли

Твою озёрную тоску.

Синь, видите ли, упала в реку, а тоску любит уже — озёрную. Непорядок, грубо говоря.

Но Есенин — гений. Он мог себе позволить такое. И позволял иногда...

В 14 лет я знал наизусть едва ли не все его стихи — по крайней мере на спор мог продолжить любое и сказать, в каком году оно сочинено.

В. С. А сейчас что у Есенина вы чаще всего перечитываете? Что кажется особенно актуальным? Почему?

З. П. Перечитываю что-то постоянно, но более всего люблю Есенина имажинистского периода: «Пугачёва» — гениальную, как и «Тарас Бульба», гулевую, бунтарскую поэму. Ещё — «Исповедь хулигана». И самую интимную лирику — что-то из раннего, что-то из «Москвы кабацкой», что-то из совсем позднего.

Крайне актуальна «Страна Негодяев», конечно. «Сельский часослов» удивителен. Ряд революционных поэм 17 — 19 гг. (хотя далеко не все) ещё не раз заново прозвучат в нашей жизни, всё это есенинское, той поры скифство, его дерзкое презрение к столичным либералам и оголтелым западникам (на тот момент они обитали в основном в Питере, сейчас, напротив, базируются в Москве), — я всё это очень понимаю и невольно примериваю на себя.

Читая и перечитывая Есенина всю жизнь, понял однажды, что поэзия — не просто мастерство: я сам сейчас могу написать на спор лирическое или пате-

тическое стихотворение за 15 минут, с отличными рифмами, лёгкое и стремительное, — но никакого удовольствия от результата не получаю.

Писать стихи можно научиться, если всю жизнь читаешь поэзию и помнишь сотню-другую чужих стихов наизусть.

Но есть одна вещь, неподвластная любому мастеру: волшебство. Склеить можно — но не у всякого склеенное полетит.

У Есенина — летит почти всегда.

Он обладал волшебством, у него имелось что-то незримое, что невозможно разобрать на составляющие, — абсолютная, почти недостижимая интонация чистоты и прозрачности каждого чувства.

Дорогая, сядем рядом,
Поглядим в глаза друг другу —
Я хочу под кротким взглядом
Слышать чувственную вьюгу.

Или:

Не криви улыбку, руки беребя,
Я люблю другую, только не тебя.

Можно же с разгону ещё сто сорок вроде бы почти таких же строк нагнать. А волшебство не повторится. Будет ускользать из самых рук.

Я бросил стихи писать уже в двадцать лет, когда понял, что я могу сочинять много лучше, чем многие мои именитые современники, но волшебства нет. Иногда мелькнёт, и — раз, сразу пропало.

А у Есенина — горлом шло. Лило из него.

Его гениальность для меня очевидна. Люди, отрицающие его гениальность, смешны.

Это, знаете, бывают персонажи, вовсе не понимающие музыки, — им ставишь Мусоргского или Свиридова — и понимаешь: они не слышат вообще.

Но — «мнение имеют».

О Есенине в каком-то смысле уже не надо иметь мнение, как не обязательно иметь мнение о радуге, о русском лесе, о русском поле.

В. С. К своему сорокалетию, которое мистически совпадает с днем рождения Есенина (по творимому им поэтическому мифу о себе) и Мариенгофа, нет ли у вас такого чувства, что именно два этих поэта ведут вас по жизни?

З. П. Наверное, что-то в этой дате есть, вы верно подметили.

Я заметил это не так давно, в том числе потому, что свой день рождения до 30 лет не отмечал ни разу.

И потом вдруг меня осенило:

Матушка в Купальницу по лесу ходила,
Охнула кормилица, тут и породила, —

я эти стихи знал наизусть с детства, и только много лет спустя понял, что Есенин описал свой день рождения — в мой, сдвинув его с октября на 7 июля — на разгар лета, середину года, цветенье и разгул природы. Это такое подсозна-

З. Прилепин (справа) и В.А. Сухов. Пенза, 2014 г.

Всё это не могло меня не позабавить.

В этой дате есть своя мистика. Я совсем к мистике не склонен, но здесь не могу удержаться от некоторой почти детской гордости: Есенину желалось родиться в день, который мне достался за так.

Родство же моё с Мариенгофом — странное: в сущности, он чуждый мне человек, но на каких-то поворотах, в каких-то находках, я вдруг понимаю, что сталкиваюсь с ним плечами: его стихи 21 — 24 гг., его «Циники», его «Шут Балакирев» — это абсолютно моя эстетика, это ровно тот выход из символизма, акмеизма и футуризма (все три школы были мной добросовестно пройдены), который странным образом оказался лично мне ближе всех.

Не путь надмирный, где всякую даму, а то и зверя надо писать с прописной, не акмеистская предметность, не футуристская тарабань-табань-барабань — а томительная, приправленная цинизмом, человеческая искренность. Короче, всё то, чему Есенин так умело и душевно научился именно у Мариенгофа.

Просто у Мариенгофа часто много случалось от ума (но не всегда), а Есенин вдруг «поженил» новаторскую рифму и эстетику Мариенгофа с рязанским природным чувством — и та самая «Исповедь хулигана» родилась.

Впрочем, и у Мариенгофа есть свои шедевры: «Разочарование», «Утихни, друг, прозрачен чай в стакане...», «Какая тяжесть...», «Друзья».

Это ещё не очень прочитанный и не очень понятый поэт. И влияние его на Есенина не изучено в полной мере — оно гораздо шире, чем мы это представляем. Причём не только на Есенина, но и на огромную часть современной поэзии той поры.

тельное желание было у него — не на осени «пожениться», которая утащит в опадание и смерть, а на кипящем лете купальском.

А ещё некоторое время спустя я обнаружил, что первейший и самый главный друг и собрат Есенина — Анатолий Мариенгоф — родился именно 7 июля, и тоже об этом писал.

Скоро я об этом напишу.

В. С. В романе «Обитель» Артем Горяинов, искупавшись в озере, погибает именно в день вашего рождения, когда отмечают праздник Ивана Купалы. Кто-то из уголовников «саданул под сердце финский нож». Что это? Акт очищения души? Или осознание того, что герой должен расплатиться сполна за свое преступление — отцеубийство?

З. П. Мне никогда в голову не приходило думать над поступками своих персонажей, я совершенно не знаю, отчего всё случилось так, а не так.

Я открываю страницу, пишу первое слово (оно самое сложное), а потом вдруг пальцы начинают танцевать сами на клавиатуре. Самое главное тут не думать ни о чём, а бежать вслед за персонажами: они сами идут.

К финалу романа стало ясно, что его зарежут, и его зарезали. Про финский нож я не подумал — но это вы очень точно подметили.

Есенин и Мариенгоф всё время бродили как тени на втором плане романа и, видимо, какие-то свои рифмы незримо предлагали.

...конечно, он должен был расплатиться, этот Артём. А как же? Конечно. Но это я только сейчас понял из вашего вопроса.

В. С. Когда я читал «Обитель», то у меня рядом лежали тома из собраний сочинений Есенина, Мариенгофа (спасибо вам с Олегом Демидовым за него), сборник «Поэты-имажинисты», а также книги Ницше и Фрейда. Мне показалось, что без них трудно понять смысл глубинного подтекста этого романа. Прав я или нет? Мне показалось, что Артем живет как ницшеанец — «по ту сторону добра и зла». Может быть, именно это его сближает с «Черным человеком» Есенина?

З. П. В первой части вопроса — правы, во второй — нет. Чёрный человек — это убийца, это твоя собственная душа, которая выгорела, которая богооставлена, и она не даёт тебе жить, съедает тебя, утаскивает тебя за собой.

Хотя иные и с такой душой живут.

Артём же — он живёт по эту сторону добра, по крайней мере — стремится жить. Его мотивации — это неукротимое стремление к выживанию.

Но, видимо, где-то раз и два он заступает за дозволенную грань в своём животном, лёгком, как есенинская поступь, движении по краю. Заступает — и это ему не прощается.

Он вроде бы побежал уже дальше, но след оставил, и по этому следу его находят, хватают за ногу, тащат назад. Ибо виноват, провинился, накосячил, сподлил.

Но где именно это случилось, я сам не знаю.

Ницше и Фрейд не самые дурные в этом смысле помощники. Но и не самые надёжные. Книга «Поэты-имажинисты» — куда надёжней.

Артём — имажинист, конечно.

Это вот соединение человеческой звериной нежности и лёгкого, легкокрылого цинизма — абсолютно имажинистское качество.

В. С. Можно ли согласиться с тем, что Артем Горяинов на практике доказал правоту Зигмунда Фрейда, написавшего статью «Достоевский и отцеубийство»? Ведь в 20-е годы Фрейд был очень популярен в России. Им увлекались и Есенин и имажинисты. Не этим ли объясняется воспаленный эротизм их имажей и особая эrogenная пульсация текста «Обители»?

З. П. Не прямые ассоциации — но, безусловно, есть. Над этим стоит подумать.

В. С. Читая «Обитель», я постоянно вспоминал строки из есенинского стихотворения «О родина!» (1917):

Люблю твои пороки,
И пьянство, и разбой,
И утром на востоке
Терять себя звездой.
И всю тебя, как знаю,
Хочу измять и взять,
И горько проклиная
За то, что ты мне мать.

Мне кажется, если бы Есенин выжил той роковой ночью, то он в конце двадцатых или в тридцатые оказался бы на Соловках.

Может быть, именно поэтому есенинский дух так зримо присутствует в тексте книги?

З. П. Не очень уверен, что Есенин оказался бы на Соловках, — это всё, в сущности, досужие домыслы, да? Есенин в 1924 году совершил совершенно осознанный поворот к большевизму (после некоторого разочарования 1919 — 1923 гг.), но этот поворот убил его ровно точно так же, как Гоголя убил второй том «Мёртвых душ». Он понимал, что правда где-то здесь, но справиться с этим не смог.

Тут какая-то страшная судьба сберегла его — как Пушкина, или Лермонтова, или Блока, или Маяковского, в какой-то степени Твардовского, а отчасти, как ни странно, даже Бродского, хотя и в меньшей степени, и Юрия Кузнецова ещё — заключить с властью тот союз, который соединил бы его не только с тем святым духом, что ведёт всякую русскую власть, но и с тем демоном, что движет её деяньями столь же неукоснительно...

Каждый из них по-своему был к этому готов — и каждого лишили этой роли: во славу чистоты поэтического престола.

Но в целом у Есенина после его «персидской поездки», после встреч с Троцким, Фрунзе, Кировым был огромный шанс и на встречу со Сталиным, и на внимание Сталина — в 30-е он смог бы претендовать на роль главного поэта эпохи, оспорив её у Маяковского, а затем Пастернака.

Если б не алкоголь — крестьянской смекалки у него хватило бы, чтоб Прокофьев, или Сурков, или Исаковский, или всё тот же Твардовский просто потерялись бы в его тени.

Но то был бы уже не Есенин. Таких же стихов у него не было бы: совесть бы выгорела куда быстрее.

Гибель его была predetermined не кровавым кошмаром Советов, а тем, что он был Есенин. Он бы не выжил ни в одну эпоху. Разве мы можем представить его долгую, спокойную жизнь во времена некрасовские? В наши времена? Ему нигде нет места и приюта.

Есенин — русский поэт в чистейшем виде. Свои Соловки он всегда носил с собой. И всегда будет носить.

В. С. Захар, мне, как читателю, очень хотелось бы узнать, как родилась идея начать роман с пролога, который я бы назвал «Притча о тулупе». Начало романа — очень мощно в художественном плане. Здесь — ключ к смыслу повествования. И как тут вновь не вспомнить строки Есенина?

Под Маврикийским дубом
Сидит мой рыжий дед,
И светит его шуба
Горохом частых звезд.

Архитипичность этого образа проявляется, когда автор видит, как его руки напоминают руки деда. Напомню это место: «Когда я смотрю, особенно в нетрезвом виде, на свои руки, то с некоторым страхом обнаруживаю, как с каждым годом из них прорастают скрученные, с седыми латунными ногтями пальцы прадеда».

У Юрия Кузнецова есть потрясающее стихотворение о том, как на его ладонях проступают лица отца и матери:

Я от брата и от друга бегу
И дышу на ладони.
Проступают на них два лица
И чело и морщины:
Узнаю свою мать и отца:
Мы навек триедины!

Так рождается образ-миф: «лица — ладони». Можно ли воспринимать ваш образ из «Обители» как архитипический?

З. П. Да. Тут, скорей, меня радует ваша прозорливость, чем своя. И остаётся только гадать, что тут на всё случившееся на меня повлияло больше: моё прочтение и осознание Есенина и Кузнецова, которого я считаю гениальным поэтом, или какие-то действительно архитипические коды?

Пролог написан случайно, поверьте. Я написал первые двести страниц романа, потом мне как щелкнули по лбу: нужен пролог. Я взял и за полчаса написал этот пролог.

Было смутное чувство, что роман не должен звучать как исторический, а должен читаться как современный. Ну или, как бы нелепо это ни звучало, — вневременной.

Поэтому, когда добрёл до финала романа, получил ещё один щелчок: нужен эпilog.

А эта «шуба» с её звёздами, с её махоркой, с её тайными путями в дедовских рукавах, где так легко заблудиться, а то и потеряться, — она была в моём доме, я её не взял поносить у Есенина взаймы.

В. С. В романе «Обитель» много смелых, эпатирующих читателей эпизодов. В каждый из них автор вкладывает глубокий смысл.

Многих может шокировать изображение мастурбирующего Артема, преодолевающего таким образом свой половой голод. Так рождается самая смелая имажинистская метафора: Млечный Путь в ночном небе — след Божьей спермы. Так половой голод обретет космический, вселенский характер и символизирует бесплодность и бессмысленность существования главного героя, на котором обрывается род Горяиновых. Семя, как в Библии, упало на землю... Возможно, именно в этом смысл фамилии героя. Вспоминается в связи с этим и шукшинский герой из «Калины красной» Егор Прокудин, по прозвищу Горе. Есть ли между ними какая-то связь?

З. П. Надо же, о Прокудине даже не думал.

Но, думаю, внутренние побуждения Шукшина и меня, грешного, были идентичны.

Шукшин писал архетип русского человека — грешного, вороватого, злого порой, — но Шукшиным мучительно любимого за страсть, за широту, за вживчивость, за силу хватки и за лёгкость, с которой он свою грешную и горестную жизнь от себя отпускает. Герой этот не в ладах с заповедями, он совсем не религиозен — и вместе с тем он никак, по сути своей, не атеист. Его горе, которое он несёт на своих плечах, как крест свой, может вдруг, в какой-то момент, позволить этому герою быть осенённым светом человеческой святости... Но может и не позволить.

Естественно, что во многом и я о том же и то же самое писал.

Есть, как минимум, ещё один общий момент в «Обители» и в «Калине красной» — отказ Прокудина встречаться с матерью: он не может к ней таким грязным прийти, с такой надорвавшейся душой.

У Артёма чуть иные мотивации — он вообще не рефлексировал в данную минуту, он откуда-то знает, что нельзя, бежит этого, как слишком человеческого, слишком душевного, — однако по факту схожи у Прокудина и Горяинова даже их ключевые поступки.

Горяинов тоже погладил ногу героине — помните, как в фильме Шукшина он это делает случайной прохожей? (В киноповести не помню такого момента).

Наконец, у Шукшина тоже появляется Есенин — как камертон: в фильме с песней «Ты жива ещё, моя старушка», а в киноповести — с «Песней о хлебе» (пророческой, потому что там колос, как лебедя, срезают под горло, — этот колос Прокудин и есть). И Горяинов, естественно, тоже.

При этом я, повторяюсь, не помнил об этом, не продумывал «рифму» с Прокудиным: само срифмовалось, и спасибо, что вы подсказали это.

А разница, например, в том, что Прокудин уже прожжённый, что он уже — Горе и пытается это горе изжить, избавиться от него; а Артём ещё только опаляющийся, ещё в горе своё ступающий, ещё только начинающий черпать его то одним бортом, то другим.

В. С. Тулуп деда вспоминаешь, когда герой проходит через адские пытки холодом на Секирке. Захар, а верите ли вы в то, что когда-то молодое поколение начинающих писателей будет говорить о себе: «Все мы вышли из прилепинского тулупа».

З. П. Не уверен, что кто-то будет так говорить, в том числе и потому, что тулуп этот — личный мой, его присвоить нельзя, и примерить тоже сложно, если своего не было.

В своё время Есенин написал: «Я последний поэт деревни». Предчувствие его было точным, хотя, если совсем строго и по факту, он последним, конечно, не был: деревня ещё успела дать великого поэта Бориса Корнилова, несколько поэтов рангом ниже, и удивительное поколение почвенников: Василия Белова, Фёдора Абрамова, всё того же Шукшина — они, конечно же, тоже были поэтами деревни, и тоже последними. Потому что в минувшую четверть века та деревня, о которой писал Есенин, та деревня, что была дана нам Валентином Распутиным, та деревенская речь и тот деревенский, по Белову, лад — распался почти уже до конца. И, родившийся в 1975 году, я ещё посидел там, на краешке завалинки, ещё послушал речь деда, родившегося в 1914 году, бабушки, знавшей на память самые разные причеты, и прадедов тулуп обыскал, обнюхал — который был, был, и я помню, как примеривал его рукава, забираясь туда не руками, а детской головой...

То есть той деревни, где Есенин вырос, — я тоже последний поэт.

И, если вдруг чуда не случится, я не очень верю, что появятся какие-то новые деревенские ребята: сочинители и певцы своей родины. Я знаю несколько совсем молодых поэтов, физически родившихся в деревне, причём хороших поэтов, но они выросли в те времена, когда всего того, о чём я выше говорил, уже не было: лад распался, тулуп выкинули, речь расплылась... Они черпали свои силы уже из другого...

Однако отрицать своё влияние на часть поколения я не буду. Сам, признаться, я не всегда это влияние вижу, но меня порой внимательные люди пихают под локоть: мол, ты не видишь, откуда этот, а ещё вон тот взял эту витальность, эту словесную походку, эту интонацию, эту улыбчивую манеру?

Тогда я присматриваюсь и вдруг вижу: да, что-то есть, вроде что-то есть. Какие-то повадки мои, какие-то жесты оказались заразительными.

В. С. Захар, а читали ли вы цикл стихов нижегородца Фёдора Сухова «Соловки»? Мне кажется, в них многое созвучно роману «Обитель». Вот отрывок из его стихотворения «Секирная гора»:

Здесь осины светлы, как березы,
А березы не так уж светлы.
Сгибших узников жгучие слезы
Обожгли всем березам стволы...

Без Есенина и Клюева не было бы такого самобытного, истинно русского поэта.

З. П. Я читал Фёдора Сухова, знаю этого поэта, но почему-то именно «Словки» прошли мимо меня. Обязательно найду теперь и прочту.

В. С. Я узнал от профессора С.Н. Пяткина том, что в Нижнем Новгороде в этом году готовят к изданию сборник «Сергей Есенин и нижегородцы». Среди его авторов — вы с эссе «Великолепный Мариенгоф» и Олег Демидов с очерком «Путеводная звезда Мариенгофа». Надеюсь, что эта книга получится очень интересной.

А как бы вы лично хотели отметить 120-летие со дня рождения Есенина?

З. П. Рискну, попробую сделать своего Есенина — книгу о нём для серии «Жизнь замечательных людей». Я высоко ценю некоторые работы, которые написаны о нём: и книгу Куняевых, Сергея и Станислава Юрьевича, и книгу Лекманова и Свердлова, в гораздо меньшей степени жизнеописание Марченко, впрочем, тоже фрагментами достойное... Но у меня есть свои, нажитые уже десятилетиями расшифровки его жизненных перепутей, дружб и творений.

Буду, даст Бог, писать об этом.

Пока же, как первый подступ к теме, я дописываю книгу «Портреты советских поэтов: Луговской, Мариенгоф, Корнилов». И если связь Луговского с Есениным едва просматривается, то Корнилов уже числится как один из его наследников, что до Мариенгофа — тут всё ясно.

Я собрал воедино и переработал всё, что до сих пор писал о Мариенгофе сам, и дописал ещё вдвое больше, в том числе там будет несколько глав об их отношениях с Есениным.

...То есть путь начат, пойду потихоньку дальше.

В. С. Доброго пути, Захар!

Разговор вел В.А. Сухов

Алексей СУХОВ

«МЫ БЕРЕМ ОБРАТНО СЕВАСТОПОЛЬ»

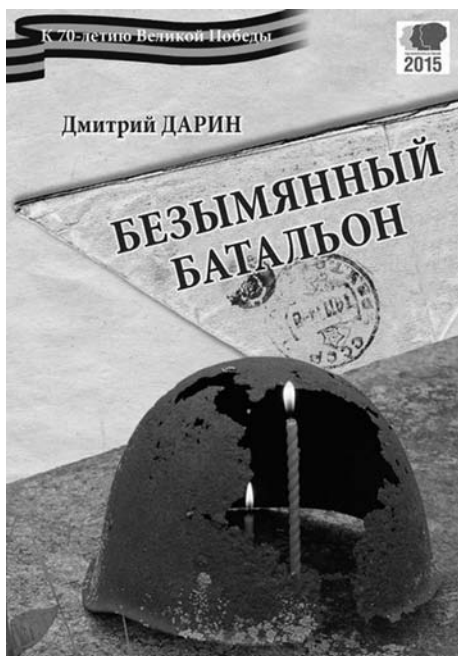
О новой книге Д. Дарина

К семидесятилетию Победы вышел сборник стихотворений известного московского поэта Дмитрия Дарина «Безымянный батальон». Человек и трагическое время, в которое он живет, — вот одна из главных его тем. Лирический герой Дмитрия Дарина, верный идеалам патриотизма, отличается обостренной исторической памятью, он хорошо знает наше героическое прошлое, переживает за настоящее, верит в будущее. Очень актуально сейчас звучат в связи с возвращением Крыма в родную гавань строки из его стихотворения «Слава Севастополя»: «Здесь море всегда начиналось с небес, / Здесь неба на каждого вдоволь... / Здесь древнею славой покрыт Херсонес / И город-герой Севастополь... / Солдаты — под землю, фрегаты — на дно, / Здесь все умирали достойно, / И гордость, как море — волна за волной, / И чаек прощальные стоны».

Как поэт с ярко выраженной гражданской позицией, Дмитрий Дарин откликнулся и на события в Донбассе. Об этом — его стихотворение с красноречивым названием «Подвал», которое заканчивается на такой трагической ноте: «Война — не новости с экрана, / Зовет к отмщению скорей / Плач почерневших матерей — / Проклятье буйного Майдана! / И если кто-нибудь попросит / Сказать, за что я сердце рвал, Отвечу так — за тот подвал, / Где плачут дети Новороссии!»

В сборнике «Безымянный батальон» автор стремится создать обобщенный образ народа на войне, в контексте общенациональной трагедии осмысляя величие его исторической судьбы. Дмитрия Дарина интересуют истоки подвига, в центре его внимания — духовный подъем человека, который в душевном порыве совершает героический поступок. Автор сборника убеждает читателя в том, что очень часто подвиг на войне — это тяжелая работа, которая бывает смертельно опасной. Об этом рассказывает баллада Дмитрия Дари-

Д.А. Дарин

на «Медсестра», со своим обычным для войны сюжетом: «Мы берем обратно Севастополь, / Остро режут небо «мессера». / По обугленной земле к окопу / Тащит раненого медсестра. / Твердь поправ коленками худыми, / Выбивалась из последних сил, / Вылезая в копоты и дыме / Из воронок, словно из могил. / Школьница вчерашняя с косою, / Не расставшись с куклами вполне, / Чью-то жизнь нейтральной полосой / Тащит из войны назло войне... / Смерть на фронте вовсе не красива, / В обиходе крепкое словцо, / Как иконы по церквям России / Светится курносое лицо, / Потому тяжелому солдату / Медсестра — богиня из богинь — / Не до рая, так до медсанбата / Донесет из адовых пустынь». Так, развивая традиции фронтовой баллады, популярной в годы Великой Отечественной, Дмитрий Дарин выбирает сюжеты, которые помогают ярче раскрыть характеры его героев. Стихи об участниках Великой Отечественной войны, включенные в сборник, привлекают эмоциональной силой публицистических обобщений. Автору удалось создать достаточно убедительные образы подлинных патриотов своей Родины, которые в годы великих потрясений сумели сохранить верность своим духовным идеалам. Героев Великой Отечественной отличают черты жертвенности, а их подвиги изображаются автором как пример для подражания. Об этом его программное стихотворение, которое дало название всему сборнику: «Как повязка на рану — / Ранний снег на поля. /

На граненом стакане / Корка хлеба моя. / Не сегодня закопан, / Я, расстрелян в упор, / По военным законам / Призываюсь на сбор... / Мы займем оборону — / Павший наш батальон — / Переключка — условно, Все бойцы — без имен!» Отличительной особенностью стихов Дмитрия Дарина является соединение эпического и лирического начал: после рассказа о воинских подвигах следует своеобразное «резюме» автора, искренне соперечающего своим героям: «Не бывает в России солдат безымянных / Бог хранит имена — чтобы с нами на «ты». / Оттого черный хлеб на граненых стаканах / Тяжелее гранитной плиты!» В стихах Дмитрия Дарина изображение войны часто бывает натуралистичным, он не щадит читателя, но именно эти страшные детали и подробности помогают достичь эффекта достоверности в стихотворениях «Штрафбат» и «Песня о связисте».

Автор помогает читателям осознать, что на войне такие понятия, как смерть и жизнь, осмысляются по-новому. За жизнь будущих поколений солдаты Великой Отечественной готовы были пожертвовать своей жизнью. Поэтому с особой горечью читаешь стихотворение «Ветеран», в котором правдиво отражена судьба героя Великой Отечественной, который в мирной жизни оказался на обочине: «Сидел на грязной мостовой / В пригожий майский день / Старик, поникнув головой, / В свою упершись тень. / Сидел с бутылкою в руке / У входа в магазин. / Медаль была на пиджаке — / За взятый им Берлин. / Звенела новая листва, / Шумела молодежь... / Как гильзы, падали слова: / «Даешь рейхстаг, даешь!» / Два пионера подошли / С участием в глазах, / Подняли старика с земли, / А он, хрипя, сказал: / «Эх, что-то мне нехорошо, / Дороги не найду. / Вот до Берлина я дошел — / До дома не дойду». / Тот шепот, громкий как набат, / Забыть мне не дано. / В России брошенный солдат / Пил горькое вино... / У нас ведь правды не найти, / Да будь ты хоть герой: / Кто до Берлина мог дойти, / Не смог дойти домой».

Хотелось бы завершить свой отзыв цитатой из стихотворения Дмитрия Дарина «Волгоград — Сталинград», в которой выражен пафос всего сборника: «Волгоград — Сталинград, / Рядовой и комбат / Здесь лежат, невзирая на званья. / Молча люди стоят, / Журавли пролетят, / И курлыканье — как отпеванье». В самом деле, бойцы из «Безымянного батальона», опаленные огненным дыханием войны, являются воплощением духовных ценностей и традиций героического прошлого нашего народа — Победителя!

Елена ЧЕБАЛИНА

ПУТЬ К ИСТИНЕ

О новой книге В. Терентьева

Что есть истина? Этим вопросом задаётся человечество от начала времён. Этим вопросом пронизана книга Виктора Терентьева «По дороге домой». Её автор, умело балансируя на стыке науки и творчества, физики и лирики, через призму своих знаний, мироощущения, своей истории пытается донести до читателя всю многогранность человеческого бытия. Рассказы, очерки, стихи и философские этюды искусно дополняют друг друга в общей цели поиска себя и своего места в мире.

Возвращаясь домой, на родную землю, переосмысливая свою жизнь в едином калейдоскопе судеб своих предков и земляков, автор задаётся множеством вопросов, особняком среди которых стоит один: «Зачем живу? Хотел бы я узнать...»

Оказавшись в эпицентре «эпохи перемен», вдоволь насытившись подлостью коррумпированных чиновников («Аукцион»), россыпями оболваненных сетевым маркетингом назойливых сограждан, так сладко поющих о реальной возможности прикоснуться к пределу мечтаний «общества потребления» («Бриллианты над Парижем»), автор бежит «к тому, спрятавшемуся за горизонтом, ГОРОДУ ДЕТСТВА»:

Душу шире детских глаз раскрою я.
Память детства пусть меня простит.

Там, «на дне воронки, всасывающей настоящее», открывается нашему взору простой деревенский мальчик, добрый и отзывчивый, восхищённо озирающий улицы города с первым мороженым в руках или, как Мцыри, задумчиво глядящий вдаль («Моя Мекка»). Этот тёплый образ захватывает сердце. Но, чуть развеивается туман воспоминаний, становится очевидным, что и

этот островок души зацепила безжалостная «рука времени». И вот уже «старушки, поддерживаемые ставшими вдруг заботливыми внуками», мужики в сопровождении цветущих от предвкушения наживы жён идут, как на праздник, продавать землю приезжим купцам. И звенит в головах единственная мысль: «Не продешевить!» И прорывается сквозь время крик души автора фразой из уст одного из героев: «Я родной землёй не торгую!» («Передел по-чёрному»).

И вот она, малая родина, где «везде следы ушедших поколений», где «черёмухи куст, на калеку похожий» и «вишни сок, как кровь Христа» напоминают о пережитом:

Снова память волной
Обнажает душевные мели.

И вот он, бывший деревенский мальчик, повзрослевший, изрядно потрёпанный жизнью, снова вглядывается в расстилающуюся долину, пытаясь найти ответы.

Но время, как удушливый аркан,
Немилосердно стягивает душу...

И здесь вплетаются в общую канву размышления автора о сущности понятия «свобода». И вновь «Вопросы, лишь вопросы без ответов / В душе моей, как рыбы в полынье». Непрерывный поиск верного пути, поиск истины. Что есть свобода в различных её проявлениях? И насколько она необходима человеку для достижения гармонии? Утверждается, что свобода является «главным условием и средством развития человека».

Свобода творчества предстаёт в понимании автора как реализация потребности человеческой души в самовыражении. Когда человек творит, он словно соприкасается с Первопричиной, интуитивно осознавая истинные ценности: «На изломе души / Зарождаются лучшие строфы». В моменты, когда «распахнутая душа прикасается к чему-то возвышенному», единственной возможностью дальнейшего существования признаётся «обращённость к преобразованию мира и самого себя».

В этом контексте свобода совести видится как возможность познать себя и мир через осмысление законов Вселенной. Бог есть Совесть, по утверждению автора, и, дав свободу выбора и «свободу поступать по совести», Он возложил на каждого из нас ответственность за судьбу человечества. Но готовы ли мы её принять? И здесь между строк читается аналогия с Достоевским: «Нет заботы непрерывнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, пред кем преклониться». Тогда возникают религии, базирующиеся на идолопоклонничестве, или рождаются атеисти-

ческие идеологии, по сути, являющиеся другой стороной той же медали. А медаль эта — власть и управление безропотными людьми. Но человечество свободно в своём выборе, это завещано Создателем.

Аналогичные выводы напрашиваются из рассуждений о свободе мысли. О том, что все попытки человечества найти ответы на вопросы «Одиноки ли мы во Вселенной?» и «Что скрывают далёкие звёзды?» сводятся к одной неизменной цели — познанию себя, а через себя и мира. Признав право каждого (в том числе и других цивилизаций) на свободу выбора, человек обратится к себе и приблизится к пониманию того, что вся информация открыта во Вселенной и,

лишь совершенствуясь во взаимодействии с ней, мы сможем умножать свои знания.

На этом этапе рождаются мысли о свободе развития. Каков дальнейший путь становления человека? Наверняка, достигнув вышеупомянутого уровня развития, цивилизация необратимо изменится. Но как? И тут автор, опираясь на основные теории происхождения жизни во Вселенной, предполагает наличие природной «эволюционной стратегии», позволяющей человеку путём направления энергии по творческому каналу и торможения физических и сексуальных функций трансформироваться в единый «мыслящий энергоорганизм», на конечном этапе способный слиться «со своим Первоначалом в Единое «Мыслящее» Космическое Тело, где гармонически завершается «путь блужданий». Подобные образы светящихся энергетических шаров, сливающихся в единое целое, описаны в своё время ещё Карлосом Кастанедой. И это отнюдь не противоречит религии в её изначальном, неискажённом понимании.

Я вырываюсь вновь из тесных стен,
Взрывая оболочку человека,
Взрываю в небо и сливаюсь с Тем,
Кто обещал прийти к исходу века.

И снова автор приходит к едва ли оспоримому выводу, что единственной и вместе с тем недостижимой целью всех поисков человека является самопознание. К этой цели идёт автор через всю книгу. Идёт к истине в понимании себя и мира, анализируя, переживая опыт предков и современников. «Аз есмь!» — объявляет он, подобно брату своей бабушки из одноимённого рассказа.

И, несомненно, импонирует его способность сомневаться не только в том, что сказано до него, но и в том, что выстроено им самим. Умело апеллируя основными концепциями мироздания, тактично не отвергая ни одну из них, автор строит свои предположения. Обращаясь к мысли А. Галича: «Не бойтесь золы, не бойтесь хулы, не бойтесь пекла и ада, а бойтесь единственно только того, кто скажет: «Я знаю, как надо!», автор, в свою очередь, утверждает, что «сомнения — это признак не слабости, а глубины души». К примеру, с остротой заявляя в одной из статей, что «любая конфессия является лишь посредником (излишним!) между человеком и Богом», он в то же время с искренней болью переживает разрушение церквей, чёрным пятном лёгшее в историю нашей страны:

Разрушенная церковь у дороги,
И монастырский остов, там, вдали...
По праву совести, по воле Бога
Веригами на душу нам легли.

.....
Разрушенные церкви — с колоколен
Кресты ушли к погостам лагерей.

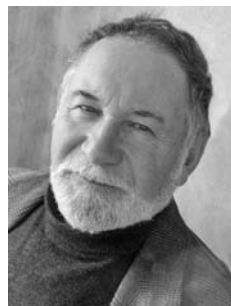
Таким образом, можно предположить, что автор, признавая роль церквей в судьбе русского народа, всё-таки допускает мысль о том, что церковь не излишний посредник, а, напротив, даже необходимый элемент на пути человека к Богу. Только, возможно, в иной форме, близкой к истинному учению Христа и несущей это учение, свободной от политики, жажды власти и наживы. В форме некоего помощника человеку на пути становления личности и осознания необходимости нести в мир истинные ценности. Помощника, способного, подобно мудрому родителю, вовремя отойти в сторону и отпустить дитя в свободное плавание.

И, в подтверждение своей способности сомневаться, автор высказывает мысль: «Если прочитавший этот сборник лишний раз задаст себе вопрос: «Прав ли я?» — значит, не напрасно вынес автор на общий суд плоды «работы» своей души, своё мировоззрение, свои вопросы без ответов».

В этом контексте снова остриём встаёт вопрос, поднятый в начале статьи: «Что есть истина?» И единственно верным ответом на него будет афористичная присказка бабки Дуни («Аукцион»): «Хороший ответ — «не знаю».

Виктор СИДОРЕНКО

СВЯТОЙ РОДНИК ГЕРМАНА КАРПОВА

*До такой изумительной простоты
и ясности мотива, до которых дошёл
Левитан, никто не доходил до него,
да и не знаю, дойдёт ли и после.*

А. Чехов

Видное место в русской живописи столетия занимал и занимает пейзаж. Возможно, потому, что Россия богата привольем. Природа в жизни русских людей всегда значительна.

У каждого подлинного художника свой круг любимых тем и образов, связанных с той стороной жизни, которая ему ближе и дороже всего и что он охотнее всего изображает.

Глубоко индивидуальное отношение к этой жизни с её высокой красотой в том, что другому человеку, не художнику, может показаться обыденным, обычным, ничем не примечательным.

Это в полной мере относится к живописному творчеству заслуженного художника России Германа Трифоновича Карпова, выставка работ которого состоялась в Пензенской картинной галерее.

На выставке серия работ, отмеченных новизной взгляда, смелыми композиционными решениями.

Зимний пейзаж, каменные дома, расхристанные деревья; в глубине часовенка...

Осень, стожок и сродни ему молодые деревца.

Берёзы в сугробах снега, за ними краснокаменные дома.

Отмеченная нами новизна взгляда, смелые композиционные решения придают будничному мотиву исключительный незаурядный характер. Художник интуитивно находит оригинальный ракурс, превращающий прозаичный сюжет в необычную сцену.

Г.Т. Карпов. Фото А. Николаева, 2015 г.

«Дорога к храму», «Тишина в лесу», «Оттепель», «Автобусная остановка», «Уходящая зима», «И снова весна», «Птичьи гнёзда», «Калина красная», «Тёплый январь», «Сумерки» (огоньки в крестьянских хатах).

Внимание привлекают два этюда. Они как бы не пензенские. Верно: один написан в Болгарии, другой в Тарханах: пруд, мостик, молодые деревца; лошадка...

Недалеко от своего дачного участка за городом Герман Трифионович однажды с большим волнением увидел сочащуюся из земли берегового склона хрустально-прозрачную струйку воды. Странное волнение охватило художника, будто по сказочному велению он оказался в своём детстве, около заветной копны сена, неподалёку от которой струился родниковый ручеёк. На родник близ дачного участка он смотрел как на священную чакру земли. Его озвученные при этом мысли были подобны стихам:

Святой родник, родник гремучий,
Журчи, как соловей певучий...

И вот уже какое лето, забросив все свои садово-огородные дела, он занят родником. Опясал его бетонным кольцом-наполнителем. Вывел из кольца наружу нержавеющие трубки для стока родниковой воды. И не просто трубки, а украшенные причудливыми, отлитыми из бронзы губастыми рыбками. Соорудил деревянный спуск к роднику из двух десятков ступеней. А вскоре стал

«Дорога к храму». Картина Г.Т. Карпова.

менять его на каменный с гранитно-мраморным покрытием, для чего привозил с собой на хозяйственной тележке с городских новостроек неиспользованные гранитные и мраморные кусочки. Труд его был настолько заразителен, что скептически наблюдавшие за одержимым художником дачники, увидев однажды, как какой-то проезжавший мимо чужак решил набить мешки этими мраморными кучками, чтобы выстелить ими дорожки на собственной даче,

дали хапуге жестокий, на грани избиения нагоняй. После чего чистосердечно предложили свои услуги и свои руки Герману: распоряжайся нами, Трифоныч, по своему усмотрению.

Растроганный художник не мог произнести ни слова: поняли наконец, что не для себя, а для всех нас стараюсь.

Через неделю в родниковом пространстве появились две таблички с текстом, выполненным методом чеканки по металлу: «Живи родник — служи народу» и «Полная чаша каждому».

А в душе — стихи:
Немало лет затратил я
На то, чтоб жил родник,
На то, чтоб каждая семья —
Любой из нас к нему притник...

Пётр ЛОЩИННИКОВ

ЗНАКИ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

Многим пензенским собирателям значков известна обширная коллекция Петра Михайловича Лощинина, на данный момент в ней более 5000 знаков. Из них на тему культуры больше 3000 знаков, комсомольских — около 1000 и небольшая часть профсоюзных. Как дополнение к комсомольской тематике собраны военные юбилейные и памятные знаки. Петр Михайлович считает, что необходимо было и таким образом увековечить патриотический подвиг комсомольцев.

— Расскажите, пожалуйста, не приостановился ли выпуск значков во время Великой Отечественной войны?

— Во время Великой Отечественной войны выпускались значки, но, к сожалению, до нашего времени дошла лишь малая часть. Они выпускались по следам больших знаковых событий (взятие, освобождение городов), но фронтовики не всегда относились к ним бережно. Это сегодня к этим памятным знакам отношение особое, а в то время думали о другом. Конечно, люди с удовольствием получали памятные награды, но потерял ли он значок — для него не важно, важнее было ощутить радость победы. Это я так думаю, может быть, ошибаюсь. Но я общаюсь со многими ветеранами, и у них, к сожалению, нет значков, выпущенных в 1941 — 1945 годах. Что же касается государственных памятных медалей, их вы увидите на груди у каждого ветерана. Активность выпуска юбилейных и памятных знаков по родам войск и в целом по армиям возросла к 1985 году, когда праздновалось 40-летие Победы. Проходило огромное количество торжественных мероприятий, знаки вручались ветеранам всей страны. Юбилейные значки можно было купить и в киосках. Разумеется, знаки выпускались и к 30-летию, но не в таких количествах, тогда награждался в основном командный состав или офицерский корпус.

Часто вручались знамена, к которым были прикреплены медали и памятные знаки.

Сегодня проходит огромное количество мероприятий, но, к сожалению, значки делают редко, к тому же большинство сделано из жести с напылением, и через некоторое время они теряют свой вид. И дело не в финансовой стороне вопроса. Ведь когда выпуск значков был на высоком уровне, это тоже не было дешево, но люди знали, что это на века. Потому что эти памятные знаки, награды есть на стендах краеведческого музея, и современники по ним узнают, кто и где служил, за что награжден. Значки — большая сила. И сегодня, в год 70-летия Великой Победы, у них очень значимая роль. Значок — немой свидетель

истории, но способен рассказать многое, поэтому он приобретает особую ценность. Для детей, которые приходят на выставки, не так важна разработка художника, их интересует какая-то тайна значка, знакомый или просто яркий образ. В любом случае ребенок уже сделал шаг к памяти: он запомнит эту выставку, этот значок, сможет рассказать о нём приятелю. Кроме того, мы, коллекционеры, надеемся, что он будет собирать значки, и не просто собирать, а обязательно интересоваться, к какой дате выпущен, что означает. И так мы получим еще одного умного гражданина, историка, краеведа, который будет делиться своими знаниями с другими.

— **Петр Михайлович, а как вы пришли к созданию коллекции?**

— Мое увлечение началось в 60-х годах. Я занимался в танцевальном коллективе, и наши ребята разлетелись по всему Советскому Союзу: ансамбль песни и пляски донских казаков, хор им. Пятницкого, Северный хор, Волжский хор. Они и привозили значки с различных конкурсов, фестивалей, праздников. Тогда еще в киосках можно было приобрести значки. Когда набралось много значков, захотелось создать некую систему. Я стал вникать в смысл приобретаемых знаков, стали выделяться жанровые направления. А так как я человек для культуры неслучайный, для меня эта тема стала смыслом жизни. Хотелось собрать максимально много знаков по этой теме: о ведущих учреждениях культуры, о профессиональных и самодеятельных танцевальных и хоровых

коллективах. И, конечно же, все, что выпускалось в Пензе и области о наших ансамблях. У меня появлялись знаки значимых событий, со временем знаки профессионального искусства выделились в отдельную группу. И вот так от простого ребяческого интереса я пришел к коллекции, основу которой составили значки на тему культуры.

— **Вы собирали не только значки, но и информацию о них?**

— Конечно же, я разыскивал и изучал информацию о том, что собираю. Ведь значок выпускают согласно определенным документам, и я старался найти материалы, поясняющие, кому и за что вручен знак. Также я обращался к людям, которые занимались определенной темой, они присылали описание знаков, пояснение символики. Сейчас, конечно, проще, и многие сведения можно найти в Интернете, но зачастую полной информации, документов, бумаг нет. Не всегда это можно найти даже в архиве — всё приходилось собирать по крупицам.

— **Значительная часть вашей коллекции посвящена комсомольским знакам...**

— Да, в силу исторической важности мною собраны значки Всесоюзной комсомольской организации, потому что это — богатейшая история. К примеру, строительные студенческие отряды: сколько заводов, городов, дорог ими построено, и все это отражено в значках. Я работал в организациях, связанных с комсомолом, у меня было много друзей комсомольцев, они участвовали в фестивалях, молодежных встречах и привозили наградные знаки ЦК комсомола. Ведь раньше к мероприятиям, праздникам выпускались значки разные и в

большом количестве. А сейчас, например, к Всемирному фестивалю молодежи и студентов, проходившему в Алжире в 2001 г., был выпущен только один знак, а ведь форум был большой. В моём собрании комсомольских значков пока нет высшей награды — почетного знака ВЛКСМ, сегодня его номинальная цена 65 тысяч. В Пензе им награждено 5 человек, этот знак особый, выпускался не массовым тиражом. Но я надеюсь, он появится в моей коллекции.

— Вы увлечены фалеристикой уже давно. А когда сформировалась большая часть коллекции и как часто появляются новые экземпляры?

— Основная часть была собрана с 60 до 90-х годов, до перестройки. Сегодня новые значки появляются нечасто, ведь большинство связей прервалось из-за дороговизны отношений. Во многих городах есть клуб фалеристов, и я с удовольствием туда приезжал, общался, покупал или обменивал значки. Сейчас это происходит очень редко. Но все же коллекционеры помогают друг другу приобрести недостающие знаки, общаются, меняются. К примеру, в 2013 году в Пензе проводился Международный слет геральдистов, на котором собрались коллекционеры с большим обменным фондом. Конечно, подобные мероприятия обогащают коллекцию.

— Чем, по вашему мнению, определяется ценность коллекции?

— Важно в первую очередь не количество, а значимость знаков, которые нигде не купишь. Они напоминают о важных событиях, ведь наша жизнь — это событийность. Значки из моей коллекции примечательны тем, что они вручались только определенным людям к определенным событиям. К примеру, знак участника Парада в честь 50-летия победы в Великой Отечественной войне или значок участника открытия и закрытия Олимпийских игр. Самые ценные для меня значки — напоминающие о людях, которые мне их подарили.

— Несомненно, каждому коллекционеру дорого его детище. А как сделать так, чтобы коллекция стала интересна другим людям?

— Я считаю, коллекционеру нужно быть более открытым, чаще проводить выставки, рассказывать о своем увлечении. Это поможет разбудить интерес к истории. Может быть, у человека появится увлеченность, возникнет желание что-то сберечь. И это уже хорошо, ведь любой коллекционер занимается полезным для страны делом, работает на будущее. А чем больше увлеченных людей, тем интересней жить!

Беседовала Елена КОМЗАЛОВА

Ольга ЖИВАЕВА

ПОДОРОЖНИК

Стихи

Р-ро S-крип души

Послесловие.

Пост. Скриптум.

Поскрипим суставами слов?

Хочешь, будешь первой скрипкой

В увертюре Розы ветров?

Хочешь, буду собой сегодня,

Сокровенного наскребу,

И станцуют мысли в исподнем

На моём обнажённом лбу?

Хочешь, звуки прилажу скрепкой

К твоим скучно-молчащим губам?

Я к тебе прирастаю крепко.

Хочешь, искренностью воздам?

Хочешь, буду в твоём «послезавтра»,

Я поспору — треснет броня.

Скриптум. Пост.

Транскрибируй меня.

местоИМения

Тычем в небо.

Мычим несуразицу.

А не проще отВЫкнуть?

Да, по сути, какая разница —

шепнуть, крикнуть...

Притянуть, оттолкнуть,
не раскаяться,
снять шеврОны,
чтоб ничьИМ — никому
не кланяться —
по перроНАМ,

городам, планетам,
туманностям,
жизням, душам...

...там, где кто-то
впадает в крайности,
свет не тушат.

Про(г)рехи

«Недо» и «пере» сложу в карманы.
Чувственно выдохнет сломанный сук.
Как идеальную кардиограмму,
Вытяну хрупкие струны рук —

Крест ли я? Статуя чуждой Свободы?
Мост — или взлётная полоса?
Птице неистинно птичьей породы —
Близостью неба себя истязать.

И между пунктами связи — помехи.
«Недо» и «пере» плетутся за мной.
В сырых карманах зияют прорехи —
Не укротить никакой иглой.

Пробелы

Не хочу начинать сложно, потому — перейдём к делу.
Под моей сердоликовой кожей вместо смыслов — одни пробелы.

Объяснять это не собираюсь. Довожу до сведения просто.
Я немею, тебя касаясь. Потому — приготовь гвозди.

Колоти — как Ему — в запястье. Чтобы уж никуда не деться.
Я и это приму за счастье. Я и этим смогу согреться.

Погаси за собой закаты. Экономия, знаешь, света...
Наблюдать стану дождь из Крылатых
(ты-то думаешь, что кометы!).

Открестись от меня — ты вправе.
Остальное закинь в долгий ящик.
Под ногами зашепчет гравий — постаралась твоя праща!

Многословна, прости, знаю. У молчанья отгул сегодня.
Но рабочий, пожалуй, у мая. Постарела весна-сводня.

Растрепалась вконец надежда. Ей — смирительную рубашку.
Пусть болтается где-то между
«обезличенно-горьким» и «нашим».

Коротнуло опять в сплетенье: я дошла до кондиции — pronto!
Это весточка о приближенье чересчур грозowego фронта.

Закругляюсь — спеши под крышу.
А не то — простудиться можно.
Я — от страхов теперь не завишу.
Там пробелы — под тонкой кожей.

реБУСЫ

Твои ребусы неразгадывае-
Мы друг друга не понима-
Ем паутину сахарной ва-
Ты же режешь лимон на лом-
Тики нервные быстро про-
Ходят около наши хо-
Дикие руки совсем обезу-
Мели, застывая от холо-
Да ту самую поля-
Ну, от которой танцует кур-
Сор был мелок и о-
Стёр.

* * *

Ты видел меня. Остальные — глазели.
Ты знал, что за смехом — ресницы мокрые.
Ты видел меня в августовской зелени.
Узнаешь теперь, в сентябрьской охре?

Ты слышал меня (остальные — кивали),
Поспешно на паузу ставя дыхание,
Как будто бы пластырь от рта отрывали
И заменяли повязкой тканевой.

Бог знает, уже на каком километре
В пути от тебя. И двойным послевкусием
Мои путевые листы заверены.
Но как бы там ни было: ты меня — чувствовал.

ПОДОРОЖНИК

Эй, отзовись... вечереет... я сбил все ноги...
Клюквенным маревом спаян пузырь луны.
Из-за кустов шепчут славянские боги —
Длинные их платья и речи, а лица черны.

Пялятся бельмами и замышляют злое.
Я же твержу: «Я — светлый. Не вам карать».
Но обжигают губы крапивой степною
Строчки — молитву мне не дадут дочитать.

Я не вернусь без тебя — дал зарок страшный.
Ну, отзовись же, какая случилась беда?
Пьяной невестой багульник под ветром пляшет...
И отликает русалочьим блеском вода.

Из-за кустов боги бросают колючками:
Больно — нет сил... Спасать ведь иду — а сам...
Только б обманом не отняли веру в лучшее,
В то, что дойду до тебя, пусть совсем измученный,
И подорожник приложишь к сбитым ступням.

Олег КОРНИЕНКО

«ТАРЗАНКА»

**Рассказы для детей
младшего школьного возраста**

ШАГИ ЗА ДВЕРЬЮ

Ирине Токмаковой

Стёпка жил в небольшом посёлке и давно мечтал сходить в зоопарк или цирк. Зоопарк был в другом городе. Там жил дядя Коля, ехать к которому на электричке часа три. Стёпку одного не отпускали — мог заблудиться в большом городе.

Всё решил телефонный разговор с дядей. Договорились, что здесь Стёпку посадят на электричку, а там дядя встретит его.

Но дяди на станции не оказалось. Стёпка подождал некоторое время и, когда большая стрелка на вокзальных часах перескочила на другую цифру, подошёл к полицейскому:

— Вы не знаете, где улица Совнаркома, дом 8?

— Совнаркома? Это идёшь прямо и упираешься в кинотеатр. А первый дом слева — твой.

Стёпка шел по улице и рассматривал витрины магазинов. В одной из них он увидел чучела и клетки.

— ЗООмагазин, — прочитал Стёпка и без колебания открыл дверь.

Чего здесь только не было! Прозрачная стена из аквариумов с разными рыбками, хомячки, декоративные кролики, много скрипучих попугайчиков, о которых давно мечтал Стёпка. Одним словом, всё что угодно, кроме слона. Слон ждал Стёпку в зоопарке, а потому Стёпка поспешил на выход.

Он быстро отыскал дом дяди и его шестую квартиру. На звонок никто не вышел. Стёпка позвонил ещё раз, и ещё...

И вдруг Стёпке послышались шаги. За дверью дяди Колиной квартиры кто-то ходил. Стёпка перестал дышать и прислушался: шаги то удалялись, то снова осторожно приближались.

Он нажал на кнопку звонка.

— Дядя Коля, откройте! Это я, Стёпка!

Нет, ему не почудилось, по коридору кто-то ходил: быстро-быстро, туда-сюда. Стёпка опять требовательно позвонил. Но никто не откликнулся и дверь не открыл.

Он сел на ступеньки, прижал к себе рюкзак и прислонился к стенке...

Его разбудил дядя Коля.

— Ты давно сидишь? Я уже все электрички встретил — нет тебя. Хотел уже звонить родителям — узнавать, в чём дело.

— У вас кто-то за дверью ходит, — сказал Стёпка.

— А это мы сейчас посмотрим, — улыбнулся дядя Коля, открывая дверь.

Навстречу им из кухни выбежала газета.

Когда дядя включил свет, газета развернулась на месте и покосолапила в тёмную комнату.

— Это ёжик. Постель на ночь готовит, — пояснил дядя.

— Ёжик? — удивился Стёпка.

— Ну да, ёжик. Недавно у подъезда в кустах подобрал. Лапу, видно, поранил. Подлечу его маленько, а потом в зоомагазин сдам, а может, на чучело кому продам. Какие ни есть, а деньги.

Ночью Стёпка несколько раз просыпался и слышал, как шуршит газетами ёжик.

Когда утром он проснулся, в комнате никого уже не было. На столе лежала записка: «Завтрак на плите. В зоопарк пойдем завтра». Рядом лежал ключ, скорее всего, от квартиры.

И тут он вспомнил про ёжика. Ёжика нигде не было.

— Неужели уже отнёс? — испугался Стёпка.

Он прошел в другую комнату и заглянул под шкаф. Там шевелились обрывки старых газет. Это сонно дышал ёжик. Рядом стояло пустое блюдо.

Стёпка быстро выложил из рюкзака привезенные дяде гостинцы. Одно яблоко он оставил на обратную дорогу. Достал носовой платок и положил в него сонного ёжика.

«Мы с ёжиком паехали дамой. Стёпка», — написал он на обратной стороне записки.

Дорога к станции шла направо. Стёпка повернул налево, в городской парк.

Он прошёл в глубь парка, вырыл под кустиком ямку, выстелил её травой и осторожно положил в неё спящего ёжика.

В животе заурчало от голода. Он вспомнил про яблоко. Наливное, душистое, оно еле помещалось в Стёпкиной ладони.

— Я только немножко... — сам себе сказал Стёпка и, положив надкушенное яблоко рядом с ёжиком, зашагал в сторону железнодорожной станции.

ЗЕЛЁНЫЙ ЛУЧ СМЕРТИ

Это, конечно, был Юрка, Юрка Сивков, с которым Тимка и Федька когда-то ходили в детсад. Теперь они встречались с Юркой только летом, когда он приезжал на каникулы к бабушке с бабушкой с Дальнего Востока.

— Привет дальневосточникам! — крикнул Тимка.

— Салют волжанам! — ответил Юрка.

Отец у Юрки — капитан дальнего плавания. А потому у Юрки настоящий кортик, а на боку сегодня болтался коричневый продолговатый футляр, который Юрка придерживал, точно кортик.

— Бинокль? — поинтересовался Федька.

— Фонарик, — Юрка важно похлопал по футляру.

— А фонарик зачем? — спросил удивленно Тимка.

— Точнее, это не фонарик, а секретное оружие: лазерная указка, — почти шепотом объяснил Юрка.

Ребята уже слышали по телевизору о лазерных указках, лучи которых хулиганы наводили на садящиеся самолеты. Но ведь Юрка не хулиган, а сын моряка, капитана дальнего плавания.

— Он что угодно может остановить, хоть на земле, хоть в воздухе, — похвастался Юрка, доставая из футляра фонарик, блестящий, с зелёным стеклом.

— Ври больше! Ты что — Терминатор? — засомневались друзья.

— Когда стемнеет, выходите на улицу — сами убедитесь.

Когда солнце наконец спряталось за горизонт, ребята встретились у подъезда и решительно зашагали к небольшому парку, мимо которого проходила автомобильная дорога.

Они спрятались за кустами, и Юрка достал фонарик. Ждать пришлось недолго. Впереди показались огни машины.

— К бою! — скомандовал Юрка и включил фонарик. Тимка и Федька увидели, как тонкий зелёный луч метнулся навстречу машине и, ослепляя водителя, замер на лобовом стекле. Машина завияла из стороны в сторону, завизжали тормоза, и она, съехав с дороги, залетела в кусты. Из кабины, ругаясь, выскочил водитель:

— Эх, я сейчас кому-то уши надеру!

— Атас! Смываемся! — скомандовал Юрка и первый показал ребятам спину. Тимка и Федька бросились за ним.

— Держись левее — там гаражи, — крикнул Тимка.

Через несколько минут, тяжело дыша, ребята остановились возле гаражей.

— Ну, как? — спросил Юрка и прислушался.

— Кажется, оторвались, — ответил Федька.

— Хорошо, что мы не уши, — заметил Тимка. — Может, хватит на сегодня приключений?

— Вам виднее, — пряча фонарик в футляр, важно заметил Юрка. — Один — ноль в мою пользу.

Дома их уже потеряли.

— Вы куда пропали? — спросила мама Юрки и подозрительно посмотрела на ребят.

Те испуганно переглянулись, но тут вмешался отец Юрки:

— Новости дадите спокойно посмотреть?

Мальчишки тоже механически уставились на экран телевизора. Там показывали какой-то аэропорт и много самолётов.

— В некоторых регионах России участились случаи хулиганства при помощи «лазерных указок», — сказала диктор, и Тимке показалось, что она уставилась на него. — Так, в Махачкале и Самаре лазером пытались ослепить экипажи пассажирских самолетов. Президент Чечни Рамзан Кадыров приказал запретить продажу «лазерных указок» на территории республики.

Тимка с Федькой переглянулись и посмотрели на Юрку. Глаза его восторженно блеснули.

— Видели? — спросил Юрка и достал фонарик. — Направляешь на самолет, и он как миленький садится, где тебе нужно.

Тимка вспомнил вдруг про отца, который ушёл сегодня на ночные полёты, и сказал:

— Да, сильная штука. Дай посмотрю.

— А я что говорю, — захихикал Юрка и протянул фонарик Тимке. — Если хорошенько потренироваться, можно и спутниками на орбите управлять.

— Ой! — вскрикнул вдруг Тимка.

Фонарик, сверкнув ненавистным зелёным стеклом, полетел на пол.

Первым почувствовал неладное Юрка.

— Эх ты, балда! — захныкал он, поднимая фонарик.

Фонарик был целым, только что не светил, сколько Юрка ни дергал рычажок.

— Я ведь пошутил, — признался вдруг он. — Никакой это не лазер, а обычный фонарик. Только стекло зелёное.

— Доморгался, — радостно заметил Тимка и, точно обезвреженную гранату, подкинул на ладони мертвый фонарик. И загадочно добавил: — Один — один — ничья!

РАНЕНый «ОРЛЁНОК»

О том, что в нашем микрорайоне будет проходить военно-патриотическая игра «Орлёнок», мы с Валериком узнали из объявлений, расклеенных почти на каждом доме. В этой игре мы были не новички. У нас даже имелась своя команда с грозным названием «Динамит». С толстушкой Светкой, капитаном нашей команды, мы всегда занимали призовые места — второе или третье, и никогда первое. Может быть, сегодня нам повезёт?

Чтобы не опоздать на построение, мы всю дорогу бежали, представляя, как волновалась Светка. Ничего, похудеет килограмма на два, это ей полезно.

Команд было семь. После поздравления депутата всем ребятам раздали ленточки, похожие на российский триколор, и булавки. Светка быстро, как будто ежедневно это делала, приколотла нам ленточки к рубашкам. Команда под № 3 «Динамит» к соревнованиям была готова.

Светка бегала к судьям, к организаторам соревнований. Она им что-то говорила, они ей отвечали, размахивая руками.

— Надо пробежаться по трассе. Так сказать, проверить её на зуб, чтобы меньше было проблем, — предложила нам Светка.

С этим согласились все, и, когда до начала соревнований осталось десять минут, мы быстро пробежались по маршруту: противогазы, полоса препятствий, оказание первой медицинской помощи, преодоление рва, «мышеловка», «паутина»...

Валерик скривил презрительно губы и поплевал на ладошки:

— Элементарно! Первое место у нас в кармане.

— Не скажи, — оглянулась Светка на трассу. — Одно дело со стороны смотреть, другое — соревноваться.

После короткого инструктажа на старт вышла первая команда.

Наша очередь была ещё не скоро, и мы расположились так, чтобы видеть все этапы соревнования.

— «Динамит»! Где у нас «Динамит»?! — крикнула в мегафон судья.

Мы выросли перед ней как грибы после дождя.

— Готовы? — спросила она.

Светка только открыла рот, чтобы ответить, как за спиной кто-то рявкнул:

— Так точно!

Это был Валерик.

— Ваш девиз?

И мы дружно, хором, во весь голос прокричали:

Мы команда классная

И взрывоопасная.

Кто сегодня победит?

Ну конечно, «Динамит»!

Судья бросила взгляд на трассу (она была свободна) и скомандовала:

— На старт! Внимание! Марш!

И мы рванули с места. Первый этап — «стометровку» — мы пробежали быстро и бросились к противогазам. В них надо было пробежать второй этап, метров 20, потом снять и отнести противогазы обратно.

Мы уже добежали до финиша, когда услышали за спиной страшный рёв. По звукам, за нами мчался слон. Слоном оказался Валерик. Его алые щеки выглядывали из противогаса, и, вместо того чтобы бежать вперед, он топтался на

месте и трубил. Мы подхватили Валерика под руки и быстро потащили к финишу. Только там выяснилось, что не была снята заглушка на противоподной коробке и Валерик чуть не задохнулся.

На третьем этапе нас ждала врач с повязкой «Красный Крест».

— Вам задание. Мальчик потерял сознание, — сказала она. — Ваши действия?

Мы посмотрели на Светку. Все-таки папа у неё врач, пусть и ветеринарный.

— Привести его в чувство, — тяжело дыша, бросила Светка.

— А конкретнее? Надо дать больному... — врач пыталась нам помочь.

— Мороженое, — запрыгал от находчивости Валерик.

— Ещё одно слово, и ты вместо мороженого в ухо получишь, — показал я кулак Валерику.

— Дать больному понюхать нашатырь, — вспомнила Светка.

— Правильно! — похвалила нас врач. — А теперь на «тарзанку».

Так же легко, но не без проблем мы преодолели «тарзанку», качающееся бревно, отстреляли из «воздушки» и замерли перед последним испытанием — «паутиной».

— Прижимайтесь к земле, когда будете ползти под сеткой, — напомнила нам судья. — Касаться её нельзя. И не спешите! Главное — не скорость, а отсутствие штрафных очков.

Сетка была натянута так низко, что Светка не могла её не задеть, но тут случилось ЧП, которое спасло Светку.

Я прошёл этап быстро и ждал Валерика. Он упал под сетку и так заработал руками и ногами, что мы чуть не потеряли его в пыли.

Когда же сияющий Валерик появился на финише, он напоминал индейца: грязное от пыли лицо и белые зрачки.

— Ну, как я? — сияя, спросил он.

— Можно было и лучше, — заметила Светка. — А что это у тебя с ногой?

Все посмотрели на левую ногу Валерика и только тут заметили, что она в крови.

Валерик побледнел, и, чтоб он не упал, мы усадили его под дерево. А Светка побежала за врачом.

Врач быстро осмотрела рану.

— Должно быть, стеклом поцарапался, — доложила она судье.

— Мы ведь всю дистанцию перед соревнованием осмотрели, — судья виновато развела руками.

Врач дала понюхать Валерику нашатырного спирта, обработала рану перекисью водорода и наложила повязку.

— Как дела у «Динамита»? — спросила она судью.

— Скорее всего, третье место.

— Как третье? — чуть ли не вскочил Валерик. — Да если бы не ранение, мы бы обставили всех!

Судья соревнований ещё раз посмотрела на списки, потом на доктора:

— Второе место, в принципе, они заслужили.

— Ура! — взорвался «Динамит» от радости.

Домой мы возвращались не спеша. Во-первых, сказала усталость от соревнований. Плюс нам, как призерам, каши дали с добавкой. Валерика мы вели по очереди. Каждый из команды считал за честь помочь раненому герою. Хотя хромать Валерик почти перестал. Все понимали: без него мы ни за что бы не завоевали второго места.

Уже возле дома, прощаясь, Валерик заметил:

— Чепуха! Какой я герой? Вот если б и вторая нога была ранена — первое место у нас было бы точно!

ЗЯКА

Дочери Анастасии

Зяка появился в квартире Емелиных не случайно. Его подарил Наде на день рождения Колька, двоечник.

— Вот. Это тебе, — краснея, пробормотал Колька и протянул Наде подарок.

Списывал Колька не часто, но его подарок Наде понравился.

В коробке из-под обуви, дрожа от страха, сидел рыжий, с пышными бакенбардами и коричневыми глазами зайчонок и шевелил носом. Скорее всего, он так дышал.

— Это что ещё за чудо? — недовольно спросил папа.

— Папа, он такой пушистый, — Надя взяла зайчонка на руки и поцеловала в пушистую щеку.

— А если он цапнет?

— Не цапнет, — спокойно ответил Колька. — Он добрый.

Колька, хотя и был двоечником, животных любил. У него в квартире жили кот, щенок, две черепашки и большой говорящий попугай.

— Ну, и чем вы его кормить собираетесь? — поинтересовался папа.

— Он всё кушает: хлебушек, травку. Насыпали «геркулеса» — тоже не отказался, — сказал Колька.

— Ну, ну, — папа осуждающе посмотрел на маму, но та и сама была не рада новому квартиранту. — С попугаем хлопот не оберешься, а тут ещё и зайчонок.

— Это декоративный кролик, — поправил папу Колька.

Проблемы начались сразу же, как только за Колькой закрылась дверь. Где будет спать Зяка (Наде слышалось, что именно так мама назвала кролика)? Из чего будет есть? И что делать, если заболит?..

Кролика на ночь посадили в картонную коробку из-под телевизора. Но он не хотел ещё спать. Скорее всего, привык к другому распорядку. Он встал на

задние лапки и начал скрестись, пытаясь выбраться. И выбрался: прогрыз в коробке отверстие — и, счастливый, оказался на свободе.

— Вот это да! — все от удивления вытаращили глаза. — И что с ним делать?

Зяку закрыли в ванной. И тише для всех, и надежнее. Он немного побушевал в темноте, но вскоре затих.

На следующий день — свобода! Зяка осторожно продвигался, изучая квартиру. Лапки на линолеуме непривычно расползались. И это было смешно. Он, действительно, был потешен, и его хотелось трогать и трогать, но в руки он не давался и забирался туда, где достать его практически было невозможно: под кухонный стол, за диван в зале и особенно часто — под кровать в спальне.

Правда, отлеживался Зяка недолго. Когда все, успокоившись, принимались за свои дела, он выходил из укрытия и начинал бродить по квартире, обнюхивая углы, быстро подружился с котом и делал так же, как и кот: царапал диван и грыз обои.

Это начинало раздражать, Зяку прогоняли, но он настойчиво продолжал свою работу. Его прямо-таки тянуло погрызть что-нибудь или порвать.

— Надо купить клетку, — предложила Надя.

— А сколько она стоит? — спросил папа.

— Рублей 500, — предположила мама.

— 500?! — возмутился папа. — Нормально. Клетка пятьсот, и уже на 500 обоев съел. Куда хотите, туда его и давайте.

На семейном совете решили (Надя была против) подарить Зяку папиной знакомой библиотекарше. Библиотекарша мечтала когда-то о декоративном кролике. Папа позвонил ей и уже представлял, что после совета с мужем её ответ будет положительным. Но вечером она сообщила, что муж против: «У тебя есть кот — хватит с тебя и кота».

Отнести Зяку Кольке нельзя — обидится. Да подарки и не возвращают.

— В городском парке есть небольшой частный зоопарк. Может, там возьмут? — подсказала мама.

В воскресенье все вместе поехали в зоопарк, в котором никогда не были.

На улице, в изгороди, несмотря на солнечный день, стояла сонная лошадь, а в помещении им ударила в лицо духота и непривычный запах, характерный для всех зоопарков. Здесь жили две худенькие лисицы, несколько кроликов, редкий для этих мест дикобраз, в коробке с опилками копошились хомячки, а в пустом аквариуме дремал, тоже декоративный, но рябой, кролик.

Симпатичная женщина в спецовке и рукавицах сказала, что денег на покупку кролика у них нет. Мама объяснила, что они хотят отдать Зяку просто так.

— Привозите, посадим вашего к тому рябому, — женщина показала на аквариум. — И если они уживутся...

— Мамочка, он же не рыба, — захныкала Надя.
— Ничего страшного, временно посидит и в аквариуме.
— А что я скажу Кольке?
— Ничего. С двоечниками стыдно тебе общаться, — рассердилась почему-то мама.

И Надя с мамой в выходные отвезли подарок в городской зоопарк.

— Посадили Зяку пока к рябому. Он сразу в угол забился, — рассказывала папе мама, когда они вернулись.

На следующий день, когда папа пришел с работы, в квартире было тихо и как-то пусто. Никто не путался под ногами, не трепал нервы. Но папа ещё не один день по привычке вскакивал с места — ему казалось, что кто-то грызет обои. Засыпал он с головной болью. Но болела и душа: как там Зяка? Они его кормили, купали, сушили после бани феном, расчесывали пушистые бакенбарды и челочку между ушей, а там никто за ушком не почесет.

И однажды папа, не вытерпев, поехал в зоопарк.

Зяка сидел, забившись в угол какой-то клетки, грязный, худой и всклокоченный. Рядом стояла миска с нетронутой едой.

— Воды даже не было, — рассказал, возвратившись, папа. — Ну, и что будем делать? — он вопросительно посмотрел на маму и Надю. После всего увиденного в городском зоопарке папа был согласен на всё.

— Я уже заказала большую птичью клетку, — радостно сообщила мама.
— Мы тоже были у Зяки и все видели.

Папа обрадовался, что их решения совпали, потому что и сам соскучился по этому худющему комочку.

В понедельник у мамы был выходной. Она купила на рынке пластмассовую корзину для перевозки животных. В зоопарке их ждал Зяка.

«ТАРЗАНКА»

Я с нетерпением ждал лета, и оно наконец-то наступило. Мы закончили работу на пришкольном участке и перешли в пятый класс. В моём дневнике, как стулья в кинотеатре, стояли четверки. Среди них даже одна пятёрка красовалась — по физкультуре.

Мама с папой радовались окончанию учёбы не меньше, чем я. Они наперебой предлагали мне разные варианты отдыха, включая поездку на Черное море, но победило папино предложение навестить его друга по службе в армии и заодно покататься на «тарзанке».

Кино про Тарзана я смотрел у Валерика — моего закадычного друга. Мы смотрели его почти каждый день, пока не надоело. Но никакой «тарзанки» мы там не видели.

И вот в воскресенье после обеда мы отправились на нашей машине в необычное путешествие.

Пруд был большой. Со всех сторон его окружали кусты, деревья и камыши.

— Ну что, на «тарзанку» идём? — спросил папа.

— Конечно, — согласились мы с Валериком и пошли с папой в ту сторону, где слышались весёлые детские голоса.

Никакого Тарзана мы, конечно, не увидели. Обыкновенные сельские мальчишки, черные от загара, топтались на плотине под высоким деревом.

— А вот и «тарзанка», — показал папа на длинную верёвку, которая была привязана к высокой толстой ветке.

— Кто из вас смелый? — улыбаясь, папа обратился к мальчишкам.

Они с ухмылкой переглянулись. Скорее всего, смелыми здесь были все.

— Федька, покажи городским класс!

Ростом Федька оказался ниже всех, худенький, конопатый. Даже ниже нас с Валериком. Чтоб достать до веревки, Федьке надо было встать кому-то на плечи. Но друзья без труда подбросили его к «тарзанке», затем резко потянули назад и — отпустили. Федька, как маятник, качнулся в сторону пруда и в самой высокой точке полета отпустил руки и красиво нырнул в воду.

— Кто следующий? — посмотрел на нас папа.

— Надо размяться перед прыжком, — сказал Валерик, размахивая руками в разные стороны. Но мне показалось, что он специально тянет время. Первым прыгать ему не хотелось. Но казаться трусами перед чужими ребятами тоже было зазорно.

— Папа, давай я, — охрипшим от страха и волнения голосом выдал я и посмотрел на Валерика. Тот заметно повеселел. А папа, точно перед полетом в космос, принялся меня инструктировать:

— Долетаешь до воды и отпускаешь руки. И не бойся, я рядом.

Он посадил меня на «тарзанку» и сильно толкнул. Ушел из-под ног берег, можно прыгать, но пальцы не хотели разжиматься, и я, болтая ногами, полетел обратно.

— Ты чего? — крикнул папа.

— Скорость маленькая, — объяснил я.

— Повторим? — спросил папа.

— Повторим.

Местные мальчишки собрались в кучку и с интересом наблюдали, чем закончится мой полёт. Валерик даже разминаться перестал.

Когда я перелетел плотину и понесся опять к пруду, папа ещё раз толкнул меня. Прыгать было страшно, но не болтаться же на верёвке целый день? И я отпустил палку. В этот момент кто-то крикнул так страшно, что вода подо мной расступилась, и все звуки вокруг на мгновение стихли.

Когда я вынырнул, папа на берегу хлопал в ладоши, а Валерик от радости прыгал и что-то орал. И я, не торопясь, как олимпийский чемпион, поплыл к берегу.

— Это кто так кричал во время моего прыжка? — спросил я гордо папу.

— А нам показалось, что это кто-то орал от страха.

И папа посмотрел на Валерика:

— А ты плавать умеешь?

Валерка умел, только по-собачьи, а потому выдавил:

— Умею.

— Ну что, прыгаем? — спросил его папа.

— Прыгаем, — ответил Валерик. В этот момент он больше походил на тушканчика, чем на Тарзана.

Начиналось все хорошо. Валерик взмыл над прудом, и мы следили, когда он прыгнет. Но «тарзанка» с висячим, точно сосиска, Валериком вернулась обратно.

— Все нормально? — спросил папа.

Сосиска почему-то молчала и болтала ногами.

— Если боишься, то не прыгай, — сказал я.

— Счас прыгну! — почему-то заорал Валерик и ещё крепче уцепился за палку.

...Он шлёпнулся в воду почти возле самого берега и поднял такой фонтан брызг, точно в воду бросили глубинную бомбу. В этот момент лягушки пруда от страха, наверное, выскочили на берег и повертели лапками у виска: ты, парень, случаем не ква-квакнулся?

Валерик через мгновение появился из воды и, задржав голову, заработал руками, точно винт моторной лодки.

— Вставай, там мелко! — крикнули ему местные ребята.

Валерик бросил мутить воду и встал на ноги. Воды было по пояс.

— Эх ты, Тарзан, — обнял я Валерика.

— Ничего. Не получилось сегодня, получится завтра, — подбодрил его папа.

Солнце склонилось над прудом. Мы сели в машину и оглянулись. Сельские мальчишки уже ушли, и только «тарзанка» одиноко раскачивалась на дереве.

АВТОГРАФ «КОСМОНАВТА»

...Если некоторые люди тратят целые годы, чтобы завоевать популярность или славу, то пятиклассник Фёдор Тарасов стал «звездой школы» за один урок. А причиной всему — обычная контрольная по математике. Нет, Федька любил математику. Просто математика не любила его. А значит, кто-то должен уступить. Уступить решил Федька. Точнее, слинять с контрольной.

— Если математичка спросит, придумай что-нибудь, — попросил он Анто-на, соседа по парте. — Скажи: тетрадь дома забыл, а лучше — заболел.

— Заболел так заболел, — согласился Антон. — А чем?

— Свинкой, например.

Привычные сорок пять минут тянулись непривычно долго. Федька прятался за кустами на другой стороне улицы и поглядывал то на часы, то на входную дверь школы, а потому и не заметил, как рядом остановился мужчина и спросил:

— Мальчик, это девятнадцатая школа?

— Да, девятнадцатая. А что?

— Ничего, спасибо...

И пошел дальше. На пиджаке у него блеснула звезда Героя России!

Как только прозвенел звонок и на улицу высыпали школьники, Федька поспешил в класс. Но до класса он не дошел: его внимание привлек плакат на доске объявлений. Он сообщал, что завтра в актовом зале состоится встреча с выпускником школы — летчиком-космонавтом России. Но больше всего потрясло фото космонавта. В нем Федька узнал мужчину, с которым только что разговаривал.

И он помчался в класс.

— Видел? — спросил он Антона, бросив сумку на парту.

— Что видел?

— К нам придёт космонавт.

— А я думал: ревизор. И что?

— А то, что я только что с ним общался!

— На орбите?

— В кустах.

— Ну, ты даешь! — хлопнул товарища по плечу Антон, и все вокруг заулыбались. — Он что, обещал тебя к себе в отряд космонавтов забрать?

— А что, всё может быть, — сказал Федька. — Так что спешите брать у меня автографы.

— Мне автограф! Мне! — заорали одноклассники и начали совать Федьке записные книжки, школьные дневники и просто чистые листочки.

Федька не сразу заметил, что уже начался новый урок и в класс вошла Клавдия Степановна — классный руководитель. Он пытался, раздавая автографы. Во время урока Клавстепановна то и дело поглядывала на Федьку. «Наверное, обиделась, что не дал ей автограф, — решил Федька. — Нашла из-за чего дуться. Не получилось на уроке, наверстаем после. Для своих — без проблем и очереди».

Но в учительской Клавстепановна отказалась от автографа юного космонавта и оставила в Тимкином дневнике свой: «Уважаемые родители Тарасова Фёдора, жду вас завтра в школе в течение дня!»

Нет, что ни говори, а тернистый всё-таки путь в космос!

ПЕСНИ МАРИНЫ ТЕПЛИЦКОЙ

ПРО ИЗЮМ И НЕ ТОЛЬКО

Am E
Мы по жизни шагаем угрюмо.
E Am
Но есть право у нас на успех!
Am E
Мы пришли на раздачу изюма,
E Am
А его не хватило на всех!
A, Dm
«Как же так?» — возмущались мы круто,
G C E
Раздувая пары и дымы.
Am Dm
Весь изюм тихо сплавлен кому-то.
E Am
Ну и с чем же останемся мы?

И теперь сможет каждый и прочий
Нам в укор записать как в грехи:
«Без изюму! И очень порочны!
Да к тому ж еще пишут стихи!»
И что делать теперь, непонятно.
И как быть, если так суждено?
Безизюмными жить неприятно,
А изюмными быть не дано.
Но коль так, то еще не известно,
С чем кому повезло, где и как,

Ведь бывает с изюмом и тесто,
 Как с мозгами, но, в общем, дурак.
 Так давайте же жить не угрюмо,
 Будем просто и искренне рады!
 Ну и что, что раздали изюмы,
 Зато спелые в нас винограды!

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ТОМУ, ЧТО КОГДА-ТО БЫЛО...

Am Dm
 Возвращаясь к тому, что когда-то было,
 E Am
 Как к полоске уже не земного света,
 Dm
 К дням, которые время накрыло
 E Am
 Кружевной паутинкою позднего лета...
 A₇ Dm
 И зачем-то еще мне все нужно это —
 G C
 Беречь затаившиеся раны
 Am Dm
 И искать на вопросы былые ответы
 E Am
 В самых дальних и сердцу не близких странах.
 A₇
 Знаю ведь, знаю ведь:
 Dm
 ни за что, ни за что нам туда не вернуться!
 G C E
 И от этого все мы чуть-чуть одиноки.
 Am Dm
 Там тепло. Там над водами ивы плакучие гнутся
 E Am
 И несутся с вершин белоснежных шальные потоки.

Там весна пахнет как-то совсем по-другому
 И приходит рано миндальным цветом,
 И усыпана счастьем дорога к дому.
 Там уютно и чисто зимой и летом.
 Там у утра такие живые тени,
 А у вечера звезды так близко-близко,

Там часов нет — одни мгновенья,
Там беды не бывает, тоски и риска.

Знаю я, знаю я:
ни за что, ни за что нам туда не вернуться!
И от этого все мы чуть-чуть одиноки.
Там тепло. Там над водами ивы плакучие гнутся
И несутся с вершин белоснежных шальные потоки.

ПЕСНЯ О ЖЕНЩИНЕ В ОКНЕ

Am Dm
Как в кино, под звуки лиры,
E Am
В кадре темного окна,
Dm
Из придуманного мира
E Am
Проявляется Она!
E Am
На секунду. На полмига.
G C
Промелькнет — и больше нет!
Dm Am
Непрочитанная книга.
E Am
Неразгаданный секрет.
A₇
Отчего она желанна,
Dm
Недоступна и близка?
Из оконного экрана
E
В вашу жизнь вошла она.
Am
Ее мир, ее пороки —
E Am A₇
Вам неведомый поток!
Dm Am
Силуэт ее далекий —
E Dm
Словно воздуха глоток!

И уйти не будет силы,
На душе печаль тая.
Эта женщина из мира
Из чужого — не твоя!
Как надежду не приблизить,
И полслова не сказать...
Только чувствовать, и видеть
Силуэт в окне, и ждать!

А₇
Эта женщина в окне
Dm
Так божественно прекрасна!
G C
Соблазнительно опасна!
E
Недоступна и близка!
А₇
Эта женщина в окне,
Dm
Как приснившаяся сказка!
E
Вот она!
Am
Но все напрасно!
E Am
Не дотянется рука.
Отчего она желанна,
Недоступна и близка?
Из оконного экрана
В вашу жизнь вошла она.
Ее мир, ее пороки —
Вам неведомый поток!
Силуэт ее далекий —
Словно воздуха глоток!

ПЕСНЯ ПРО ОСЛИКА

Am E
Ходит ослик печальный по кругу.
Am
Мерно землю шершавит подковка.

ДЕНИСОВА Ольга Леонидовна. Родилась в 1959 г. в поселке Евлашево Кузнецкого района Пензенской области. Окончила Государственные заочные курсы иностранных языков (по курсу французского языка). Работала заведующей абонементом Кузнецкой районной детской библиотеки. Поэт. Автор публикаций в журналах «Арион», «Иностранная литература», «Сура», коллективных сборниках «Стихотворящая лоза» (Красноярск) и «Возвращение» (Москва). Автор поэтической книги «Осколки» (2004). Член Союза писателей России.

ЖИВАЕВА Ольга Викторовна. Родилась в 1992 году в селе Рыбкино Ковылкинского района Республики Мордовия. Окончила филологический факультет МГУ им. Н.П. Огарёва по специальности «Журналистика». Стихотворения неоднократно печатались в факультетской газете «Диалог», молодёжном литературно-публицистическом журнале «Странник». Живёт в Пензе. В «Сура» публикуется впервые.

КЛАДОВ Виктор Юрьевич. Родился в 1979 г. в Пензе. Окончил исторический факультет Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Кандидат исторических наук. Заместитель директора МУК «Музейно-выставочный центр» города Заречного (Пензенская область) по научной работе. В «Сура» публикуется впервые.

КОРНИЕНКО Олег Иванович. Родился в 1954 году в селе Котовское на Киевщине. Окончил 1-е Харьковское военное авиационно-техническое училище и Курганское высшее военно-политическое авиационное училище. Печатался в центральных изданиях: «Аврора», «Детская «Роман-газета», «Истоки», «Наш современник», «Московский вестник», «Российский писатель», «Советский воин», «Смена», «Будь здоров!», «Луч» (Ижевск); «Русское эхо» (Самара), «Мономах» (Ульяновск); «Истоки», «Новый Енисейский литератор», «Енисейка» (Красноярский край), в коллективных сборниках издательств Украины, Москвы, Самары. Член Союза писателей России. Председатель Сызранской городской организации «Содружество детских писателей». Лауреат литературных премий «Город» (1999 г.) и «Признание» (2006 г.). Живет в г. Сызрани Самарской области.

КУПРИЯНОВ Алексей Николаевич. Родился в 1970 г. Работал монтажником на заводе «Кузполимермаш». В настоящее время ра-

ботает корреспондентом «Любимой газеты». Автор публикации в книге «Молодая пензенская поэзия». Живет в Кузнецке.

ЛОЩИНIN Петр Михайлович. Родился в 1947 г. в Пензе. С 1981 по 1992 г. работал в отделе культуры облсовпрофа. С 1992 по 2005г. — начальник Управления культуры г. Пензы. Заслуженный работник культуры РФ, краевед, Отличник всероссийского музыкального общества, награжден почетным знаком «За заслуги в развитии города Пензы». В мае 1999 г. был присвоен квалификационный разряд «Действительный муниципальный советник 3 класса», награжден почетным знаком «Признание города Пензы». В «Суре» публикуется впервые.

МАХОНИН Николай Петрович. Родился в 1928 году в д. Телегино Городищенского района Пензенской области. Ветеран ВОВ. Автор 13 книг стихотворений и 2 книг прозы. Публиковался в журналах «Природа и охота», «Земский вестник», «Пограничник», альманахах и печатных СМИ. Член Союза писателей России. В «Суре» публикуется впервые.

ОШЕВНЕВ Федор Михайлович. Родился в 1955 году в г. Усмань Липецкой области. Окончил Воронежский технологический институт и Литературный институт имени А.М. Горького (семинар прозы профессора В.И. Гусева). Прозаик, публицист, журналист. Двадцать пять лет отдал госслужбе: в армии и милиции. Майор внутренней службы в отставке, участник боевых действий, ветеран труда. Автор шести прозаических (сборники повестей и рассказов) и двух публицистических (очерковых) книг. Публиковался в русскоязычных журналах: «Edita» (Германия, Вестфалия), «Процесс» (Чехия, Прага), «Лексикон» (США, Чикаго), «На любителя» (США, Атланта), «Новая Немига литературная» (Беларусь, Минск), «Мир животных» (Беларусь, Гомель), «Новый свет» (Канада, Торонто), «Книголюб» (Казахстан, Алматы); во многих российских изданиях. Член Союза журналистов России. Член Союза российских писателей. Живет в Ростове-на-Дону. В «Суре» публикуется впервые.

ПРИЛЕПИН Захар (Евгений Николаевич Лавлинский). Родился в 1975 году в деревне Ильинка Рязанской области. Окончил филологический факультет Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Автор романов «Патологии» (2003), «Санька» (2006), «Черная обезьяна» (2012) и сборников рассказов «Грех» (2006), «Ботинки, полные горячей водки. Пацанские рассказы» (2007). В серии

«ЖЗЛ» в 2010 году вышла книга З. Прилепина «Леонид Леонов. Его игра была огромна». В 2014 году роман «Обитель» был удостоен премии «Большая книга».

САПУНОВ Валерий Борисович. Родился в 1950 году в городе Куйбышеве (Самаре). В настоящее время живет в Москве. Окончил институт электронной техники и Литературный институт им. Горького. Работал в районных, центральных газетах и журналах. В настоящее время издает свою газету «Чистый город» по договору с Департаментом ЖКХиБ г. Москвы. Издал две книги: «Золотая петля» (повести и рассказы); «Невидимая брань. Очерки мистики великой войны». Лауреат нескольких конкурсов прозы и драмы. Член Союза журналистов СССР, член Союза писателей СССР.

САХАРОВА Оксана Викторовна. Родилась в 1981 г. в г. Ельце Липецкой обл. Окончила филологический факультет Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. В настоящее время завершает обучение в аспирантуре на кафедре русской классической литературы Московского областного государственного университета. Научный руководитель — доктор филологических наук И.А. Киселева. Член Общества православных педагогов г. Ельца. Один из авторов статей для юбилейного литературоведческого издания «Лермонтов. Энциклопедический словарь» (2014). Автор более 53 научных публикаций, постоянный активный участник научных конференций как международного, так и всероссийского уровня. В «Суре» публикуется впервые.

СИДОРЕНКО Виктор Александрович. Родился в 1936 г. Окончил ПХУ им. Савицкого, сценарный факультет ВГИКа. Драматург. Автор книг: «Судный день», «Ветви столетнего дерева», «Однажды жили мы», «Паола», многочисленных пьес. Лауреат премии Всесоюзного конкурса на лучшую пьесу о молодежи (1975), лауреат конкурса Гостелерадио (1990), лауреат премии им. М.Ю. Лермонтова (2004). Член Союза писателей СССР, член Союза художников России, заслуженный работник культуры России.

СИЛКИН Владимир Александрович. Родился в 1954 г. Окончил Рязский дорожный техникум, Новосибирское высшее военнополитическое общевоинское училище, редакторское отделение военно-педагогического факультета Военно-политической академии. Автор сорока четырёх книг стихотворений, в том числе детских, эссе, песен, переводов. На его произведения написано более 500

песен композиторами России и Зарубежья. Лауреат Государственной премии России, Приморского комсомола, Национальной премии Петра Великого, Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» и многих других. Заслуженный работник культуры РФ. Кандидат педагогических наук. Главный редактор военного литературного альманаха «Рать», ответственный редактор журнала «Московский Вестник». Секретарь Союза писателей России. Возглавляет литературное объединение имени Героя Советского Союза, писателя Владимира Васильевича Карпова при Военно-художественной студии писателей Культурного центра ВС РФ им. М.В. Фрунзе. В «Суре» публикуется первые.

СУХОВ Алексей Валерьевич. Родился в 1991 году в Пензе. Аспирант на кафедре литературы и методики ее преподавания ПГУ. Автор статьи в журнале «Современное есениноведение» (Рязань).

СУХОВ Валерий Алексеевич. Родился в 1958 году в селе Архангельском Городищенского района Пензенской области. В 1980 г. окончил историко-филологический факультет Пензенского государственного педагогического института имени В.Г. Белинского. В 1997 г. в Московском педагогическом университете защитил кандидатскую диссертацию «Сергей Есенин и имажинизм». Доцент кафедры литературы и методики преподавания литературы Пензенского государственного университета. Автор сборников стихов «Вербное воскресенье» (1995), «Благословение» (2000), «Неопалимая полынь» (2003), «Родное Архангельское» (2004), «Архангельский мой собор» (2008). Стихи публиковались в журналах «Сура», «Наш современник», «Подъем», «Русское эхо», «Странник», «Молодая гвардия», «Нижегородская провинция», «Простор», в «Литературной газете». Лауреат премии губернатора Пензенской области за достижения в литературе по итогам 2004 года, лауреат Всероссийской премии имени М.Ю. Лермонтова (2009), международной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами...» в номинации «Взыскующим взглядом» (2010), лауреат премии конкурса «Гранатовый браслет» в номинации «Мастер» (2011). Член Союза писателей России. Член общественного совета журнала «Сура».

ТЕПЛИЦКАЯ Марина Александровна. Родилась в 1963 г. в г. Красноярске. Окончила Казахский политехнический институт по специальности «АТМ (Автоматизация и телемеханика)», г. Алма-Ата. Окончила курсы золотного шитья (1993). Первые работы — иконы и панно. За весь творческий период выполнено более 150 работ.

Принимала участие в ручной расшивке занавеса Пензенского драматического театра. С 2003 года принимала участие в различных выставках и конкурсах, награждалась дипломами и грамотами. С 2012 г. в составе Ремесленной палаты Пензенской области неоднократно представляла свои работы в Москве, Санкт-Петербурге, Смоленске, Городце, Саратове, Елабуге, Чебоксарах, Оренбурге. В марте 2014 г. состоялась первая персональная выставка в г. Заречном. В марте 2015 г. — персональная выставка в Пензе. В 2014 г. выпустила сборник стихов «Кусочки осени». В «Сура» публикуется первые.

ФЕДОРОВ Михаил Иванович. Родился в 1953 г. в Вологде. Окончил школу-интернат физико-математического профиля при Московском государственном университете и Высшую Краснознаменную школу Комитета Госбезопасности им Ф.Э. Дзержинского. Автор многих романов и публикаций в журналах «Российская юстиция», «Роман-журнал XXI века», «Россияне», «Пражские огни». Адвокат. Член Союза писателей России.

ФРОЛОВ Петр Андреевич. Родился в 1930 г. в селе Лермонтово. Окончил Пензенский государственный педагогический институт им. В.Г. Белинского. Преподавал в школе села Лермонтово литературу и русский язык. Работает в музее-заповеднике «Тарханы». Автор книг «Город Белинский» (1979), «К истокам творчества М.Ю. Лермонтова» (1982, в соавторстве с А. Д. Семченко), «А. И. Куприн и пензенский край» (1984), «Лермонтовские Тарханы» (1987, 2002). Лауреат литературной премии им. М.Ю. Лермонтова.

ЧЕБАЛИНА Елена Геннадьевна. Родилась в 1984 г. в Баку. Окончила факультет вычислительной техники ПГУ. Автор книги «Шахматы» (2004). Автор публикаций в книгах «Молодая пензенская поэзия» (2007), «Дом на четыре окна» (2008), в коллективных сборниках «Я хочу коснуться неба», «Я стихи выпускаю в небо», альманахе «Берега». Лауреат Всероссийского открытого поэтического фестиваля «Мцыри» (2008), Всероссийского поэтического конкурса в рамках Пушкинского молодежного фестиваля искусств «С веком наравне» 2004 и 2005 гг., по итогам которого стихи были опубликованы в журнале «Современник», премии «Гранатовый браслет». Участник поэтических клубов «Берега» и «Поющие поэты» при журнале «Сура». Лауреат литературной премии журнала «Сура» «Под Лермонтовской звездой».

Учредитель и издатель:

ГБУК «Пензенская областная библиотека им. М.Ю. Лермонтова»

Общественный совет журнала: Г.Е. ГОРЛАНОВ, Н.М. ИНЮШКИН, С.В. КАЗАКОВ,
А.И. ЛОМОВЦЕВ, М.Н. ОСИПОВА, Ю.М. ПОЛЯКОВ, Е.А. СТОЛЯРОВА,
А.Б. ТУГАРОВ, А.В. ТЮСТИН, О.В. ЧУБАРЬ, И.С. ШИШКИН

Редакционная коллегия: С.С. ВАХШТАЙН, Л.И. ДОРОШИНА, В.В. КЕЛЬХ,
Ю.В. КУЗНЕЦОВ, Ф.Ю. САМАРИН, О.В. СИРОТИН, В.А. СУХОВ,
В.В. ТЕРЕНТЬЕВ, В.А. ЮРАКОВ, Л.И. ЯШИНА

Главный редактор Борис ШИГИН

Р е д а к ц и я:

Лидия ДОРОШИНА — редактор отдела поэзии

Федор САМАРИН — редактор отдела прозы

Олег СИРОТИН — редактор отдела истории и краеведения

Сергей А. ПОНОМАРЕВ — художественный редактор

Ольга МАКАРОВА — технический редактор

Елена КОМЗАЛОВА — редактор-организатор

Компьютерная верстка — **Олег СИРОТИН**

Корректор — **Светлана АНДРЕЕВА**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № ТУ 58-0009,
выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия по Пензенской области.

16+

Адрес редакции: г. Пенза, ул. Белинского, 10, тел. 63-44-20

Адрес учредителя и издателя: г. Пенза, пр. Строителей, 168-а

Интернет-версию журнала можно прочесть на сайте

областной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова (<http://liblermont.ru>)

Адреса электронной почты редакции: borisshigin@yandex.ru (главный редактор),

lidiy2305@mail.ru (редактор отдела поэзии), fedor.samarin2011@yandex.ru (редактор отдела

прозы), ngmi@sura.ru (редактор отдела истории и краеведения)

Тел. гл. редактора — 8 937 402 22 73

Приобрести журнал «Сура» можно в библиотеке им. М.Ю. Лермонтова

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых
приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей.

Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция убедительно просит авторов присылать свои произведения
в соответствующие отделы редакции. Проза принимается с распечаткой текста.
Иллюстрационный материал соответствует качеству предоставленных оригиналов.

Подписной индекс «Суры» 53242

Сдано в набор 29.04.2015 года. Подписано в печать 29.05.2015 года. Бумага офсетная.
Формат 60х84 1/16. Отпечатано методом офсетной печати. Усл. печ. л. 14. Уч.-изд. л. 14.

Заказ № 1452. Цена договорная. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в ОАО «ИПК «Пензенская правда».

Адрес: 440026, г. Пенза, ул. К. Маркса, 16.